

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA

Adres redakcji

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskich UAM
al. Niepodległości 4
61-874 Poznań, Polska
Tel. +48618293576, faks +48618293575
email: studia.rossica.poznan@gmail.com
strona domowa: srp.amu.edu.pl
panel redakcyjny: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/strp>

Zespół redakcyjny

Beata Waligórska-Olejniczak (redaktor naczelna), Bożena Hrynkiewicz-Adamskich,
Svetlana Kirschbaum, Aurelia Kotkiewicz, Wawrzyniec Popiel-Machnicki, Roman Szubin,
Konrad Rachut (sekretarz)

Recenzenci

Lista recenzentów, opis procedury recenzowania oraz wskazówki dla autorów dostępne są
na stronie internetowej czasopisma: srp.amu.edu.pl

Rada naukowa

Stefano Aloe (Uniwersytet w Weronie, Włochy)
Marina Balina (Uniwersytet Illinois Wesleyan, Stany Zjednoczone)
Edyta Bojanowska (Uniwersytet Yale, Stany Zjednoczone)
Claudia Criveller (Uniwersytet Padewski, Włochy)
Seth Graham (Kolegium Uniwersyteckie w Londynie, Wielka Brytania)
Vladimir Klimonov (Uniwersytet Humboldtów w Berlinie, Niemcy)
Tetyana Kosmeda (Doniecki Uniwersytet Narodowy im. Wasyla Stusa, Ukraina)
Elisa Kriza (Uniwersytet Ottona i Fryderyka w Bambergu, Niemcy)
Joanna Mianowska (Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska)
Natalia Muranska (Uniwersytet Konstantyna Filozofa w Nitrze, Słowacja)
Gennadi Obatnin (Uniwersytet Helsiński, Finlandia)
Anna Paszkiewicz (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Audinga Pelurityte-Tikuisiene (Uniwersytet Wileński, Litwa)
Fedor Poljakov (Uniwersytet Wiedeński, Austria)
Michał Sarnowski (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Bazyli Tichoniuk (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)
Roman Voitekhovich (Uniwersytet w Tartu, Estonia)
Adrian J. Wanner (Uniwersytet Stanu Pensylwania, Stany Zjednoczone)
Halina Wątróbska (Uniwersytet Gdański, Polska)
Jarosław Wierziński (Uniwersytet Łódzki, Polska)
Alexander Wöll (Uniwersytet Poczdamski, Niemcy)

UNIWERSYTET IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA

TOM XLVII, NR 2

Redaktorzy naukowi tomu

BOŻENA HRYNKIEWICZ-ADAMSKICH

WAWRZYNIEC POPIEL-MACHNICKI

BEATA WALIGÓRSKA-OLEJNICZAK

WYDAWNICTWO
NAUKOWE

POZNAŃ 2022

Okładkę projektowała

MARIA DOLNA

*Publikacja sfinansowana przez Instytut Filologii Wschodniosłowiańskich UAM
oraz Wydział Neofilologii UAM*

© Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu,
Wydawnictwo Naukowe UAM, 2022

Wersja elektroniczna publikacji jest dostępna
na licencji Creative Commons – Uznanie autorstwa –
Użycie niekomercyjne – Na tych samych warunkach
4.0 Międzynarodowe

Wydano na podstawie maszynopisu gwarantowanego

Redaktor techniczny: DOROTA BOROWIAK

Koordinacja prac wydawniczych: OLGA BRONIKOWSKA

Opracowanie graficzne okładki i łamanie komputerowe: MARCIN TYMA

ISSN 0081-6884

ISSN (Online) 2720-703X

DOI: 10.14746/strp

WYDAWNICTWO NAUKOWE UNIwersytetu IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU

61-701 POZNAŃ, UL. ALEKSANDRA FREDRY 10

www.press.amu.edu.pl

Sekretariat: tel. 61 829 46 46, faks 61 829 46 47, e-mail: wydnauk@amu.edu.pl

Dział sprzedaży: tel. 61 829 46 40, e-mail: press@amu.edu.pl

Wydanie I. Ark. wyd. 14,50. Ark. druk. 14,75

DRUK I OPRAWA: VOLUMINA.PL SP. Z O.O., SZCZECIN,
UL. KS. WITOLDA 7–9

CONTENTS

LITERARY STUDIES

Żanna Niekraszewicz-Karotkaja, <i>“King David’s Psalter” by Symeon of Polatsk in the context of paraliturgical and paraphrastic tradition of XVI–XVII centuries . . .</i>	9
Ludmiła Szewczenko, <i>Personal notes as a hope for life (“A book of the blockade” by Ales Adamovich and Daniil Granin)</i>	27
Beata Pawletko, <i>Trauma, memory, affect: Echo of terror in graphic novel “Survilo” by Olga Lavrenteva</i>	47
Andrzej Polak, <i>Fun or affect? On the ideological entanglement of the works of Victor Pelevin</i>	61
Joanna Radosz, <i>Implementation of the Jungian concept of Russian people as intuitive introverts in the contemporary speculative fiction</i>	77
Olga Siemońska, <i>Venetian places of imagination. “Fondamenta degli Incurabili” – an attempt at interpretation</i>	87
Roman Szubin, <i>“Desired future” and “going forward” – the category of the future in the scientific work of Mikhail Mikhailovich Bakhtin</i>	103

LINGUISTIC STUDIES

Elena Koriakowcewa, <i>On the hybrid word-composition in the Russian language in the era of globalization.</i>	115
Ewa Kapela, <i>Innovations in the Russian public discourse (based on the discussion of the most important events of 2020–2021 in electronic media)</i>	131
Dmitrii Lukianov, <i>The role of linguistic means in the description of Polish-Russian relations in the texts dedicated to the topic of the Katyn massacre (on the materials of “Gazeta Wyborcza” in the period from 1989 to 1999)</i>	145
Vladimir Klimonov, <i>“En route” to the optimal structuring of the system of the aspectual paradigms in the Russian language</i>	155
Tetyana Kosmeda, <i>Reconsidering classical studies of Ukrainian foreign linguistics: Gender issues in Yuri Shevelev’s edifice (based on the article “Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen”)</i>	165
Oksana Kovtun, <i>Actual problems of contrastive grammar in the focus of pragmalinguistics</i>	181
Joanna Orzechowska, <i>Emotive adjectives in Polish and Russian – similarities and contrasts</i>	197

Vesselina Laskova, <i>Oral translation as a way of fostering accuracy. Evidence from teaching Russian</i>	205
Ewa Dzwierżyńska, <i>Enriching students' vocabulary using new information and communication technologies (using the example of WorldWall and LearningApps services)</i>	223

VARIA

Andrzej Narloch, <i>Anniversary reflections – on the occasion of the 80th birthday of Dr Tadeusz Pacholczyk</i>	233

SPIS TREŚCI

LITERATUROZNAWSTWO

Żanna Niekraszewicz-Karotkaja, „Псалтирь царя Давида” Симеона Полоцкого в контексте паралитургической и парафрастической традиции XVI–XVII вв.	9
Ludmiła Szewczenko, Личные записи как надежда на жизнь („Блокадная книга” Алеся Адамовича и Данила Гранина)	27
Beata Pawletko, Trauma, pamięć, afekt: echa terroru w powieści graficznej „Сурвило” Olgi Ławrientiewej	47
Andrzej Polak, Zabawa czy afekt? O ideologicznym uwikłaniu twórczości Wiktora Pielewina	61
Joanna Radosz, Осуществление юнгианской идеи русских как интуитивных интровертов в современной литературной фантастике	77
Olga Siemońska, Weneckie miejsca wyobraźni. „Fondamenta degli Incurabili” – próba interpretacji	87
Roman Szubin, „Чаемое будущее” и „идти вперед” – категория будущего в научном творчестве Михаила Михайловича Бахтина	103

JĘZYKOZNAWSTWO

Elena Koriakowcewa, O гибридном словосложении в русском языке в эпоху глобализации.	115
Ewa Kapela, Инновации в русскоязычном публичном дискурсе (на материале обсуждения важнейших событий 2020–2021 гг. в электронных СМИ)	131
Dmitrii Lukianov, Роль языковых средств при описании польско-российских отношений в текстах, посвященных теме Катыни (на материале „Газеты Выборча” за период 1989–1999 гг.)	145
Vladimir Klimonov, На пути к оптимальному структурированию системы видовых парадигм в русском языке	155
Tetyana Kosmeda, Ревизия классики украинской зарубежной лингвистики: гендерная проблематика в системе взглядов Юрия Шевелева (на материале статьи „Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen”)	165
Oksana Kovtun, Actual problems of contrastive grammar in the focus of pragmalinguistics	181
Joanna Orzechowska, Emocjonalne przymiotniki w języku polskim i rosyjskim. Paralele i kontrasty.	197

Vesselina Laskova, <i>Oral translation as a way of fostering accuracy. Evidence from teaching Russian</i>	205
Ewa Dźwierżyńska, <i>Обогащение лексикона студентов с использованием новых информационно-коммуникативных технологий (на примере сервисов WorldWall и LearningApps)</i>	223

VARIA

Andrzej Narloch, <i>Jubileuszowe refleksje – w 80. rocznicę urodzin doktora Tadeusza Pacholczyka</i>	233

LITERATUROZNAWSTWO

ŻANNA NIEKRASZEWICZ-KAROTKAJA

Псалтирь царя Давида Симеона Полоцкого в контексте паралитургической и парафрастической традиции XVI–XVII вв.

King David's Psalter by Symeon of Polatsk in the context of
paralitururgical and paraphrastic tradition of XVI–XVII centuries

Abstract. The collection of poetic translations of King David's Psalms, compiled by Symeon of Polatsk, is usually used in the scientific discourse under the descriptive title *Psaltir' rifmotvornaya*. In this article, *King David's Psalter* (1680) of Symeon is considered not in the context of the poet's entire creative heritage, but in terms of the evolution of the European book tradition of paralitururgical discursive psalmic practices and the poetic paraphrase of the psalms, beginning with the German poets of the Renaissance Helius Eobanus Hessus and Ioannes Mylius Libenrodensis. Not only the artistic experience of Western and Central Europe but also of the Grand Duchy of Lithuania is taken into account. Addressing the broader historical context allows us to move away from traditional scientific discussions about the degree of influence of Jan Kochanowski's poetic paraphrases of psalms (*Psalterz Dawidów*, 1578) and to more adequately appreciate Symeon's merits in the field of cultural transfer. The *King David's Psalter* of Symeon is evaluated as a result of the interaction of the European book tradition of creating poetic paraphrases of biblical texts and the East Slavic singing culture. The functioning of this culture from the end of the 16th century and especially in the 17th century was greatly influenced by Polish spiritual songs (first of all, the poetic paraphrases of the psalms of Jan Kochanowski), as well as by the increased interest in polyphonic singing thanks to Nikolai Diletsky.

Keywords: Psalter, artistic paralitururgical discourse, poetic paraphrase, Helius Eobanus Hessus, Ioannes Mylius Libenrodensis, Jan Kochanowski, Symeon of Polatsk, Nikolai Diletsky

Żanna Niekraszewicz-Karotkaja, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, zhanek@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9544-2159>

In memoriam Hans Rothe (1928–2021)

Поэтический сборник Симеона Полоцкого под названием *Псалтирь царя Давида, художеством рифмотворным равномерно слога и согласноконечно, по различным стихом родом предложенная* был издан в Верхней типографии Москвы в 1680 году. Его основу составляют стихотворные переложения псалмов царя Давида, вошедших в библейскую книгу *Псалтирь*. По свидетельству Ильи Сермана, описательное название *Псалти/ьрь рифмотворная* в дальнейшем использовал сам Симеон (Serman 216); именно оно закрепилось в исследовательском дискурсе уже в XIX в. Поэтический сборник псалмов быстро привлек к себе внимание критиков, преимущественно недоброжелательных (Serman 216–217), что создало основу широкого дискуссионного поля для историков литературы.

Илья Серман высказал в целом справедливое замечание: „Для русской литературы и русской общественной жизни 1670-х годов намерение Симеона переложить стихами *Псалтирь* было смелым, поистине новаторским шагом” (Serman 214). Однако в научных публикациях по данной проблематике не всегда можно найти предметные и адекватные комментарии о сути этого новаторства. Исследовательские интенции ученых, обращающихся к *Псалтири царя Давида*, обычно ориентированы в русло изучения поэтических особенностей стиля псалмов. Весьма востребованной в научном дискурсе до сегодняшнего дня остается цитата из статьи Игоря Еремина, подтверждающая оригинальность этого творческого проекта поэта эпохи Барокко. Ученый признает, что „поэтические отступления” от оригинала в стихотворных псалмах поэта из Полоцка довольно значительны: „[...] одни из них – плод личной изобретательности Симеона, другие – результат внимательного изучения очень популярной в его время стихотворной псалтири знаменитого польского поэта XVI в. Яна Кохановского” (Eremin 225). Уже из этого следует, что творческое наследие поэта гетерогенно по своей природе.

Конечно, произведения Симеона Полоцкого ассоциируются сегодня (в особенности у зарубежных исследователей) в первую очередь с русским литературным каноном эпохи Барокко. Однако Марион Рутц справедливо указывает на то, что поэтическое наследие Симеона можно причислить к русской литературе лишь с определенными оговорками: основные свои произведения поэт написал на церковнославянском языке, переселился в столицу Московского царства лишь в 1664 г., а родом был из Полоцка, города в Речи Посполитой. „Учился сначала в Киеве, который в то время принадлежал еще к Короне Польской, а потом у иезуитов в Вильне, т. е. в литовской части Речи Посполитой” (Rutz 1). Фактически, славистка из Германии обратила внимание на то, что переезд Симеона из Полоцка в Мо-

скву следует расценивать как перемещение не только в геополитическом, но и в культурном пространстве.

Цель данного исследования – рассмотреть *Псалтирь царя Давида* Симеона Полоцкого не как частный художественный артефакт, связанный (или не связанный) с конкретным литературным влиянием, но с точки зрения эволюции христианской традиции художественного паралитургического дискурса. Вслед за учеными Института философии Российской Академии наук я связываю понятие дискурса с представлением о дискурсивности как „внутренней напряженности, обнаруживающейся даже в отдельном слове, которому невозможно сохранить сосредоточенность и определенность, но необходимо расширяться в многословие и пространность, истокаясь в нескончаемых уточнениях” (Blüher et al. 7). Дискурс и есть, таким образом, выше упомянутое расширение в многословие и пространность. Под паралитургическим дискурсом в отношении книг Библии здесь подразумевается разнообразное использование текстов Священного Писания христианства и интенции к их художественному трансформированию в катехитических, дидактических либо популяризаторских целях. Такой дискурс уже во времена Средневековья сформировался по отношению к псалмам как в западной, так и в восточной христианской традиции, и на этой основе формировалась также книжная культура их поэтического перефразирования.

Тот факт, что псалмы довольно рано покинули узкие пределы литургического функционирования и освоили паралитургическое художественное пространство, отмечается не только в научной, но и в учебной литературе. Так, Виктор Якубовский достаточно емко раскрыл первоначальный тезис о широком распространении псалмов Давида в книжной культуре Древней Руси.

Psalterz był nie tylko księgą niezbędną dla celów liturgicznych, ale i ulubionym modlitewnikiem domowym. Używano go powszechnie do nauki czytania, uczono się go na pamięć, recytowano nad chorymi i nieboszczykami, przepowiadano z niego przyszłość. Ogromna popularność Psalterza (Псалтирь) tłumaczy bardzo znaczny wpływ, jaki wywarł na styl literatury nie tylko staroruski, ale i późniejszych okresów (Jakubowski 44).

[Псалтирь была не только книгой незаменимой для литургических целей, но также любимым домашним молитвенником. По ней обычно учились читать, (псалмы) заучивали наизусть, читали над больными и умершими, использовали для предсказания будущего. Огромная популярность Псалтири объясняет то значительное влияние, которое она оказала на стиль литературы не только древнерусской, но и более поздних периодов.] [Перевод мой – ŻNK].

Стремление Симеона усвоить и воплотить эти разнообразные традиции художественной интерпретации псалмов в индивидуальном творчестве связаны с его принадлежностью к культурному пространству Великого

Княжества Литовского (далее – ВКЛ), письменная культура которого, в свою очередь, активно усваивала передовые культурные тенденции Запада. Обращение к более широкому историческому контексту позволяет уйти от традиционных литературоведческих дискуссий о степени влияния поэтических парафраз псалмов Яна Кохановского (сборник *Psalterz Dawidów*, 1578) и более адекватно оценить заслугу Симеона в области культурного трансфера.

В литературоведении XXI века особое значение приобрело понятие культурного пространства. Оно, по мнению Юргена Йоachimсталера, проявляет себя наиболее выразительно в процессе его олитературивания (*Literarisierung*), поскольку в этом случае неизбежно проявляется феномен конденсации культурного пространства (*Kulturraumverdichtung*), обнаруживая те культурные ландшафты, которые дополняют друг друга либо конкурируют друг с другом (Joachimsthaler 18). Результатом конденсации может быть также наложение одного культурного пространства на другое в одном и том же месте, например, в пограничных регионах. Эффект наложения культурных пространств по линии Запад – Восток обнаруживает себя также в сфере паралитургических текстов.

Уже в раннем Средневековье активизировались всевозможные интерпретационные практики в отношении текстов Священного Писания христиан. Восточнославянская книжность, глубоко усвоившая литургическую, типиконную и агиографическую традиции, проявляла также внимание к различного рода сборникам. Так, уже в XI веке на незначительном хронологическом отрезке возникли два *Изборника Святослава* – 1073 и 1076 годов; в обоих представлены фрагменты из гомилетических и агиографических сочинений, а также из библейских книг. Однако древнейшим восточнославянским письменным текстом признан на сегодняшний день так называемый *Новгородский кодекс*, представляющий собой не что иное, как тексты 75 и 76 псалмов, а также часть 67 псалма на церковнославянском языке (см. Zaliznâk). Совершенно не случайно древнейшими восточнославянскими текстами на церковнославянском языке оказались именно тексты Псалтири.

Псалмы царя Давида использовались в первую очередь как тексты христианских песнопений, т. е. имели непосредственное отношение к литургической поэзии. Ханс Роте приводит статистические данные, свидетельствующие об абсолютном преобладании таких текстов в корпусе древнейших восточнославянских рукописей. По его сведениям, с XI–XIII вв. до наших дней сохранились 83 рукописи апракосного Евангелия, 12 рукописей *Апостола*, 12 рукописей *Псалтири*, 7 рукописей отдельных книг Ветхого Завета и 117 (!) рукописей служебников со специальными литургическими песнопениями (см. Rothe 2000b: 43). Сам за себя говорит тот факт, что количество

песенных сборников для литургического использования превышало даже количество служебных (апракосных) Евангелий, обеспечивавших литургию слова. Это означает, что в христианской культуре славян слово певческое было не менее важным, нежели слово проповедническое.

В том же XI веке в Центральной и Западной Европе сформировалась традиция особого типа литургического издания – бревиария (*breviarium*). Его прагматическое предназначение заключалось в том, чтобы собрать воедино все необходимые для богослужения молитвословные тексты. Уже к XIII веку в бревиарий входила расписанная по дням недели и часам суток *Псалтирь*, а также фрагменты из других книг Библии, гомилий и учения отцов Церкви. Кроме того, бревиарии включали в себя тексты различных песнопений (Baranov, Saharov stlb. 745). В целом же богослужебные сборники, составленные на основе *Псалтири*, типичны как для западной, так и для восточной христианской книжной традиции. В отличие от восточной Церкви, где основную смысловую нагрузку несут стихиры, тропари и другие гимнографические сочинения, в западной традиции в основе богослужения лежат именно псалмы, увязываемые с воспоминаниями текущего дня при помощи антифонов.

Традиционный католический бревиарий фактически выполнял функцию часословца для священнослужителей. Сокращенной формой бревиария был сборник под названием *liber viaticus* [дорожная книга]. Именно такой тип изданий приобрел чрезвычайное распространение в Европе конца XV – начала XVI веков. Так, лишь в одной (Наумбургской) диоцезии в Германии с 1487 г. до периода Реформации вышло семь изданий бревиариев, при этом их форма и содержание никогда не были однородными (см. Nekrašević-Karotkaâ 2012: 72). Но неизменной составной частью любого дорожного бревиария была *Псалтирь*.

Один из таких сборников, изданных Божидаром Вуковичем, упомянул Евгений Немировский в связи с так называемой *Малой подорожной книжкой* Франциска Скорины; вслед за югославскими учеными такой тип издания назван „сборником для путешественников” (Nemiřoŭski 402). Однако в реальности изданный в 1520 г. в Венеции Божидаром Вуковичем сборник назывался *Psaltir sa posledovanjet i časlovset*. Подобным образом *Псалтирью с воследованием* (или *Следованной Псалтирью*) является упомянутое выше издание Франциска Скорины, опубликованное в Вильне в 1522 г. Определение „малая подорожная книжка”, использованное белорусским просветителем в послесловии к этой книге, следует считать не конкретным ее названием, а характеристикой типа издания (см. Karotki, Nekrašević-Karotkaâ).

В процессе изучения *Псалтири царя Давида* Симеона Полоцкого ученые обращают внимание в первую очередь на псалмы, что понятно с точки зрения чистой логики, но недостаточно с точки зрения истории культуры.

Симеон, как и Франциск Скорина, приблизил свой сборник в структурном отношении к типу *Следованной Псалтири*. Ведь помимо поэтических парафраз псалмов здесь были напечатаны также ветхозаветные *песни* и *молитвы* в стихотворном переложении поэта (обычно они присоединялись к Псалтири), а также *Месяцеслов*. На эту особенность архитектоники сборника обратила внимание Людмила Сидорович. Исследовательница утверждает также, что эта книга „предназначалась для *домашней потребности* интеллигентного читателя – знатока и ценителя *рифмованной речи*” (Sidorovič 174).

Соглашаясь с автором относительно „домашней потребности”, добавим все же, что *Псалтирь царя Давида* Симеона изначально была действительно ориентирована на паралитургический дискурс, но предназначалась она не для читателя, а для певца (в том числе любителя), т. е. поэтические парафразы псалмов были ориентированы не на декламационную (в отличие, скажем, от *Метров на пришествие во град отчистый Полоцк <...> Алексея Михайловича*), а на певческую практику. Впрочем, Сидорович, защитившая кандидатскую диссертацию на тему *Псалмы на тексты „Псалтири царя Давида” Симеона Полоцкого в нотных рукописных памятниках последней четверти XVII – первой четверти XIX вв.* в 2011 году, хорошо осознавала тесную связь поэзии с музыкой в текстах из *Псалтири царя Давида*. Из предисловий Симеона к *Псалтири царя Давида*, а также из различных публикаций ученых следует, что поэт задумал свой сборник скорее как книгу для „домашнего пения”. К этому вопросу я вернусь ниже.

Пересказывая одно из предисловий Симеона к *Псалтири царя Давида*, Сидорович излагает историю появления в свет этого сборника, излагая собственную интерпретацию автора. Поэт сообщил, что, заканчивая *Вертоград многоцветный* и располагая стихотворения в алфавитном порядке, он дошел до буквы „пси” (ψ) – и тут вспомнил, что с этой буквы начинаются слова „псалом” и „псалтирь”. Именно тогда он якобы решил переложить стихами некоторые псалмы (Sidorovič 174). При помощи такого изящного „вспоминания” Симеон моделирует *illutio* – игру, или розыгрыш, в поле культурного производства. Именно на такой розыгрыш, способный привлечь внимание и удивить, согласно Пьеру Бурдьё, опирается процесс создания новой легитимной формы в поле культурного производства, в которой писатель осуществляет желания читателей:

Each field (religious, artistic, scientific, economic, etc.) through the particular form of regulations of practices and the representations that it imposes, offers to agents a legitimate form of realizing their desires, based on a particular form of the *illutio* (Bourdieu 228).

Новой для литературы Московской Руси легитимной формой (*a legitimate form*) в случае *Псалтири рифмотворной* Симеона Полоцкого стала поэтиче-

ская парафраза псалма. Поэт был, несомненно, знаком с соответствующей литературной традицией, которая начала складываться в рамках стихотворства на классических языках (латинском и древнегреческом) в Западной Европе еще в период раннего христианства, однако приобрела истинный размах в эпоху Возрождения.

Поэтические воссоздания текстов Библии, переработки сюжетов священной истории христианства в виде библейских эпосов, а также агиографические поэмы появились уже в IV–V веках в творчестве Ювенка, Лактанция, Пруденция, Сульпиция Севера, Венанция Фортуната (Nekrašević-Karotka 2011: 47–48). Гуманисты эпохи Ренессанса (в первую очередь принадлежавшие к немецкому культурному пространству) возродили эту литературную традицию: ведь благодаря поэтическим перевоссозданиям ближе становилась мысль, что поэзия может быть священной (см. Pollmann 95). Кроме того, они объявляли слово уникальным, ни с чем не сравнимым и даже таинственным средством передачи самой разнообразной (в том числе священной) информации. Эти идеи развивал Иоганн Рейхлин (Johannes Reuchlin) в своих трактатах *De verbo mirifico* (*О волшебном слове*, 1514) и *De arte cabballistica* (*О каббалистическом искусстве*, 1517). В них ученый утверждает божественную природу изящного слова, его чудодейственную силу. Все это определило и новые ориентиры христианского просвещения: Священное Писание желательно было пропагандировать в самых разнообразных литературных интерпретациях. По мнению гуманистов, при помощи поэтической формы усиливалось нравственное и эстетическое воздействие канонических текстов христианства.

Особую популярность приобрели поэтические переложения Псалтири, которая с древнейших времен считалась одним из важнейших и наиболее изящных памятников древнееврейской лирики. Не случайно выдающийся немецкий филолог-классик Гелий Эобан Гесс (Helius Eobanus Hessus), которого современники называли „христианским Овидием“, создал поэтические парафразы псалмов на латыни. В 1531 г. появилось первое издание его книги *Psalterium Davidis carmine redditum* (*Псалтирь [царя] Давида в поэтическом переложении*). Предисловия к этой книге написали основоположники немецкого реформационного движения Мартин Лютер и Филипп Меланхтон (Hessus 3 v. – 4 r.).

Автором поэтических переложений псалмов на латинском языке был немецкий поэт и филолог-классик Иоганн Мюлиус из Либенроде (Ioannes Mylius Libenrodensis, около 1535–03.07.1575). Его творчество имеет отношение не только к немецкому культурному пространству, но и к культурному пространству Речи Посполитой. Получив основательную подготовку в области классических языков у известного гуманиста Михаэля Неандера

(Michael Neander, 1525–1595) в монастырской школе Ильфельда в Тюрингии, он издал в начале 1560-х гг. несколько сборников религиозных парафраз в Кракове, а в 1562–1564 гг. жил и работал в качестве придворного поэта и учителя сыновей известного магната Григория Александровича Ходкевича (о жизни и творчестве поэта см. Baldzuhn; Niekraševič-Karotkaja 2019). Иоганн Мюлиус не только сам поэтически перерабатывал тексты псалмов и молитв, но и привлекал к этой творческой деятельности своих учеников, сыновей Григория Ходкевича. Результаты их поэтических упражнений Мюлиус опубликовал вместе с собственными сочинениями в самом полном собрании своих поэтических произведений – *Poemata* (1568).

Приведем здесь текст краткой поэтической переработки 42 (согласно еврейской Библии, 41 – по Септуагинте) псалма, автором которой был Андрей Ходкевич.

*Quaemadmodum ceruus furiis agitatus iniquis
Exaturare sitim fontes inquirit anhelus:
Sic meus ad Dominum festinat spiritus aeger,
Atque Deum coeli gestit cognoscere uerum* (Mylus q4 v.).

[Подобно тому, как олень, гонимый свирепыми [собаками],
Измученный, стремится к источнику, чтобы утолить жажду.
Так моя истерзанная душа спешит к Господу
И торопится познать истинного Бога в небе] [Перевод мой – ŻNK].

Юный Ходкевич парафразировал начальный фрагмент псалма, используя при этом дактилический гекзаметр. Скорее всего, он сделал это с помощью своего учителя Мюлиуса.

Использование литургических текстов в образовательном дискурсе – еще одно know-how эпохи Ренессанса. Здесь снова нельзя не вспомнить книгоиздательский опыт Франциска Скорины и дважды изданную им Псалтирь. Первопечатник и сын купца, конечно, понимал, что „люди посполитые” (которым он адресовал все свои издания Библии) в первую очередь купят ту книгу, по которой их дети, ежедневно слышащие в церкви пение псалмов, будут учиться читать. Таким образом, Андрею Ходкевичу, ученику Иоганна Мюлиуса, проще было выполнять задание по латинской словесности, воссоздавая на языке древних римлян хорошо знакомый текст псалма.

Интересно, что латиноязычные стихотворные переложения псалмов создавали поэты даже в XVII в. Так, Джон Милтон, известный в первую очередь своей поэмой *Paradise lost* (*Потерянный рай*), издал в 1673 г. в Лондоне сборник своих стихов не только на английском, но также на латинском и древнегреческом языках, в том числе и поэтическое переложение 94-го псалма по-древнегречески (Milton 70).

Симеон Полоцкий, получивший блестящее образование, конечно, знал о поэтических переложениях Псалтири на классических языках. Приехав же в Москву, он с удивлением открыл для себя, что православные в русской столице с удовольствием распевают псалмы – конечно, не на греческом и не на латыни, но и не на том языке, которым они пользовались в повседневной жизни. Москвичи пели парафразы псалмов на польском языке, поскольку автором их был Ян Кохановский. Такая уникальная культурная ситуация сложилась в результате конденсации культурного пространства.

Поэты XVI века, создававшие поэтические парафразы библейских текстов, обращали внимание в первую очередь на их языковые, метрические и стилистические особенности. Ангелина Герус, сравнивая поэтические парафразы библейских текстов Франциска Скорины и Иоганна Мюлиуса, отмечает их стилистическую спецификацию, ориентацию на различные группы читателей (см. Gerus 48–49). В случае *Псалтири царя Давида* актуален вопрос не только о предполагаемом рецептивном поле этого издания, но и о том, что именно мотивировало Симеона приступить к реализации такого проекта, какова была его цель. Вопреки многочисленным обвинениям литературных оппонентов, поэт не желал при помощи этой книги ни сводить счеты со своими обидчиками, ни насаждать „латинскую ересь”. Перед Симеоном не стояла также задача соперничества с Яном Кохановским. Сергей Николаев справедливо считает, что зависимость Симеона от Кохановского была сильно преувеличена различными исследователями (см. Nikolaev 5–6). Конечно, библейский текст псалма у Симеона (как и у Яна Кохановского) претерпевал изменения. Но чем они были вызваны и каков был их организующий принцип? Разные исследователи отвечают на этот вопрос по-разному.

Лидия Сазонова справедливо акцентирует принадлежность Яна Кохановского и Симеона Полоцкого к двум разным литературно-художественным эпохам – Ренессансу и Барокко соответственно. „Если Ян Кохановский, – отмечает исследовательница, – рассматривал свою работу как пробу сил, своего рода соревнование с оригиналом, то поэты барокко в первую очередь преследовали цели вероисповедно-дидактические. Они имели в виду приобщение читателя к переводимой ими литературе путем придания привычному, хорошо известному тексту новой, привлекательной формы” (Sazonova 696). То же, что объединяло Яна Кохановского и Симеона Полоцкого – это их интенции не просто к распространению культуры поэтической парафразы текстов Священного Писания (как в случае Иоганна Мюлиуса), но активное стремление к популяризации парафразированных текстов Псалтири в качестве паралитургических песен среди широких масс верующих. Ведь литургическая и нелитургическая песни в традиции восточного христианства довольно четко разграничивались, на что обращает внимание Петер Женюх.

Паралитургическая песнь не является литургическим пением, а в восточной обрядовой среде никогда его не замещает, хотя обычно тесно связана с целым богослужебным процессом, его обрядами, молитвами, псалмами и гимнами, с библейской, теофанической и легендарной традицией (Žejuch 75).

Таким образом, в случае *Псалтири царя Давида* Симеона не интересовала задача литургического использования псалмов. Он ориентировался на аналогичную парафразу, созданную Яном Кохановским, и в первую очередь на поэтологические особенности его переложений, а не на их содержательные и стилистические доминанты. Поэт осознавал, что первичное значение имеет ритмическая организация текста. Именно это обстоятельство подтверждает Сергей Николаев. Рассуждая о степени влияния Яна Кохановского, ученый констатирует это влияние в основном на уровне версификации: „[...] полностью совпадает метрическое и строфическое построение 68 псалмов, тогда как влияния на уровне стилистическом или интерпретационном почти нет” (Nikolaev 6). Исследователь отмечает также отсутствие полонизмов – и это у автора, который сам в совершенстве владел польским языком!

Уместно здесь вспомнить о том, что в белорусский период творчества, в 1648 году, Симеон парафразировал на польском языке православный Акафист Пресвятой Богородице под названием *Akaphist Najświętszej Pannie, wierszami przełożony*, подписав его еще своей светской фамилией – *Piotrowski-Sitnianowicz* (Simeon 1990: 136–142). В контексте этой информации обращу внимание на еще одно важное замечание Николаева: „Симеон [...] ориентируется даже не на построчную, а на строфическую корреляцию при переводе” (Nikolaev 8). Этот тезис российского ученого применим не только к *Псалтири царя Давида*, но и к парафразе *Akaphist Najświętszej Pannie*. Ведь несмотря на свою польскоязычную оболочку, это гимнографическое сочинение состоит из тропарей и стихирей, а завершается канонем, состоящим, в свою очередь, из девяти песней. Тексты тропарей поэт из Полоцка предлагал дополнять ничем иным, как текстами псалмов Яна Кохановского, о чем свидетельствуют его примечания *Według Kochanowskiego* (Simeon 1990: 136).

Очевидно, что для Симеона при всем его пиитическом мастерстве был важен не столько сам текст и не столько тот или иной язык, сколько художественный дискурс в целом. Церковнославянский язык уже в XVII веке был труден для понимания светским людям, жителям белорусских земель: они пользовались в повседневной жизни не только *русским* (старобелорусским) языком, но также польским как государственным языком Речи Посполитой. При этом в православном богослужении использовался, конечно, язык церковнославянский. Польскоязычная парафраза православного акафиста могла играть роль своего рода языкового палимпсеста и способствовать более

осознанному вовлечению верующих в литургические практики православной Церкви.

Что касается *Псалтири царя Давида*, то мотивация создания поэтических парафраз псалмов была связана не только с нуждами повседневной духовной жизни верующих, но и с еще одним весьма важным культурным обстоятельством. В предисловиях к сборнику (поэтическом, обращенном к царю Федору Алексеевичу, а также в прозаическом и поэтическом – к читателю) Симеон указывает на те причины, которые подтолкнули его к поэтической обработке псалмов. Первая – осознание того, что в еврейской Библии псалмы были написаны стихами. Вторая причина – наличие поэтических переложений псалмов не только на латинском и древнегреческом языках, но также „на приискренем нашему славенскому языку диалекте полском” (Simeon 1953: 213). Конечно, здесь идет речь о поэтических парафразах псалмов, выполненных Яном Кохановским. При этом Симеон подчеркивает, что книги с этими текстами на польском языке были „не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимы” (Simeon 1953: 213).

Симеон, переехавший в Москву в 1664 году, лишь в 1680 опубликовал *Псалтирь царя Давида*. При этом он работал над рукописью с 4 февраля по 28 марта 1678 г. (Sidorovič 174). Рекордно короткий срок подготовки сборника явно свидетельствует о том, что было некое особое обстоятельство, повлиявшее на возникновение именно такого творческого замысла. Придуманная самим Симеоном легенда о букве „пси” из *Вертограда многоцветного* не может здесь служить удовлетворительным объяснением.

Следует принять во внимание тот факт, что в 1670-х годах в Московском княжестве (сначала в Смоленске, затем в Москве) жил и работал Николай Дилецкий (около 1630 – не ранее 1681), музыкальный теоретик и композитор. Благодаря ему распространяется новая музыкальная мода, связанная в первую очередь с партесным пением. *Грамматика мусикийская* Дилецкого вышла сначала в Вильне в 1675 г., затем в Смоленске в 1677 г. В Москве расширенное издание появилось в 1679 г., а затем еще одно – в 1681 г. Появление этой книги, отмечал Ханс Роте, отвечало тем духовным потребностям, которые приобрели всеобщий характер: „это было нечто подобное бестселлеру” („sie wurde so etwas wie ein Bestseller”) (Rothe 2000a: 26).

Музыкально-теоретический трактат Дилецкого появился именно в то время, когда Симеон зафиксировал уникальную культурную ситуацию, связанную с традициями паралитургического пения. Об этом поэт пишет в одном из предисловий к *Псалтири царя Давида*: „[...] мнози во всех странах Малыя, Белья, Черныя и Червоныя России, паче же во Велицей России, в самом царствующем граде и богоспасаемом граде Москве возлюбиле сладкое и согласное пение польския псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тые псалмы

петь, речей убо или мало или ничто же знающе и точию о сладости пения увеселяющееся духовне” (Simeon 1953: 213). В свою очередь, в культурном пространстве ВКЛ уже во второй половине XVI в. активно развивалось профессиональное музыкальное искусство. Именно тогда появились первые нотные рукописи, что было связано с культурной деятельностью и музыкальным искусством протестантов. Развитие профессионального певческого искусства относилось также к одному из важных направлений деятельности братских школ, где „в противовес католическому органу были переняты канты и псалмы, а также первые уроки по теории композиции” (Smolenskij 57).

Музыкальные реформы Дилецкого были восприняты Симеоном как новое слово в певческой культуре. Поэт не мог остаться равнодушным к этому перелому. В ситуации, когда вся Москва распевала псалмы на польском языке, для него стало делом чести вложить в уста москвитов те же песнопения, но не на чужом и непонятном для большинства русских людей польском языке. Каким же образом использовал поэт ситуацию популярности польскоязычных поэтических парафраз псалмов? Ответ на этот вопрос дает Ханс Роте.

Simeon zog daraus die Folgerung, den Psalter, der in der Nachdichtung Jan Kochanowskis bekannt geworden war, seinerseits in einer verständlichen Sprache nachzudichten; oder in einer vermeintlich verständlichen Sprache, denn er schrieb natürlich kirchenslavisch, nicht russisch. Die Lage, der er begegnen wollte, war also wohl die, daß Russen sich daran gewöhnt hatten, polnisch singen zu hören und auch selber zu singen, und der Text war ihnen egal (Rothe 2000a: 22).

[Видя это, Симеон пришел к выводу, что он должен поэтически перевоссоздать *Псалтирь*, ставшую популярной в поэтическом переложении Яна Кохановского, на понятном языке; или, скорее, на предположительно понятном языке – ведь он сочинял, конечно, не по-русски, а по-церковнославянски. Поэтому та ситуация, которую он стремился использовать, заключалась в следующем: русские уже привыкли слышать пение псалмов на польском языке и сами пели по-польски, поэтому текст не имел уже для них значения] [Перевод мой – ŽNK].

Таким образом, по мысли немецкого слависта, в случае Симеоновой *Псалтири царя Давида* шла речь не о лучшем понимании людьми сакральной истины священных текстов: не собственно перевод и не собственно передача смысла играли здесь определяющую роль.

Simeon hat den Psalter Kochanowskis nicht in erster Linie wegen der Texte auf ksl. umgedichtet, sondern wegen der Musik. Sie wollte er für den orthodoxen Gottesdienst gewinnen, und dazu brauchte er die Absicherung durch die ksl. Textgrundlage (Rothe 2000a: 27).

[Симеон поэтически перевоссоздал *Псалтирь* Кохановского не из-за текста в первую очередь, но из-за музыки. Именно ее – музыку – хотел он ввести в православное богослужение, и для этого ему нужен был в качестве защиты текст на церковнославянском языке] [Перевод мой – ŽNK].

Верифицируя сформулированный Хансом Роте тезис, сопоставим здесь два фрагмента 42 (41) псалма в переложении Симеона и Яна Кохановского. Это тот самый псалом, первые строки которого парафразировал в 1560-х гг. Андрей Ходкевич, ученик Иоганна Мюлиуса.

<i>Псалтирь царя Давида</i>	<i>Psalterz Dawidów</i>
Яко же елень ловцы утруженный, воды желяет быти прохладенный. Тако аз, Боже, к тебе въздыхаю, Зрети желяю. [...]	Jako na puszczy prędkimi psy szczwana Strumienia szuka łani zmordowana, Tak, mocny Boże, moja dusza licha Do Ciebie wzdycha. [...]
Слезы ми вместо хлеба тогда быша, Егда день и ношь врази мя прошиша. Где Бог твой аще тебе не остави, Того нам яви (Simeon 2009: 286–287)	Łzy moja karmia, potrawy płacz wieczny, Kiedy mię coraz pyta lud wszeteczny: „Gdzie teraz on twój, nędzniku wygnany, Bóg zawołany?” (Kochanowski 70)

Нетрудно заметить, что текст Симеона в образно-стилистическом отношении практически не зависит от текста Кохановского. Отсутствующие в Библии выражения „зрети желяю”, „того нам яви” делают поэтическую картину Симеона кинематографичной, т. е. осязаемой, рельефной и близкой к реальному эмоциональному восприятию человека, иными словами, воистину барочной. Что же касается строфики и просодии (три одиннадцатисложные строки завершаются пятисложной), то в этой сфере Симеон действительно ориентируется на текст Кохановского, но он делает это исключительно в целях сохранения гармонической организации текста. Данное обстоятельство и имел в виду Ханс Роте, утверждая, что Симеон переложил на церковнославянский *Псалтирь* Кохановского в первую очередь не из-за текста, а из-за музыки. Именно музыку, вслед за Дилецким, хотел утвердить Симеон в православном богослужении, с этой целью он и приспособил свой текст на церковнославянском языке к ритмической организации текста псалмов Яна Кохановского. Чтобы убедиться в справедливости мысли о приоритете музыки, достаточно пропеть псалом в переработке Яна Кохановского на мелодию Василия Титова, написанную для псалма Симеона Полоцкого [ср. аудиозапись исполнения вокального ансамбля классической музыки, художественный руководитель – Валентина Копылова] (Simeon Polockij, электронный ресурс). Эта мелодия гармонически идеально подходит не только к тексту Симеона, но и к тексту Кохановского.

Таким образом, издание *Псалтирь царя Давида* Симеона Полоцкого с полным основанием может быть идентифицировано как песенный сборник. Подобного рода сборники получили широкое распространение в культурном пространстве разных славянских народов в период позднего Барокко. Их изучением занимались Владимир Перетц, Чеслав Хернас, Михайло

Возняк, Адам Мальдзис. Даже в XVIII в. такие сборники бытовали преимущественно в рукописном виде. Однако Симеону Полоцкому еще в конце XVII в. удалось реализовать замысел книжного (печатного) издания *Псалтири*. Для этого он суммировал филологический опыт предшественников и творчески адаптировал его на русской культурной почве, проявив всю силу своего поэтического гения.

Заключение

Георгий Флоровский в книге *Пути русского богословия* оценил Симеона Полоцкого как самого типичного и влиятельного среди „литовских” выходцев при дворе Алексея Михайловича. Довольно неоднозначная характеристика Симеона – „заурядный западно-русский начетчик, или книжник” (Florovskij 104) – если и содержит в себе момент субъективной неприязни, то в первую очередь указывает все же на признание ученым высокой филологической культуры Симеона, его исключительного литературного дарования. Ведь в этой же книге Флоровский называет Ивана Грозного „изрядным книжником или начетчиком”, отмечая, что „у него был подлинно писательский дар” (Florovskij 45). Слово „начетчик” этимологически связано с прилагательным „начитанный”, так что оценка Георгия Флоровского лишь подтверждает широкую эрудицию Симеона, которая была необходимым условием для успешной подготовки *Псалтири царя Давида*.

Выводы по данному исследованию в основном сводятся к следующему.

1. Псалтирь в течение многих веков была не просто одной из книг Ветхого Завета. Она представляла интерес и для книгоиздателей, и для поэтов, и для педагогов. На основе текстов псалмов царя Давида шлифовали свое поэтическое мастерство и известные литераторы, и простые любители стихотворства, и школяры. В культурном пространстве ВКЛ, начиная с XVI в., активно усваивались различные художественно-трансформативные практики в отношении текстов Библии, в первую очередь – Псалтири. Симеон успешно осуществил трансфер этой традиции в культурное пространство Московской державы.

2. *Псалтирь царя Давида* Симеона Полоцкого возникла как результат взаимодействия европейской книжной традиции создания поэтической парафразы библейских текстов и восточнославянской певческой культуры. На функционирование этой культуры с конца XVI и особенно в XVII веке оказали значительное влияние польские духовные песни (в первую очередь – поэтические парафразы псалмов Яна Кохановского), а также усилившийся благодаря Николаю Дилецкому интерес к партесному пению. Это обстоя-

тельство предопределило соответствующий вектор работы Симеона: создание изящной версии текста на церковнославянском языке при строгой ориентации на гармонические особенности исполнения польскоязычных псалмов Яна Кохановского. Польскоязычные парафразы псалмов из сборника *Psalterz Dawidów* были востребованы Симеоном еще в белорусский период творчества, в частности при создании гимнографического сочинения *Akaphist Najświętszej Pannie* (1648). Слагая эту парафразу, Симеон стремился к эпистемологическому примирению церковнославянского языка в литургии Восточной Церкви и польского языка в повседневной жизни православных на белорусских землях Речи Посполитой, что было возможно в условиях диффузного культурного пространства той эпохи и того региона.

3. Заслуга Симеона Полоцкого заключается в создании литературной обработки псалмов на церковнославянском языке при использовании вошедшей в широкий культурный обиход метрической и гармонической основы, заимствованной у Яна Кохановского, и при сохранении в текстах приоритета вероисповедно-дидактического содержания. Издавая книгу, Симеон синтезировал традицию западных бревиариев („подорожных книг”) и славянской *Следованной Псалтири* на совершенно новой – песенной – основе. Этот художественный опыт можно идентифицировать как своеобразный и во многом уникальный пример конденсации культурного пространства ВКЛ, но не в пограничном регионе, а в культурном центре соседнего государства – Москве. Сборник Симеона Полоцкого является для восточнославянского культурного пространства связующим звеном между художественным опытом эпохи Ренессанса по созданию поэтических парафраз псалмов на классических (латинском и древнегреческом) языках и поэтическим освоением Псалтири в последующей литературной традиции. *Псалтирь царя Давида* Симеона Полоцкого следует рассматривать как эффект конденсации трех культурных пространств: белорусского (Великого Княжества Литовского), польского и русского. При этом фактор развития музыкальной культуры оказал непосредственное влияние на эволюцию культуры поэтической парафразы псалмов.

Библиография

- Baldzuhn, Michael. „Mylius Johannes”. *Frühe Neuzeit in Deutschland 1520–1620. Literaturwissenschaftliches Verfasserlexikon*. Red. Wilhelm Kühlmann, Jan-Dirk Müller, Michael Schilling u. a. Band 4. Berlin–Boston, De Gruyter, 2015, s. 546–554.
- Baranov, Igor', Petr Saharov. „Breviarij”. *Katoličeskaâ enciklopediâ*. Moskva, Izdatel'stvo franciskancev, 2002, stlb. 745–746.
- Blüher, Fedor et al. *Diskurs-analiz i diskursivnye praktiki*. Moskva, IF RAN, 2016.

- Bourdieu, Pierre. *The rules of art. Genesis and structure of the literary field*. Stanford, Stanford University Press, 1996.
- Eremin, Igor. „Simeon Polockij – poët i dramaturg”. *Simeon Polockij: izbrannyje sočineniâ*. Podgotovka teksta, stat’â i kommentarii Igor’ Eremin. Moskva–Leningrad, Izdatel’stvo AN SSSR, 1953, s. 223–260.
- Florovskij, Georgij, prot. *Puti russkogo bogosloviâ*. Moskva, Institut russkoj civilizacii, 2009.
- Gerus, Angelina. „Paëtyčnyâ parafrazy Dèkaloga ũ tvorčaj spadčyne F. Skaryny i I. Mûliusa”. *Mova i litaratura: materyjaly 75-j navuk. kanf. studentaŭ i aspirantaŭ filal. fak. BDU*. Red. Kiryla Tananuška. Minsk, BDU, 2018, s. 47–50.
- Hessus Eobanus. *Psalterium Davidis carmine redditum*. Lipsiae, Officina Valentini Papae, 1546.
- Jakubowski, Wiktor. „Pišmiennictwo państwa kijowskiego (koniec X – początek XIII w.)”. *Historia literatury rosyjskiej*. Red. Marian Jakóbiec. T. 1. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1976, s. 44–64.
- Joachimsthaler, Jurgen. „Die Literarisierung einer Region und die Regionalisierung ihrer Literatur”. *Regionalität als Kategorie der Sprach- und Literaturwissenschaft*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2002, s. 17–49.
- Karotki, Uladzimir, Žanna Nekraševič-Karotkaâ. „Pragmatyčnae bagasloŭskae pazicyânavanne Francyska Skaryny ũ knigavydaveckaj kultury XVI stagoddzâ”. *Asoba i tvorčaâ spadčyna Francyska Skaryny: rëceptyja i intèrpretacyâ*. Red. Ales’ Belski, Iryna Bagdanovič, Vol’ga Kryčko. Minsk, BDU, 2017, s. 17–29.
- Kochanowski, Jan. *Psalterz Dawidów*. Oprac. Jerzy Woronczak, Mirosław Perz. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1982.
- Milton, John. *Poems, etc. upon several occasions: both English and Latin etc. composed at several times*. London, Printed for Tho. Dring, 1673.
- Mylius, Ioannes. *Poemata Ioannis Mylii Libenrodensis, poetae Laureati, ex dioecesi generosum Comitum de Hoenstein*. <...> [S. l.]. Cum Gratia et Privilegio Caesareo, 1568.
- Nekraševič-Karotkaâ, Žanna. *Belaruskâ lacinamoŭnâ paema: pozni Renesans i rannâe Baroka*. Minsk, BDU, 2011.
- Nekraševič-Karotkaâ, Žanna. „Vilenskâe vydanne Francyska Skaryny: *Sledavany Psaltry* ci *Malaja padarožnâ knižka*?”. *Belaruskâe litaraturaznaŭstva: navukova-metadyčny zbornik*. Vyp. 10. Minsk, BDU, 2012, s. 69–73.
- Nekraševič-Karotkaâ, Žanna. „Widmungsgedichte von Johannes Mylius aus Liebenrode: zum Programm der humanistischen Katechese und religiösen Versöhnung in der Reformationszeit”. *Neulateinisches Jahrbuch*, 21, 2019, s. 273–307.
- Nemiroŭski, Âügen. „Malaâ padarožnâ knižka”. *Francysk Skaryna i âgo čas: èncyklopedyčny davednik*. Minsk, BelsË, 1988, s. 402.
- Nikolaev, Sergej. *Ot Kohanovskogo do Mickeviča: Razyskaniâ po istorii pol’sko-russkikh literaturnyh svâzej XVII – pervoj treti XIX v.* Sankt-Peterburg, Izdatel’stvo S.-Peterb. universiteta, 2004.
- Pollman, Karla. „Das lateinische Epos in der Spätantike”. *Von Göttern und Menschen erzählen. Formkonstanzen und Funktionswandel vormoderner Epik*. Red. Jörg Rüpke. Stuttgart, Steiner, 2001, s. 93–129.
- Rothe, Hans. „Paraliturgetische Lieder bei den Ostslaven, besonders Ukrainern (Östliche Liturgie und westliches Kirchenlied)”. *Sprache und Literatur der Ukraine zwischen Ost und West*. Bern–Berlin etc., Peter Lang, 2000a, s. 17–31.
- Rothe, Hans. *Was ist altrussische Literatur?*. Wiesbaden, Westdeutscher Verlag, 2000b.

- Rutz, Marion. „Hudožestvennaâ proekciâ multikul'turnogo obšestva: *Virši na sčastlivoje vozvrašenie Ego milosti Carâ iz-pod Rigi* Simeona Polockogo”. *Samosoznanie i identičnost' v russskoj literature XVIII – XXI vv.* Red. Alexander Graf. München, Herbert Utz, 2018, s. 1–13.
- Sazonova, Lidiâ. *Literaturnaâ kul'tura Rossii. Rannee novoe vremâ.* Moskva, Âzkyki slavânskikh kultur, 2006.
- Serman, Ilja. „*Psaltyr' rifmotvornaâ* Simeona Polockogo i russskaâ poëziâ XVIII v.”. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury.* T. 18. Moskva–Leningrad, AN SSSR, IRLI (Puškinskij dom), 1962, s. 214–232.
- Sidorovič, Lûdmila. „Simeon Polockij i ego *Rifmotvornaâ psaltir'* v istoriko-literaturnom processe: k 375-letiu so dnâ roždeniâ Simeona Polockogo”. *Doctrina. Studia społeczno-polityczne*, 1, 2004, s. 171–177.
- Simeon Polockij. *Izbrannye sočineniâ.* Podgotovka teksta, stat'â i kommentarii Igor' Eremin. Moskva–Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1953.
- Simeon Polockij. *Virši.* Sost., podgot. tekstov Viktor Bylinin, Lola Zvonareva. Nauč. red. Vladimir Korotkij. Minsk, Mastackaâ litaratura, 1990.
- Simeon Polockij. „*Psaltir' carâ Davida, hudožestvom rifmotvornym ravnomerno sloga i soglasnokonečno, po različnym stihom rodom pereložennaâ* (poëtičeskie teksty psalmov Simeona Polockogo iz rannej notnoj rukopisi), podgot. teksta Lûdmily Sidorovič”. *Gosudarstvo, religiâ, Cerkov' v Rossii i za rubežom*, spec. vyp. k nr. 4/200: Psaltir' i ee recepcii v culture. Moskva, RAGS, 2009, s. 274–314.
- Simeon Polockij. *Psaltir' rifmotvornaâ.* Web. 20.05.2022. <https://ksana-k.ru/?p=1686#41>.
- Smolenskij, Stepan. „Značenie XVII veka i ego kantov i psal'mov v oblasti sovremennogo cerkovnogo peniâ – tak nazyvaemogo *prostogo napeva*”. *Muzykal'naâ starina*, 5, 1911, s. 47–102.
- Zaliznâk, Andrej, Valentin Ânin. „Novgorodskââ Psaltyr' načala XI veka – drevnejšaâ kniga Rusi”. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 71 (3), 2001, s. 202–209.
- Žeňuch, Peter. „Duhovnye pesni v kontekste interkul'turnoj i interkconfessional'noj kommunikacii”. *Fontes Slavicae Orthodoxae*, 3, 2019, s. 71–85.

LUDMIŁA SZEWCZENKO

**Личные записи как надежда на жизнь
(Блокадная книга Алеся Адамовича и Даниила Гранина)**

**Personal notes as a hope for life
(*A book of the blockade* by Ales Adamovich and Daniil Granin)**

Abstract. In recent years there has been a rise in interest in documentary works based on personal memories of participants and witnesses of different events. *A book of the blockade* by Ales Adamovich and Daniil Granin is based on the recollections and diaries of Leningrad residents who survived the blockade. It carries great emotional, philosophical and moral weight, and gives an understanding to what the residents of the city believed in and hoped for. Using the materials of *A book of the blockade* the author of the article aims to analyze how documents and the writers' side notes affect a reader, and pinpoint the ways of presenting the notion of hope in the authentic diaries of Leningrad residents. As a result of the analysis of the mentioned text, the author reaches a conclusion that in the diaries the feeling and the emotion of hope is continuously updated in the course of creation of personal diaries by Leningrad residents. The concept of hope reflected on in *A book of the blockade* has a complex content, which can be associated with the triune concept of faith-hope-love. In the discourse of the authors, the concept preserves its Christian meaning – the spiritual salvation of a person. Yet its specifics is that the religious component is initially missing, and is subsequently gained through considerable changes that happen within and without those whose testimonies are collected in the book, and within and without the authors of the text, Adamovich and Granin.

Keywords: Adamovich, Granin, *A book of the blockade*, hope, diary, fiction and documentary literature

Ludmiła Szewczenko, Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, Kielce – Polska, szewczenko@ujk.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3939-2438>

Война всегда ассоциировалась со смертью, потерей близких, голодом и разрухой. Одной из первых открыла читателю в СССР подлинную правду о трагической судьбе людей во время Второй мировой войны художественно-документальная литература, развивающая традиции русской словесности. Самим фактическим материалом, показом реального трагизма бытия человека на войне она несла протест против любого насилия. Воздействие

ее на читателя огромно, хотя формы и способы представления материала отличны от тех, что присущи литературе художественной.

Целью данной статьи является:

- 1) анализ причин обращения современной художественной литературы к документальным источникам;
- 2) рассмотрение механизмов влияния документов и авторских отступлений в документалистике на читателя;
- 3) осмысление представления в дневниках ленинградцев переживания/чувства/концепта НАДЕЖДА в *Блокадной книге* Алеся Адамовича и Даниила Гранина.

Сразу отметим, что наличие и взаимопроникающее соседство документального и художественного начал естественно и прослеживается уже в древнерусских летописях, синкретический характер большинства из которых был тем не менее определен преобладанием содержащегося в них конкретно-исторического материала и предполагал его восприятие как реально случившегося. С летописанием тесно связано формирование на Руси патериковой традиции. В Киево-Печерском, Волоколамском и других патериках наряду с рассказами о событиях, имевших место в действительности, и известных лицах, повествование о которых включает в себя документально подтверждаемые подробности и конкретные исторические реалии, мы встречаем серии рассказов о героях фиктивных, описание которых не содержит точных пространственно-временных координат, практически лишено исторического контекста и отличается условностью¹. С развитием литературы как особого вида художественного творчества все дальше совершался отход от конкретного, фиксируемого в документах материала, на основе которого создавалось произведение, к образному, обобщенному воссозданию действительности. Сочетание реальных фактических данных с вымышленным, опирающимся на обобщенный образ повествованием нетрудно найти в произведениях русской литературы и более поздних периодов, скажем, у Николая Новикова, Дениса Фонвизина, Александра Радищева, Николая Карамзина, Александра Герцена, Александра Пушкина, Ивана Тургенева, Льва Толстого, Федора Достоевского, Ивана Гончарова, Николая Помяловского, Антона Чехова, Глеба Успенского, Михаила Шолохова, Александра Фадеева, Ильи Эренбурга, Константина Паустовского, Александра Солженицына, Евгении Гинзбург, Натальи Ильиной и других авторов, перечень фамилий которых занял бы несколько страниц. Различным был подход писателей к самому документу, неодинаковы критерии его отбора, способы

¹ См. работы Марины Башлыковой, Владимира Алтаева, Станислава Росовецкого, Евгении Кононко и др. авторов, посвященные древнерусской литературе.

использования и включения в текст, идейно-эстетические функции в произведении. Трансформируясь согласно общей манере повествования и чаще всего вводясь в текст в своей непосредственной данности, документ не разрушал ткань художественного произведения, воспринимался в его контексте эстетически, хотя и предполагал отношение к запечатленному в нем как к знаку реального, а не вымышленного писателем и потому условного мира. Вместе с тем истина, соотносящаяся с представлением авторов о прекрасном, в этих произведениях высвечивалась и доказывалась не столько подбором неоспоримых фактов, сколько движением образов, через воссоздание второй, творимой авторами действительности.

Вторая половина XX века дала образцы художественных произведений, в которых очевидна не только опора на документ или ассимиляция его в авторский художественный текст, но и полотна, где он является самой „тканью”, „материей”, основным носителем информации, воспринимаемой в своей целостности эстетически. Возникновение этой литературы, которая о себе заявляет различными жанрами и попадающим в поле зрения авторов материалом, вызвано, с одной стороны, усилившимся читательским интересом к определенным общезначимым фактам в их непосредственной данности и недоверием к официальным трактовкам событий недавнего прошлого, навязанным сверху стереотипам. С другой – очевидным стремлением литературы отойти от традиционного и порой уводящего от действительности субъективированного ее пересоздания, попытками начать использовать новые средства и способы образной реконструкции прошлого и настоящего.

В последние годы значительно увеличился интерес к документальным произведениям, в основе которых лежит автодокумент: к мемуаристике, личным воспоминаниям и *ready-made* текстам, составленным из свидетельств участников и очевидцев конкретных событий. В них существенной трансформации подвергается категория субъективности, на которую интенсивно влияют сближение постмодернизма и реализма (постреализм), присущие дискурсу современной эпохи попытки нивелировки авторитаризма и плюрализм мнений. Наиболее известными среди них стали актуализирующие „жанр человеческих голосов, исповедей, свидетельств и документов человеческой души” произведения Алеся Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника *Я из огненной деревни...* (1975), первая часть *Блокадной книги* (1977–1984) Адамовича и Гранина, книги Светланы Алексиевич *У войны не женское лицо* (1983), *Последние свидетели* (1985), *Цинковые мальчики* (1989), *Зачарованные смертью* (1993), *Чернобыльская молитва* (1997) и ее же отмеченная Нобелевской премией книга *Время секонд хэнд* (2013), а также относящаяся к „сентиментальной «литературе факта»” (Krasovskaâ) книга

Людмилы Улицкой *Детство 45–53: а завтра будет счастье* (2013) и ряд других. Каждое из этих произведений построено как монтаж документальных данных. Несмотря на фрагментарность изображения действительности, всем им присуща целостность, в основе которой лежит единство авторского переживания, интерес к общей судьбе героев. В них голос автора, обращенный непосредственно к читателю, комментирует представленный фактический материал, дополняет его иными сведениями и выводит читательские размышления об изображенном за его конкретные границы, раздвигает его пространственно-временные рамки и заставляет апеллировать к понятиям, представлениям общего порядка.

Возникновение так называемых „монтажных книг” литературоведы относят к началу XX века и связывают с „жанром политических пропагандистских монтажей”, возродившимся позднее в период „оттепели”. Илья Кукулин отмечает, что название *Блокадная книга* недвусмысленно отсылает к составленной на основании разных документальных источников *Черной книге*, посвященной памяти жертв Холокоста. Ее создание было осуществлено в 1944–1947 годах руководимой Василием Гроссманом и Илей Эренбург Литературной комиссией при Еврейском антифашистском комитете, с которым сотрудничало несколько десятков писателей и журналистов, писавших об истории Шоа в СССР и в оккупированной нацистами Польше (Kukulín). Однако, в отличие от являющейся гетерогенной по жанру, написанной многими авторами *Черной книги*, *Блокадная книга* являет собой уже „единый авторский текст, в котором введение цитат всякий раз мотивировано, использованные фрагменты отредактированы, а читателю предложены «правильные» выводы и обобщения, сделанные авторами и использовавшие советскую официозную риторику” (Kukulín). Исследователь пишет, что подобного рода выводы и комментарии „были частью негласного пакта с цензурой, заключенного Адамовичем и Граниным, как и многими другими подцензурными писателями, – без «завершающего слова» фрагменты из дневников бы не напечатали” (Kukulín). Кукулин подчеркивает, что в СССР тема блокады Ленинграда была полузапретной.

К 77-й годовщине полного снятия блокады Ленинграда был издан том документов под названием *Люди хотят знать. История создания „Блокадной книги”*. В нем собраны материалы, свидетельствующие о том, что уже при издании журнальной версии из *Книги* были изъяты страницы, в которых речь шла о просчетах, допущенных руководством в организации эвакуации ленинградцев, а также где говорилось о том, как вывозили детей. Изымались рассказы о появлении в городе фальшивых карточек на продовольствие, данные о количестве умерших, описания похорон и упоминания каннибализма. И все это делалось потому, что в Советском Союзе якобы не было ни про-

счетов у руководства, ни преступлений, ни разного рода злоупотреблений, и ничего, что позорило бы советского человека (Nelûbin). При этом *Блокадная книга* Адамовича и Гранина, выйдя в свет „даже со значительными цензурными правками, не только изменила представление о том, что довелось пережить блокадникам, каковы были пределы человеческих возможностей, но и породила мощнейший отклик в среде читателей, тех, кто перенес это страшное испытание” (Nelûbin). Ее влияние на читателей и на вышедшие впоследствии ready-made тексты, художественно-документальную литературу в целом – неоспоримо.

Известно, что для первой части *Блокадной книги* Адамович и Гранин записывали, собирали рассказы людей, переживших блокаду Ленинграда, которая продолжалась два с половиной года – с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 – и унесла полтора миллиона человеческих жизней. Для второй – использовали сохранившиеся с того времени дневники, и для нас эта часть представляется наиболее ценной. Размышляя над причинами, побудившими авторов к ее написанию, оба прозаика замечают:

Нас интересовали истоки, то, как рождалось у тех или иных людей сознание необходимости терпеть любые лишения во имя победы, как возникал, формировался дух стойкости, сопротивления, сохранявший непреклонность и человеческое достоинство в самых отчаянных обстоятельствах. Нам нужен был процесс подлинный, не подправленный знанием свершившейся победы. Единственной возможностью узнать, раскрыть то, что происходило в душах людей, было – обратиться к документам тех лет. И лучшими из них были дневники (Adamovič, Granin 231).

Адамович и Гранин не только сразу определяют задачу, которую ставят перед собой. С полной мерой ответственности за используемый ими материал они пытаются осмыслить, что же он представляет сам по себе, какова его общечеловеческая ценность. Сами также являясь свидетелями и участниками Второй мировой войны, переживая заново события того времени, Адамович и Гранин в *Блокадной книге* включают в текст повествования и свои размышления о прошлом и настоящем. Ведь они тоже своеобразный документ, зафиксированное свидетельство тех, кто пытается пережить и осмыслить все заново.

Адамович и Гранин пишут, что в представляемое в их книге время „дневники стали вести сравнительно многие ленинградцы”; „возможно, такое происходило с началом войны и в других прифронтовых городах”, но именно „в Ленинграде явление это достойно внимания” (Adamovič, Granin 286), потому что порой сам процесс их создания помогал обрести их писавшим спокойствие, веру в себя и надежду на окончание ужасов. Неслучайно подмечено, что написание дневников есть по сути явлением „психологической

самопомощи”. Дневник отражает тончайшие переживания человека, причем даже в случае, если сами его чувства не называются, а помимо желания автора выражаются в способе представления информации, в акцентации разных деталей, в самой интонации дневникового повествования. В каждом из дневников все описанное всегда связано с ценностями, намерениями, желаниями его автора. В процессе создания дневников

пересматриваются также события прошлого. По мере этой работы в жизни появляется дополнительный смысл, „нечто большее”. Человек осознает то, что прежде выходило для него за пределы зоны ближайшего развития, то, что раньше не было возможно знать (Kutuzova, *Terapevtičeskoe vedenie dnevnika po metodu Ajry Progoffa*, электронный ресурс).

В центре внимания авторов находятся личные записи трех человек: историка Георгия Алексеевича Князева, матери двоих детей Лидии Георгиевны Охаквиной и 16-летнего подростка Юры Рябинкина. Помимо других, представленных в произведении лиц, именно они являются главными героями второй части *Блокадной книги*. Их индивидуальные и в то же время во многом типичные образы создаются авторами из их же записок. Не предназначенные для публикации, дневниковые записи этих реальных людей чаще всего повествуют о событиях бытовых и порой приземленных: утепление жилья, еда, добыча дров и т. п. Между тем именно эти документально точные зарисовки жизни блокадного Ленинграда несут на себе огромную эмоциональную и философско-нравственную нагрузку, дают понимание того, во что верили и на что уповали, надеялись жители города, чем для них в эти дни были вера, надежда, любовь.

„Мама купила на свою карточку недельный паек – 150 гр. – драже и отдала (у ней был долг) Анфисе Николаевне. Та ей только сказала спасибо и преспокойно взяла себе. Теперь у нас осталось всего-навсего 6–8 конфеток на 10 дней декады! Завтра их уже не будет, это как пить дать”, – записывает Юра Рябинкин (Adamovič, Granin 328). Проблема еды для блокадников наполняется философско-нравственным содержанием, не менее глубоким, чем гамлетовское „быть или не быть”. Стремясь в своих записях к объективному изложению событий, историк Князев отмечает:

Сегодня вечером настойчиво кто-то стал стучать к нам. Пришлось отпереть. Ввалился Филимонов. [...] Сегодня он был страшен, оброс волосами, почернел. В руках у него оказалась зажженная свеча, и с ней он повалился на колени: „Спасите, погибаю, потерял карточки, дайте хлеба”. Жена растерялась. Что мы могли поделать? Отдать свой дневной паек, т. е., сто двадцать пять граммов? Но это бы ведь его не спасло! Чем и как мы могли бы помочь ему? Я вынул и дал ему тридцать рублей, стоимость ста граммов хлеба на рынке. Филимонов взял деньги, заверяя, что ему горько, тяжело, страшно просить (Adamovič, Granin 327).

Люди делали все возможное и невозможное, чтобы выжить, спасти своих близких:

Ниночка моя, – пишет Лидия Охупкина, – все время плакала, долго, протяжно, и никак не могла уснуть. Этот плач, как стон, сводил меня с ума. Я тогда, чтобы она могла уснуть, давала сосать ей свою кровь. В грудях молока давно не было, да и грудей совсем уже не было, все куда-то делось. Поэтому и прокалывала иглой руку повыше локтя и прикладывала дочку к этому месту. Она потихоньку сосала и засыпала (Adamovič, Granin 356).

Психологи неоднократно отмечали, что ведя дневники,

люди достигают двух целей: размещают момент настоящего в более широкой перспективе прошлого и будущего, и одновременно устанавливают контакт с ценностями, смыслами и руководящими принципами нашей жизни. [...] Становится доступной более широкая, многомерная перспектива, открывающая пространство возможностей. Размещая себя по отношению к собственной жизни, люди отмечают подъемы и спады, циклы, и тем самым создается контекст длящейся тождественности, преемственности существования (Kutuzova, *Terapevtičeskoe vedenie*..., электронный ресурс).

В дневнике Юры Рябинкина можно увидеть все свойственные подросткам метания и колебания настроений, самокопание, суицидальные размышления и стремление проявить себя, динамику внутреннего созревания, взлеты надежды, мечты и отчаяние, осмысляемые им же с особенной честностью и прямоотой. Комментируя его записи, авторы книги пишут:

Из всех виденных нами дневников дневник Юры Рябинкина наиболее сильно выразил потребность блокадника не только других, но и себя оценить правдиво, даже жестко. Дневник стал для него опорой, возможностью видеть себя как бы со стороны, самокритично разбирать свои поступки: начиная писать, он как бы исповедовался перед неким слушателем, обращая через дневник к самому себе упреки, осуждение. Дневник становился как бы совестью, которая его словами, но отчужденными, обращалась к нему, Юре. Его честная размышляющая натура тревожно следит за собою (Adamovič, Granin 340).

Быстро растущему подростку трудно совладать с постоянным голодом, теми многочисленными обязанностями, которые ему, истощенному, приходится выполнять дома, в семье и – как жителю осажденного Ленинграда (отоваривание карточек и присмотр за сестренкой, тушение авиабомб и другие работы на холоде в городе). Юноша начинает врать, грубить матери, драться и всячески унижаться из-за еды, и авторы замечают: „Дневник его постепенно становится свидетелем мучительной борьбы [...] с самим собой, со стыдом перед матерью. Свидетелем и отчетом. Дневник делается союзником Юры в неравной схватке с инстинктом, с пожирающим внутренности голодом” (Adamovič, Granin 341).

В отчаянии Юра делает следующую запись: „Насчет эвакуации я потерял надежду. [...] В школе учиться брошу – не идет учеба в голову. Да и как ей пойти? Дома голод, холод, ругань, плач, рядом сытые”, – имеются в виду соседи по коммуналке, которые готовят на общей кухне еду, а у Рябинкиных нечего есть (Adamovič, Granin 346). После подачи матерью заявления на эвакуацию Юра записывает: „Надеюсь на лучшее”, и в ожидании этого лучшего пытается понять, что же с ним происходит, мучится совестью:

Какой я эгоист! Я очерствел, я... Кем я стал! Разве я похож на того, каким был 3 месяца назад?.. [...] Я чувствую, чтобы стать таким, как прежде, требуется надежда, уверенность, что я с семьей завтра или послезавтра эвакуируюсь, этого хватило бы для меня, но этого не будет. Не будет эвакуации, и все же какая-то тайная надежда в глубине моей души. Если бы не она, я бы воровал, грабил, я не знаю, до чего дошел бы (Adamovič, Granin 347).

В ожидании разрешения на выезд подросток записывает: „Все мои надежды поставлены как будто на кончик ножа и держатся в некотором колебании. Какой-то будет ответ на заявление мамы о вылете?” (Adamovič, Granin 354) Юра анализирует все, с ним случившееся, задается вопросом, возможно ли стать ему прежним. Он пишет:

А ведь что со мной было? Ел kota, воровал ложкой из котелков Анфисы Николаевны, утаскивал лишнюю кроху у мамы и Иры, обманывал порой их, замерзал в бесконечных очередях и дрался у дверей магазинов за право пойти и получить 100 г. масла... Я зарастал грязью, разводил кучу вшей, у меня не хватало энергии от истощения, чтобы встать со стула, – это была для меня такая огромная тяжесть. Непрерывная бомбежка и обстрелы, дежурства на школьных чердаках, споры и сцены дома с дележом продуктов... Я осознал цену хлебной крошки, которые подбирал пальцем по столу, и я понял, хотя, быть может, и не до конца, свой грубый эгоистичный характер. [...] Неужели я не исправлю своего характера? (Adamovič, Granin 384).

Комментируя записи Юры Рябинкина в их временной эволюции, Адамович и Гранин показывают, что:

Дневник для Юры все более становится средством, помогающим во что бы то ни стало удержать себя от сползания, которое уже началось! Стыдом удержать себя! Нет у Юры другого оружия в борьбе с голодом, в борьбе с тем, что, как утверждают многие, „правит миром”. И чтобы заострить свое оружие, Юра заостряет свою вину. Мало того: специально записывает в дневник все, за что будет и после смерти стыдно. Мать (или кто-то еще) прочтут ведь! А смерть – вот она, рядом. И она отдаст дневник у руки матери (Adamovič, Granin 390).

Слово „смерть” появляется в дневнике Юры не единожды. Поначалу он его использует для бравады: смерть для Юры в начале войны – лишь абстракция, и, жалея себя из-за невозможности по здоровью попасть на учебу

в спецшколу, он, становясь в позу, даже просит, чтобы она к нему поскорее пришла, хотя, чувствуя фальшь, тут же и добавляет: „Черт знает какие только мысли лезут в голову”. Позднее, повидав уже много реальных смертей, он совсем по-другому относится к жизни. Авторы книги показывают, что с течением времени:

Саму мысль о смерти Юра использует, чтобы укрепить себя, свою волю. Тесным обгладываемым голодом, Юра сдает позицию за позицией. А дневник – как последнее средство! – становится все более откровенным, страшным. Вот что ты делаешь, вот что будет читать мама, люди будут читать, узнают о тебе... Он и маму начинает любить больше, чем в мирное время. Совесть одолела страдания, раскрыла его сердце, сделала его более отзывчивым (Adamovič, Granin 390).

Из Юриных записей мы узнаем, что когда эвакуация откладывается, а мать подростка заболевает (причем ей как уволившейся для отъезда карточек не выдают), он берет себя в руки и записывает в дневнике: „Если эвакуации не будет – у меня живет-таки надежда на эвакуацию, – я должен буду суметь продержаться маму и Иру. Выход будет один – идти санитаром в госпиталь” (Adamovič, Granin 390). Причем это пишет парнишка, который сам еле ходит.

Осмысляя причины, которые подтолкнули реальных героев произведения к созданию дневников, Адамович и Гранин замечают, что Юра Рябинкин начал писать, чтоб понять себя и „убить время”, а записки мечтавшего стать писателем пятидесятипятилетнего Князева „с ранних лет посвящены были – давно и постоянно – одному вопросу: куда идет человек, человечество?” (Adamovič, Granin 235). Передвигающийся по городу в инвалидной коляске Георгий Алексеевич Князев многое происходящее в нем лично не видит, но слушает радио, продолжает работать в Архиве, общается с сослуживцами. В своем дневнике уже в самом начале войны Князев задается вопросом, зачем он ведет его, и отвечает себе: „Не могу не писать. [...] «На моем малом радиусе» – вот содержание моих записей” (Adamovič, Granin 236). Во всем им написанном очевидна надежда на мирное будущее, вера в те идеалы, которые Князев впитал в себя под влиянием пропаганды:

Для кого же пишу? Для тебя, мой дальний друг, член будущего коммунистического общества, которому будет чужда и органически отвратительна война, как противна нам, противоестественна антропофагия – людоедство... [...] Я верю, и здесь я неисправимый мечтатель, что настанет такое время, когда войны не будет на земле.

[...]

И если дойдут до тебя, мой дальний друг, может быть в отрывках, обгоревшие эти страницы, ты переживешь вместе со мной, чем жил и волновался твой несчастный предшественник, которому пришлось жить в „доисторическую” эпоху, но на заре истинной человеческой истории (Adamovič, Granin 236).

Авторы книги отмечают, что „блокадные дневники Георгия Алексеевича Князева – огромная духовная работа. Она врачует, дает заряд сил и надежд. Работой этой он непрестанно укрепляет и расширяет то самое предполье, которое отодвигает голод, холод, отчаяние” (Adamovič, Granin 318). Хотя само понимание того, на что можно надеяться, постепенно меняется. Советский историк Князев в самом начале войны был уверен в том, что народы Европы восстанут против фашизма, и что начальство на случай вторжения все уже предусмотрело. Его трактовки таких концептуальных для русской культуры понятий, как вера, надежда, в тех записях, что относятся к первым военным дням, прямолинейны, идеологизированы. Пораженный происходящим, на двадцать четвертый день блокады Князев записывает, что надеется на молниеносный удар по противнику, все, конечно же, быстро закончится, сам же он все трудности выдержит. Он пишет: „[...] наш город, я твердо верю в это, не попадет в руки врага!”, а все ценные рукописи из Архива „будут со вторым эрмитажным эшелонотом отправлены в надежное место” (Adamovič, Granin 250). На шестьдесят третий день (23.08.1941) эта надежда у Князева еще сохраняется, и он замечает:

...Все мы живем сейчас надеждой, что прижатые к морю немцы будут взяты в плен или уничтожены морской артиллерией Балтийского флота [...] Сегодня весь день прожили этой надеждой, что немцы будут отброшены от Ленинграда. Живем и другой надеждой – что на юге армии Буденного удалось выйти из окружения! (Adamovič, Granin 266),

однако реального положения дел он не знает.

Со временем представления Князева о происходящем меняются, и хотя он по-прежнему верит в победу народа под руководством коммунистической партии, верит в общественный разум, – им начинают овладевать и сомнения в своих собственных силах, порой возникает критическое отношение к тем установкам, которые были навязаны правящей идеологией. Вера в партию и коммунизм его как советского человека не покидает, он еще строит огромные планы на будущее, вместе с тем в его дневнике за февраль 1942 мы читаем записи уже с иным содержанием. В них в центре внимания прежде всего уже близкие люди, жена, размышления о любви к человеку и, как ни покажется странным для Князева, размышления о Христе и о Боге:

Двести тридцать второй день войны. Лихорадочно тороплюсь жить... Дивный, редкий около меня человек, жена-друг М. Ф. Сегодня она именинница...

Сегодня ночью, как всегда, проснулся в кромешной тьме и обдумывал свою любимейшую тему о Христе, этом удивительном учителе любви и милосердия из дальней Галилен (Adamovič, Granin 425).

Князев записывает:

Всю жизнь я решал вопрос о боге, о природе. Признаюсь, все эти вопросы так и остались открытыми. Правда, я неверующий. Но правильное, что я – отстранивший от себя решение этих вопросов. Они выше меня. Я знаю только, что бога, управляющего миром по законам любви, нет. А другого бога я не знаю и знать не хочу. Я сам себе бог... Бог же как тождество с природой, самотворчество природы для меня непостижим. Слишком грандиозна вселенная, велики и сложны ее законы, загадочно начало жизни, так замысловато устройство животного тела и страшна иррациональность природы (Adamovič, Granin 427).

Князев убежден, что „будущее человечества – это культурное будущее, расцвет культуры”, и он записывает в дневнике: „Человечество достигнет этой степени своего развития и поистине станет культурным человечеством. Вот что меня бодрит в тяжелые, мрачные дни, переживаемые человечеством” (Adamovič, Granin 428). Он размышляет о том, что „наша эра” должна или оправдать себя, или смениться другой „нашей эрой”, которая, как казалось тогда его верившим в коммунизм соотечественникам, началась 7 ноября 1917 года. Но сам он уже начинает во всем сомневаться, поэтому весь абзац завершают слова: „Будущее покажет, так ли это” (Adamovič, Granin 428).

Комментируя записи Князева, Адамович и Гранин пишут:

Г.А. Князев не просто подводит итоги работам, мыслям своим и не всего лишь тоскует над неосуществленными своими планами. И не в том дело, что он, рассчитывая в глубине души, что „бумага живучее человека”, эти планы вносит в свои записки [...]. Дневники Князева зафиксировали не только духовную работу одного из ленинградцев-блокадников, рассчитанную на будущее, но и тот факт, что такая работа (завтрашняя) ленинградцу необходима была ради того, чтобы остаться человеком сегодня.

Самые дорогие ему, в трудах выношенные мысли: о трагических попытках спасти мир любовью, о „простой” любви, любви мужчины и женщины, и, наконец, о смысле человеческого существования – все идет в работу, чтобы противостоять обидной, оскорбительной ситуации, когда от каких-то „граммиков” хлеба зависит столь многое... (Adamovič, Granin 425).

Давно установлено, что „от ведения записей что-то меняется внутри, люди могут переживать это как прорыв или высвобождение чего-то” (Kutuzova, *Čto takoe „narrativnyj podhod v terapii i rabote s soobščestvami”*, электронный ресурс). Это легло в основу широко применяемой нарративной терапии (Kutuzova, *Terapevtičeskoe vedenie...*, электронный ресурс). Такой терапией можно считать в книге записи Лидии Охупкиной, которые отличаются от представленных выше тем, что они были сделаны позже. Охупкина сообщает:

Начала я их как раз в День Победы. Все веселятся, а на меня нахлынуло, и я села писать. Специально для мужа, для сына писала – муж воевал за „кольцом”, а сын ничего не помнит. И я поклялась, что напишу только правду. Только правду! За месяц все записала. А тогда, в блокаду, мне не до того было, совсем не до того было, совсем не до того (Adamovič, Granin 243).

Героиня о войне и блокаде пишет с точки зрения матери и в воспоминаниях передает свои чувства: заботу о детях, любовь к ним, тревогу, обеспокоенность и надежду на выезд из города, встречу с супругом, надежду на окончание мук и победу. Представляя читателям записи Лидии Охапкиной, Адамович и Гранин так объясняют решение их включить в свою книгу:

[...] Лидия Охапкина ничем специально не отмечена и выбрана была нами прежде всего потому, что все записала добросовестно, правдиво, только в этом ее отличие от других женщин, которые с не меньшим чувством и силой сражались за жизнь своих детей. Записки Лидии Охапкиной – та щель, через которую мы можем заглянуть в сокровенный мир материнской любви и самоотдачи. Эта любовь побуждала на отчаянные поиски спасительного выхода (Adamovič, Granin 355).

Оставшаяся с двумя маленькими детьми в осажденном врагами городе и не знавшая о судьбе своего мужа на фронте, Лидия Охапкина в своих записях вспоминает тяжелую зиму 1941–1942. Мороз доходил тогда до 30–40 градусов, нечем было топить, и все, что у них было в доме, выменивалось на еду. Однако у женщины была цель – сохранить жизнь детей, и надежда на то, что когда-нибудь все это кончится. Лидия пишет: „По квартире бегали и пищали голодные крысы. Они грызли обои, которые раньше ведь клеились клеем, сделанным из муки, т. е. жидким тестом” (Adamovič, Granin 355). И далее: „...Я мысленно хотела, чтобы смерть пришла вместе с детьми, так как боялась, если, например, меня убьют на улице, дети будут плакать, звать: «Мама, мама», а потом умрут от голода в холодной комнате” (Adamovič, Granin 356).

В записях Лидии Охапкиной часто встречаются натуралистические описания, много физиологии. В одной из записей она откровенно, без всякой брезгливости повествует о том, как однажды получила на карточку 200 граммов гороха, сварила суп и, оставив его попариться в печке, пошла к умиравшей соседке. Возвратившись домой и увидев открытой кастрюльку, она узнала, что сын лазил туда: в суп попала та тряпочка, которой ему бинтовали ручки, чтоб он ненароком чесоткой не заразил ни сестренку, ни мать. Спустя много месяцев Лидия в воспоминаниях пишет: „Суп выплескивать было жалко. Так и ели... До сих пор не забуду этого случая, да и он тоже долго помнил” (Adamovič, Granin 359).

Авторы книги пишут, что у них не раз поднималась рука вычеркнуть эти места, удалить, как они удаляли „ужасные в своей бесчеловечности, детали и эпизоды кошмарные, которые и придумать нельзя и знать про них не хочется, ничего кроме ужаса и тоски они не вызывают” (Adamovič, Granin 360). Однако воспоминания Лидии Охапкиной они оставили без изменений, ибо они отмечали „уровень человеческих страданий”, показывали, как ленинградцы в те дни, чтобы выжить, „переступали брезгливость”, и „это запомнилось как отметка (вот куда дошли), и вспоминали о тряпочке, не стыдась, не укоряя себя” (Adamovič, Granin 360).

Записи Лидии Охапкиной показывают, как изо всех сил она борется за жизнь любимых детей. Она надеется на эвакуацию и на какую-то помощь со стороны, но когда ситуация достигает предела возможного, как и многие бывшие атеисты, сама неожиданно для себя начинает молиться. Так, когда потерялась ее продуктовая карточка и жить в сплошном холоде и без хлеба до получения карточки новой им оставалось пять дней, она ночью не может заснуть, а спустя много месяцев вспоминает:

Тяжелые мысли о смерти меня преследовали. Я чуть с ума не сошла от дум и горя. [...] Я встала и бросилась на колени и стала молиться, молиться со слезами. Иконы не было, да я и не знала ни одной молитвы. Дети мои были некрещеные, да и сама я не верила в бога. Правда, во время тревоги я иногда мысленно шептала: „Господи, спаси, не дай погибнуть”. Но в этот раз я к богу обращалась с другой просьбой и с другими словами. Я горячо шептала: „Господи, ты видишь, как я страдаю, как голодна и как голодны мои маленькие дети. Нет больше сил. Господи, я прошу, пошли нам смерть, только чтоб мы умерли сразу все. Я не могу больше жить. Ты видишь, как я мучаюсь. Господи, пожалей ни в чем не повинных детей” – и тому подобные слова (Adamovič, Granin 363).

И на следующий день так случилось, что к ней пришла помощь: муж передал ей посылку с продуктами и письмом с фронта.

Мы не случайно приводем здесь много цитат. Не трудно заметить, что в дневнике Юры Рябинкина, как и в записях Князева и Охапкиной, постоянно присутствует слово *надежда*. То чувство, которое им именуется, переживание его как глубокой эмоции зачастую вербализуется в тексте синонимичными единицами или эквивалентными смысловыми конструктами с целой серией близких ему семантических компонентов. И подобное не случайно. Не зря Марина Пименова, помещая *надежду* в круг самых значимых для этноса культурных смыслов, пишет:

Для русского языкового сознания свойственно чувственное начало, которое предопределяет исход событий в жизни. Человек может сделать невозможное, если это действие предваряется наличием *надежды* (*есть надежда на что/на кого; (не) существует надежда на что/на кого*) (Pimenova 87).

В свою очередь, Тимур Радбиль замечает, что

русский уникальный концепт надежда связан с верой, что видно уже из его словарного толкования ‘вера в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного’. Этим он отличается от соответствующих концептов в английском (hope) или во французском (espérance): в русском слове отсутствует имеющийся в этих словах компонент смысла ‘уверенность в возможности осуществления’. Русский концепт надежда, в ряду других русских ключевых представлений, отражает идею непредсказуемости и неконтролируемости – сравним русский возвратный глагол надеяться (где состояние замкнуто в сферу субъекта и не переходит на объект) и английский переходный глагол hope, отражающий представление об активности действия и его направленности на объект (надежды) (Radbil 247).

Юра Рябинкин сначала надеется на быстрый конец войны, потом на прорыв блокады, а позже – на мать, на родных и на эвакуацию. Георгий Алексеевич Князев – в начале войны на партию и ее мудрое руководство, восстание против фашизма народов Европы, затем главным образом на советский народ, стойкость, выдержку сослуживцев, духовную силу и мужество ленинградцев, а в самых критических ситуациях вспоминает о Боге. Лидия Охупкина надеется на родных, на помощь сражавшегося на фронте мужа и его товарищей, на эвакуацию, а в минуты отчаяния, даже будучи до этого, как и Князев, неверующей, она обращается к Богу. И все они, как и те, о ком пишут в своей книге Адамович и Гранин, подпитывают свою веру, надежду – работой любви к своим близким, духовными поисками и писанием дневников.

В *Блокадной книге* Адамовича и Гранина представлены дневники, ориентированные на изображение текущих событий. Все записи героев, отражая при этом и эволюцию их внутреннего мира, даются в хронологической последовательности. Их лаконизм, спокойная интонация избавляют повествование от излишней патетики и экзальтации, приближают изображаемое к читателю. Именно в такой стилистический контекст наиболее органично включается авторская речь, использующая как интонации душевного разговора с другом-читателем, так и всевозможные приемы ораторского искусства.

В опубликованных в *Блокадной книге* Адамовича и Гранина записях и дневниках можно видеть, что само **чувство надежды, переживание ее как эмоции**, возникающей при ожидании исполнения желаемого и как бы предвосхищающей саму возможность его же свершения, **актуализируется процессуально** в ходе создания героями личных записей и дневников. Реализуемый же во всем тексте книги **концепт надежда** имеет достаточно сложное содержание. Это одно из главных понятий русской и мировой культуры. В частности, в автореферате диссертационной работы Максима Жука

Концепты ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в идиостиле Булата Окуджавы мы читаем:

Данные лексикографических источников говорят о том, что в русской языковой картине мира содержание концепта НАДЕЖДА составляют следующие компоненты: 1) чувство, 2) ожидание, 3) что-то хорошее, благоприятное, 4) безопасность, 5) направленность в будущее, 6) уверенность в осуществлении задуманного, желаемого. Кроме того, выделяются потенциальные семы, которые только косвенно отражены в словарных дефинициях и реализуются лишь в определенном контексте: 7) сомнение в осуществлении задуманного, желаемого 8) способность возвышать (окрылять), 9) отношение к высшей силе (Žuk).

О трех ипостасях надежды говорит и Элеонора Лассан, утверждая, что это: (1) сложная ментальная установка, установка сознания, объединяющая предикаты хотеть, знать, думать, умозаключать, чувствовать и выражающая направленность в будущее; (2) психологическое чувство, основанное на доверии: тот, на кого можно надеяться, опереться; оплот; (3) эмоциональное состояние: тот (или то), кто должен (что должно) принести успех, радость, благополучие в актуально плохой ситуации (Lassan 30–50). В свою очередь, Мария Пименова утверждает, что

прототипическая ситуация надежды отображает национальное видение мира, которое специфицируется в виде четырех блоков: НАДЕЖДА – ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ (оптимизм, пессимизм); НАДЕЖДА – ПОВЕДЕНИЕ (неуверенность, решительность); НАДЕЖДА – СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (помощь, поддержка, труд, победа, встреча, деяние, спасение); НАДЕЖДА – ЧУВСТВО (сочувствие, счастье, скрываемые чувства, желание, стремление) (Pimenova 87).

Причем актуализированные модификации всех этих блоков вполне очевидны во всем тексте книги Адамовича и Гранина.

Концепт надежда включается в воплощенный в произведении **триединый концепт вера-надежда-любовь**. В дискурсе авторов записей, помещенных в *Блокадной книге*, этот концепт сохраняет свое христианское содержание – духовное спасение человека (Žuk), однако специфика его в том, что в нем поначалу отсутствует религиозный (культовый) компонент. Его он обретает лишь в ходе значительных изменений, которые происходят вовне и внутри тех, чьи записи собраны в книге, а также вовне и внутри самих авторов произведения – Адамовича и Гранина.

Перечитывая текст, можно заметить, как через умелое сочетание, компоновку документальных данных и свидетельств очевидцев Адамович и Гранин добиваются в *Блокадной книге* того эмоционального воздействия на читателя, которое иным словом как потрясение не назовешь. Если бы это было авторским вымыслом, возможно было бы говорить о натурализме и излишней жестокости, нарушении меры художественности в изображении со-

бытий тех лет. Но в том-то и дело, что это не вымысел, а у свидетельства, документа иная мера. Мера, измеряемая предельными, неимоверными человеческими страданиями.

Свидетельства, собранные Адамовичем и Граниным в *Блокадной книге*, тяжело, порой невыносимо больно читать. Эта поначалу бессознательная боль естественна, и естественно желание некоторых отложить книгу в сторону, как естествен инстинкт всего живого к самосохранению, инстинкт человека как природного существа, стремящегося избежать того, чему невольным свидетелем и сострадателем он становится, знакомясь с подобным фактическим материалом и понимая, что это не вымысел, не преувеличение автора, а правда. Но чувства человека не просто чувства живого существа, они социально обусловлены. Человеческие чувства являются и результатом культурного развития человека, и формой освоения и присвоения им своей родовой сущности, социально-исторического опыта человечества и его оценки. Переживая запечатленное в *Блокадной книге*, читатель тем самым выявляет к нему определенное отношение, которое обусловлено социально-исторически и реализуется как отношение этическое, нравственное, т. е. соотносимое в своей проекции с определенными социально-нравственными ценностями.

В *Блокадной книге* Адамовича и Гранина из отрывочных воспоминаний создается обобщенный и в то же время предельно конкретизированный образ страданий, выпавших на долю народа, живая боль, казалось бы, несовместимая с представлениями о человеческом. Вместе с тем эта боль в восприятии читателя соотносится с авторскими высказываниями, данными в тексте, с представлениями об истинно гуманном, рождающем чувство протеста против всего, что несет война. Отражая объективную реальность, зафиксированную в документальных свидетельствах и материалах, и давая читателю знание о ней, т. е. выполняя познавательную функцию, произведение в то же время несет в себе заряд активного, творческого отношения автора (субъекта) к этой отображаемой действительности. Этот заряд реализуется через формы и способы организации автором самого документального материала, непосредственные обращения к читателю и т. п., и тем самым способствует выполнению произведением, кроме гносеологической, – аксиологической, коммуникативной, социальной, воспитательной и других функций. Концентрация чувств, мощный эмоциональный накал, возникающий при восприятии имеющегося в произведении материала за счет наносимого им болевого удара, его многократности и поливариативности, диаметральной противоположности представлению о должном, достигает своего апогея, предельной, казалось бы, меры. В этом движении к пределу, к определенной завершенности на уровне чувства, отношения, оценки, мысли, общего представления,

образа – нравственное преобразуется в эстетическое, соотносясь с представлениями о прекрасном и безобразном, возвышенном и низменном, трагическом и героическом. Обращение к ним провоцирует само построение произведения, где рядом с нагнетающимися картинами „фактически ужасного” даются авторские оценки с позиций прекрасного и размышления о должном, рядом с фактами бесчеловечности – обращения к разуму и гуманности, надежда и вера в победу добра над злом. Именно они в конечном итоге и „снимают” то нагнетающееся до предела чувство боли, которое постоянно испытывает читатель, то ощущение трагизма бытия человека на войне, которое находит катарсическое разрешение в знании совершенной победы и знании, вере в самую неизбежность победы гуманного над бесчеловечным, а также прекрасного над безобразным.

Показывая своих героев в экстремальной психофизической ситуации, Адамович и Гранин не акцентируют внимание читателя на физических страданиях. Конфликтная ситуация борьбы Юры Рябинкина, Георгия Алексеевича Князева и Лидии Охупкиной с обстоятельствами и с собой дается авторами не только для того, чтобы вызвать сострадание читателя, протест против войны и против условий, в которые попали участники блокады, но и для того, чтобы в процессе сопереживания с героями, через неизбежное в критической трагической ситуации постижение смысла человеческого бытия в его сущностном значении, показать вершину духовного подвига человека.

В *Блокадной книге* Адамовича и Гранина воплощенная в образах главная мысль, в том числе осмысление переживания/чувства/концепта НАДЕЖДА, в авторских отступлениях получает свое завершенное выражение и выводится за пределы конкретной, воссозданной совокупностью личных свидетельств трагической ситуации, начинает восприниматься как обобщение. Образы авторов записей укрупняются, а конкретное осмысляется в масштабах всеобщности. Отстраняясь от нас призмой времени, как бы изъятые из сиюминутного контекста, записи Юры Рябинкина, Георгия Алексеевича Князева и Лидии Охупкиной при всей явно ощущаемой временной детерминированности, своей содержательной и формально-выразительной стороной начинают тяготеть к явлениям всеобщего порядка. Запечатленные в них факты жизни отдельных людей, судьбы которых при всей их индивидуальной неповторимости связаны с судьбой народа, страны, через единичное дают читателю представление о всеобщем, через малое – о большом.

Как и во всех, обращающихся к личным воспоминаниям произведениях, в том числе и в *ready-made* текстах, составленных из свидетельств участников и очевидцев различных событий, в *Блокадной книге* Адамовича и Гранина присутствуют два временных пласта: прошлое, которое восстанавливается по воспоминаниям и документам, и настоящее, когда эта реставрация

совершается. Апелляция к настоящему времени происходит исключительно через авторские обращения к читателю. Восприятие различных временных и стилевых пластов в произведениях, изобилующих предельно эмоционально насыщенным фактическим материалом, апеллирующих как к сознанию, так и к чувственной деятельности читателя, требует высокой концентрации духовных сил. Так возникает „двойное видение”, когда человек, попеременно меняя позицию то родового (познающего), то индивидуализированного (особым образом интериоризирующего родовую сущность, вчувствующегося, вживающегося) субъектов, оказывается способным как бы одним взглядом охватить все пространство всех разнополюсных плоскостей и усилием притянуть их друг к другу. В этом внутренне противоречивом акте познания и чувствования при переходе от безличного к личному, от интеллектуального к эмоциональному, от одного типа чувствования к другому происходит как бы их сопряжение. Этическое переходит в эстетическое, не просто соотносясь, но включаясь в него. Это взаимопроникновение и переход очевидны и на уровне самого процесса читательского восприятия подобных произведений, и на уровне выражения в логике понятий самого алгоритма этих трансформаций. В иерархии этических и эстетических категорий те из них, которые соотносятся с высшим накалом эмоционального напряжения субъекта восприятия и оценки, совпадают. Прекрасное, безобразное, ужасное, трагическое, героическое – категории этические и эстетические одновременно, а переживание трагических и героических состояний, постижение прекрасного и наслаждение при его переживании, равно как и переживание безобразного – суть человеческие эмоции, детерминированные социально-историческим и культурным уровнем развития человека. И в этом суть механизмов влияния документалистики, в том числе и *Блокадной книги* Алены Адамовича и Даниила Гранина, на читателя.

Библиография

- Adamovič, Ales', Daniil Granin. *Blokadnaâ kniga*. Web. 11.04.2021. https://libbox.ru/books/blokadnaya-kniga?page_book=231.
- Dnevnik kak psihoterapiâ*. 16.10.2016. Web. 05.07.2021. <http://safeconnection.org/ru/novosti/dnevnik-kak-psihoterapiya>.
- Krasovskaâ, Svetlana. „Pereizdanie kak ferment literaturnoj èvolûcii: Andrej Sergeev. Omnibus. Roman, rassказы, vospominaniâ, stihî”. *Znamâ*, 4, 2014. Web. 17.04.2021. <https://znamlit.ru/publication.php?id=5547>.
- Kukulin, Il'â. „Mašiny zašumevšego vremeni (Kak sovetskij montaž stal metodom neoficial'noj kul'tury)”. „*Blokadnaâ kniga*”: *refleksiâ, priglušennaâ socrealizmom*. Web. 17.07.2021. <https://culture.wikireading.ru/28937>.

- Kutuzova, Dar'â. *Čto takoe „narrativnyj podhod v terapii i rabote s soobšestvami”*. Web. 05.07.2021. <http://hpsy.ru/public/x3833.htm>.
- Kutuzova, Dar'â. *Terapevtičeskoe vedenie dnevnika po metodu Ajry Progoffa*. Web. 17.06.2021. <http://hpsy.ru/public/x3633.htm>.
- Lassan, Èleonora. „Koncept «nadežda» v rusškoj âzykovej kartine mira”. Èleonora Lassan. *Lingvokul'turologiâ. Očerki rusškoj konceptologii*. Vil'nûs, Vil'nûsskij pedagogičeskij universitet, 2008, s. 30–50.
- Nelûbin, Nikolaj. „Lûdi hotât znat'”. *Čto cenzura udalâla iz „Blokadnoj knigi” Adamoviča i Granina*. 27.01.2021. Web. 17.07.2021. <https://www.fontanka.ru/2021/01/27/69728696/>.
- Pimenova, Marina. „Metod opisaniâ konceptual'nyh struktur (na primere koncepta nadežda)”. *Učenyje zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogičeskogo universiteta im. N.G. Černyševskogo. Seriâ: Filologičeskij, istoričeskij, vostokovedenie*, 2 (37), 2011, s. 85–93. Web. 17.07.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-opisaniya-konceptualnyh-struktur-na-primere-kontsepta-nadezhda/viewer>.
- Radbil', Timur. *Osnovy izučeniâ âzykovogo mentaliteta. Učebnoe posobie*. Moskva, Flinta–Nauka, 2016.
- Svetlana Aleksievič otmečâet 70-letie. 31.05.2018. Web. 10.02.2021. <https://www.belta.by/culture/view/svetlana-aleksievich-otmechaet-70-letie-304880-2018/>.
- Žuk, Maksim. *Koncepty VERA, NADEŽDA, LÛBOV' v idiosstile Bulata Okudžavy. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologičeskich nauk*. Vladivostok, 2007. Web. 17.07.2021. <https://www.dissercat.com/content/kontsepty-vera-nadezhda-lyubov-v-idiosstile-bulata-okudzhavy>.

BEATA PAWLETKO

Trauma, pamięć, afekt: echa terroru w powieści graficznej *Сурвило* Olgi Ławrientiewej

Trauma, memory, affect: Echo of terror in graphic novel *Survilo* by Olga Lavrenteva

Abstract. The article analyzes Olga Lavrenteva's graphic novel *Survilo*, which echoes the terror, especially the Stalinist repression and the blockade of Leningrad. Lavrenteva is a graphic artist, author of comic books, representative of the third generation, who presents the story of her grandmother, Valentina Survilo, and her relatives in an unconventional form. Translated into the language of comic books, this family story focuses on the fate of many inhabitants of the Soviet Union. At the same time, as if on the sidelines, Lavrenteva raises an important issue – the coexistence of memory and affect, which is the result of long-term silence. *Survilo* is not only a record of the past but also of the emotional states of her grandmother, the paralyzing fear that accompanied her, i.e. the physical and psychological costs that the survivors had to bear. Lavrenteva's graphic novel successfully fits into the new practices of commemoration and witnessing, which are still a novelty in Russia, carrying a great potential for critical revision of the dark past, and – above all – for building a community of memory based on the foundations of intergenerational dialogue.

Keywords: Olga Lavrenteva, graphic novel, terror, trauma, memory, affect

Beata Pawletko, Uniwersytet Śląski w Katowicach, Sosnowiec – Polska, beata.pawletko@us.edu.pl,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1430-1547>

Trauma i pamięć to kategorie dobrze już rozpoznane na gruncie badań literackich w Rosji i poza jej granicami. Są one wykorzystywane w odniesieniu do najważniejszych traumatycznych wydarzeń XX i XXI wieku, tj. represji, wojny i blokady Leningradu. Współcześnie prowadzone badania nad tymi katastrofami i nowe praktyki analityczne, obejmujące m.in. teorię afektów, wyrastają, co ciekawe, z zachodnich studiów nad Holocaustem. Nierzadko również są dziełem badaczy pochodzących z Rosji, pracujących w znanych ośrodkach slawistycznych w Europie Zachodniej i Stanach Zjednoczonych. To choćby *casus* Iriny Sandomirskiej, Sergieja Uszakina, Poliny Barskowej czy Aleksandra Etkinda.

Pisząc o specyfice i następstwach traumy represji i czystek stalinowskich w książce *Кривое горе. Память о непогребенных*, Etkind podkreśla paradoksalność położenia kata i ofiary. Z jednej strony dzieli ich ogromny dystans, wręcz przepaść, z drugiej zadziwiająca prawidłowość stanowi fakt, że kaci z czasem sami stają się ofiarami systemu. Ponadto badacz wskazuje na samobójczy charakter Gułagu – i kaci, i ofiary pochodzą wszak z tych samych grup etnicznych, klas społecznych. Wszystko to utrudnia wytyczenie wyraźnej granicy między oprawcą i ofiarą, i co za tym idzie, wskazanie i ukaranie winnych. Trudno w ogóle oszacować dokładną liczbę ofiar, podobnie jak i tych, którzy zostali zrehabilitowani. Nic dziwnego, że opisując wnikliwie następstwa traumatycznych zdarzeń w łagrach, Etkind proponuje, by zamiast terminem trauma na gruncie rosyjskim operować określeniem *горе*, które w języku polskim można oddać różnie – począwszy od słowa smutek, poprzez ból, cierpienie, aż do żałoby, melancholii, lamentu i goryczy. Słowo to, zdaniem Etkinda, lepiej wpisuje się w nastroje towarzyszące przedstawicielom kolejnych pokoleń zmagającym się z mrocznym dziedzictwem Gułagu, które zdaje się nie mieć końca (Etkind 26–27).

Za nierozliczoną, biorąc pod uwagę rozmiary, należy uznać również inną tragedię, czyli oblężenie Leningradu. Jak podkreśla Siergiej Uszakin, blokada postrzegana jako doświadczenie graniczne musiała najpierw zostać postawiona w centrum największych katastrof humanitarnych XX wieku, włączona w szeroki dyskurs dotyczący traumy, pamięci, etyki wywodzący się ze studiów nad Holocaustem. By jednak mówić o jej specyfice, o tym, co wyróżnia tę sytuację graniczną oraz świadectwa oblężonych na tle relacji ofiar innych doświadczeń, należy, zdaniem badacza, na powrót zanurzyć się w „lokalności” tego wydarzenia (Ušakin et al., źródło elektroniczne). To nie tylko specyficzny język oblężonych, którym zajęła się Sandomirskaja w książce *Блокада в слове*, ich zachowania przypominające do pewnego stopnia te z zony, ale przecież dziejące się, jak podkreśla badaczka, w „mieście-głódzie” (Sandomirskaâ 173), a więc w przestrzeni znanej i obcej jednocześnie. O specyfice tego doświadczenia granicznego świadczy także zadziwiająco duża liczba zapisków, wspomnień, rysunków i szkiców, tj. świadectw cywilnych mieszkańców miasta pochodzących z różnych warstw społecznych, w tym szczególnie wielu inteligentów, przedstawicieli świata nauki, kultury, literatury. Co ciekawe, nierzadko byli to ludzie, którzy pamiętając głód lat 20. oraz ten panujący w Piotrogradzie, nagle postawieni zostali w obliczu innej klęski głodu, tym razem w oblężonym Leningradzie. Po raz kolejny zatem widmo śmierci uderza nie tylko w nich samych, ale i w ich rodziny, doprowadzając często do sytuacji, w której najbliżsi sobie ludzie stają się nagle największymi wrogami. Kryzysem relacji rodzinnych i międzyludzkich w oblężonym mieście, zagadnieniami etyki jego mieszkańców zajął się petersburski historyk Siergiej Jarow w książce *Блокадная этика*.

Przełomową – nie tylko w odniesieniu do obłężenia – publikacją, w której ujęte zostały pomijane przez dziesięciolecia aspekty, tj. trauma, pamięć i afekty, stała się *Księga blokady* (Блокадная книга, 1979) Alesia Adamowicza i Daniła Granina. Nic dziwnego, że nawet jej ocenzurowana, okrojona wersja napotykała przeszkody na drodze do publikacji. *Księga blokady* stanowi bowiem wyłom, skupia uwagę na mikronarracjach cywilnych mieszkańców miasta, odsłaniając budzące wstyd i wstręt zachowania, a jednocześnie, biorąc pod uwagę wielość zgromadzonych tu opowieści i różnorodność świadków, pokazuje, że wobec głodu i zimna ludzie zachowują się podobnie, a na myśl o tych wydarzeniach z perspektywy kilkudziesięciu lat towarzyszą im podobne odczucia i emocje. Potwierdzeniem może być film dokumentalny Aleksandra Sokurowa *Czytając „Księgę blokady”* (Читаем „Блокадную книгу”, 2009), w którym współcześni mieszkańcy Petersburga – ludzie różnych profesji i w różnym wieku – odczytujący bez uprzedniego przygotowania i bez dubli wybrany dla nich fragment *Księgi blokady*, mierzą się nie tylko z emocjami świadków katastrofy, ale i z własnymi, wynikającymi z pozornej nieprzystawalności doświadczenia, a jednocześnie niewiedzy obejmującej to, co działo się w obłożonym mieście. Stąd zaburzenia płynności czytanego tekstu, drżący czy matowy głos, przerwy, przyspieszony lub ciężki oddech, szloch i płacz. Interakcja bohaterów dzieła Adamowicza i Granina z bohaterami i widzami filmu Sokurowa przynosi zatem dzielone wspólnie emocje, porusza do głębi. Warto podkreślić, że afektywny sposób wyeksponowania głosów uczestników i świadków traumatycznych wydarzeń znajdzie ciąg dalszy m.in. w powieściach polifonicznych Swietłany Aleksijewicz poświęconych ofiarom wojen i katastrof, a w ostatnim czasie zaistniał w tomie poetyckim *Babi Jar. Na głosy* (Бабин Яр. Голосами, 2017) ukraińskiej poetki Marianny Kijanowskiej.

Nakreślone tu problemy pokazują, jak wiele jest jeszcze wątpliwości, nierozstrzygniętych kwestii i sporów dotyczących zarówno Gułagu, jak i tym bardziej blokady Leningradu, która z wydarzenia postrzeganego w kontekście Wielkiej Wojny Ojczyźnianej i zwycięstwa nad nazistami dość późno stała się przedmiotem analiz utrzymanych w kluczu *trauma studies*. W dyskursie publicznym widoczna jest permanentna niechęć wielu Rosjan i opór władzy, by poruszać się w kręgu niewygodnych zagadnień. Wspominaniu przeszłości nieustannie towarzyszą skrajne emocje i zdecydowane reakcje. Dotyczą one bezmiaru cierpienia, przekłamań i przemilczeń, o których wielu wciąż nie chce słyszeć. W konsekwencji dochodzi nie tylko do prób usunięcia pewnych zagadnień z debaty publicznej, ale i działań zmierzających do likwidacji instytucji mających ogromne doświadczenie i zasługi w propagowaniu wiedzy o ofiarach represji i walce o prawa człowieka, jak choćby stowarzyszenie Memoriał, które po ponad trzydziestu latach działalności zostało pod koniec grudnia 2021 roku decyzją rosyjskiego Sądu Najwyższego postawione w stan likwidacji.

Przełom XX i XXI wieku rzeczywiście przyniósł lawinowy wzrost publikacji tekstów zakazanych, zatrzymanych przez cenzurę czy też dzienników, wspomnień, zapisków wyciąganych na bieżąco z archiwów i szuflad. Na proces ich przywracania potomnym i jednocześnie naukowego namysłu nad nimi – co w odniesieniu do blokady Leningradu jest domeną poetki i badaczki pochodzącej z Petersburga, a związanej z Uniwersytetem Kalifornijskim w Berkeley, Poliny Barskowej – nakładają się inne praktyki upamiętnienia i przepracowywania, z wykorzystaniem odmiennych form i gatunków. Skutkuje to m.in. problemem, którym chcemy w niniejszym tekście zająć się w sposób szczególny, tj. (nie)stosownością form służących upamiętnianiu, ale i odkłamywaniu wydarzeń, które z racji nieprzepracowania nie mogą być „zamknięte, przypisane wyłącznie do przeszłości” (Tabaszewska 271). Bardzo ważną kwestią jest przy tym świadomość, że to przepracowywanie odbywa się w warunkach zmiany pokoleniowej. Z jednej strony odeszli już bądź odchodzą świadkowie tamtych wydarzeń, z drugiej nowe pokolenia zaczynają ujmować przeszłość w zupełnie odmienny sposób, drażąc kwestie podlegające wcześniej tabuizacji, co tak naprawdę prowadzi do stopniowego oczyszczania przestrzeni wokół spornych zagadnień i różnorodności ich rozpoznania. Każde pokolenie ma własny język, gdy mowa o kulturze, ale i kodzie etycznym. A przy tym nowe pokolenia nie dają się tak łatwo cenzurować i przenoszą dyskusję poza dyskurs polityczny czy akademicki, w świat wirtualny i w przestrzeń kultury popularnej, dostępnej znacznie szerszemu kręgowi odbiorców, stąd coraz częściej mamy do czynienia z tym, że o traumatycznych zdarzeniach z przeszłości powstają seriale czy komiksy. W Rosji na razie są to próby nieśmiałe, ważne jednak, że w ogóle są podejmowane, bo to m.in. w obrębie dyskusji o ich dopuszczalności, stosowności należy upatrywać szans na to, że narracja nie zostanie na powrót zawłaszczona przez polityków, ale wywoła pożądaną wymianę myśli w kręgu różnych grup społecznych i generacji.

O tym, że jest to droga niełatwa, przekonał się reżyser filmu *Праздник* Aleksiej Krasowski. Informacja, że ma powstać czarna komedia o obłożonym Leningradzie, spowodowała lawinę komentarzy i krytycznych ocen pod adresem twórcy, oskarżanego o kalandrię świętości i brak szacunku dla ofiar. Kontrowersje wzbudziła zwłaszcza zapowiedź reżysera, że oprócz tematów tabu związanych z przeszłością, tj. istnieniem w obłożonym mieście uprzywilejowanych grup, które nie zaznały koszmaru blokady (w tym szczególnie wierchuszki partyjnej), swoim filmem pragnie zwrócić uwagę na przywileje elit we współczesnej Rosji. Już na etapie realizacji filmu w związku z tą deklaracją reżysera odsądzano od czci i wiary, grożono mu i odmówiono wsparcia finansowego, a nawet wszczęto śledztwo. Rezultat to dokończenie projektu za pieniądze własne i osób, które zechciały wesprzeć go finansowo oraz umieszczenie obrazu w otwartym dostępie na platformie YouTube, co miało miejsce 3 stycznia 2019 roku.

Przypadek Krasowskiego potwierdza tak naprawdę, że w realizacji wywołujących opór i kontrowersje projektów – filmów, seriali, gier czy komiksów – podejmujących tematy tabu i formułujących przy okazji niewygodne pytania o przeszłość i jej brzemię w teraźniejszości, społecznościowe wsparcie materialne (*crowdfunding*) ma ogromne znaczenie. Po pierwsze, gwarantuje twórcom niezależność finansową, jest to więc specyficznie rozumiane i realizowane zamówienie, po drugie, zapewnia szeroki odbiór w mediach społecznościowych, co docelowo ma się przełożyć na próbę osławiania i akceptacji innych form upamiętniania oraz docenienie siły oddziaływania projektów popkultury w sytuacji, gdy odwołując się do statystyk rosyjskich, ok. połowa respondentów w wieku 18–24 lat nic nie wie o masowych represjach, a co czwarty nie potrafi rozszyfrować słowa Gułag (*Nesmešnye kartinki. Sbornik komiksov o žertvah Gulaga*, źródło elektroniczne). To dlatego Muzeum Historii Gułagu i agencja reklamowa BBDO Moscow – pomysłodawcy projektu *Вы-жившие*, którego celem było przybliżenie tematu łagrów i ofiar represji młodemu pokoleniu Rosjan – postanowili odwołać się do konwencji komiksowej, mając jednocześnie świadomość, że gatunek ten kojarzony jest z lekką formą, częściej oferującą odprężenie, rozrywkę niż przekazywanie ważkiej wiedzy historycznej.

Takie podejście ma związek z dość długo pokutującym przeświadczeniem, że komiks, będąc formą synkretyczną, na pograniczu literatury, sztuk plastycznych oraz filmu, jest tak naprawdę ich parodią (Szyłak 2000: 34). Dodatkowo, kojarzony jest głównie z opowieściami o przygodach superbohaterów. Stąd skłonność niektórych badaczy, ale i autorów, by zamiast terminem komiks posługiwać się określeniem powieść graficzna, gdyż mamy do czynienia z utworem opublikowanym w formie książki, zawierającym „rozbudowaną fabułę, będącą dziełem jednego autora lub duetu, składającego się z rysownika i scenarzysty” (Klimek-Dominiak 124), w której często przewijają się wątki autobiograficzne i autotematyczne. Warto jednak podkreślić, że ograniczeniem terminu powieść graficzna jest to, że w większym stopniu odsyła on do kategorii literatura piękna. Jak czytamy w opracowaniu Elżbiety Klimek-Dominiak:

[...] sam Spiegelman przeciwstawiał się publicznie klasyfikowaniu jego wielokrotnie nagradzanego utworu o historycznej i emocjonalnej, subiektywnej pamięci jego ojca oraz o ich skomplikowanej relacji jako powieści graficznej. [...] udało mu się przekonać redaktorów list bestsellerów „New York Timesa” do przeniesienia *Mausa* z kategorii „literatura piękna” do kategorii „literatura faktu” (Klimek-Dominiak 126).

Obecnie, w dobie coraz bardziej płynnych granic między kulturą wysoką i popkulturą oraz dominacji kultury obrazkowej, w wielu opracowaniach natrafiamy na zamiennie stosowane określenia komiks i (o)powieść graficzna, stąd decyzja, by w niniejszym tekście również pójść tym tropem, szczególnie, że omawiane

poniżej projekty przeznaczone są przede wszystkim dla młodego czytelnika, dla którego komiks pozostaje bardzo atrakcyjną formułą, a dla wydawców często jest słowem kluczem, gdy mowa o sukcesie recepcyjnym i marketingowym.

W komiksie, który ukazał się w 2019 roku dzięki wspomnianemu wyżej finansowaniu społecznościowemu najpierw w wersji elektronicznej, a potem na papierze, mamy czworo bohaterów, którzy odkrywają przed odbiorcą różne aspekty funkcjonowania łagrów w ZSRR. Przedstawiona w formie wizualnej opowieść o ich losach jest oparta na rozmowach z nimi (można je zobaczyć, w komiksie są linki do filmów na platformie YouTube). Ważną częścią są biografie bohaterów, ogólne informacje o Gułagu, a także odwołania do liczb i statystyk. Odbiorca dowiaduje się m.in., jak długo istniały łagry, ile ofiar pochłonęły. Jak jednak przyznaje dyrektor Muzeum Historii Gułagu Roman Romanow, jeden z pomysłodawców projektu, liczby bez konkretnych, indywidualnych historii nie przemawiają do odbiorców (*Nesmešnye kartinki...*, źródło elektroniczne). O rozmiarach tragedii, paragrafach, losach dzieci „wrogów narodu”, deportacjach, warunkach bytowych, słowem, o głębi „innego świata” najlepiej zatem opowiadać z perspektywy pojedynczego człowieka, snując i kreśląc jego indywidualną i ciekawą dla odbiorcy opowieść – z detalami, realiami, ale i emocjami mu towarzyszącymi. Połączenie w tym zakresie dwóch rodzajów mediów wizualnych i audiowizualnych, tj. filmu i komiksu, daje jeszcze lepsze efekty. Warto podkreślić, że scenariusz komiksu jest oparty na historii czworga bohaterów i narysowany przez czworo twórców – co miało dodatkowo zindywidualizować przekaz. Największym wyzwaniem pozostawało dokonać kompilacji opowiadanych historii, wybrać z nich kluczowe, przełomowe momenty, stworzyć scenorys, po czym dobrać do niego tekst, który również odgrywa szalenie ważną rolę ze względu na poszukiwanie równowagi między zawartością merytoryczną a długością wypowiedzi, dosłownością a metaforycznością języka.

Badacze Zagłady często podkreślają, że to dzięki nagrodzonemu Pulitzerem komiksowi Arta Spiegelmana *Maus. Opowieść Ocalałego* (*Maus: A Survivor's Tale*, 1991) możliwe było otwarcie nowego rozdziału w dyskusji o stosowności innych form reprezentacji Zagłady (Forecki 275). Co ciekawe, recepcja komiksów Spiegelmana w Polsce była utrudniona przede wszystkim z racji zastosowanej przez autora animalizacji i przedstawienia Polaków jako świni (Forecki 275). Z kolei w Rosji największe kontrowersje wywołała karykaturalnie zobrazowana swastyka na okładce. Zaburzenia z odczytaniem antyfaszystowskiego przesłania utworu i oskarżenia o rozpowszechnianie faszyzmu pojawiły się w okresie świętowania w Rosji 70. rocznicy zakończenia II wojny światowej i zwycięstwa ZSRR nad faszystami, co przełożyło się na wycofywanie dostępnych egzemplarzy przekładu *Mausa* z niektórych księgarń rosyjskich. Akcja ta odbiła się szerokim echem nie tylko w rosyjskich, ale przede wszystkim światowych mediach. Sam Spiegelman określił te działania jako hańbiące i wzbudzające niepokój w kon-

tekście upamiętniania Zagłady („*Maus*” *pretknoweniâ. Goneniâ na komiks v RF i kuda èto vse skatilos*’, źródło elektroniczne). Dziś *Maus*, wyłączając incydentalne próby jego usunięcia z programu lektur, znajduje się na liście utworów rekomendowanych do rozpowszechniania wiedzy o Holokauście, jednak status zainspirowanych tym dziełem projektów wygląda zgoła odmiennie. Choć pojawia się ich z czasem coraz więcej, nie wszystkie reprezentują wysoki poziom artystyczny, nie zawsze też ich autorom udaje się uniknąć kontrowersji czy moralizatorstwa, wpadania w sidła stereotypizacji, patosu czy wręcz propagandy.

Jeśli chodzi o Rosję, to oprócz wspomnianego wyżej projektu *Вы-жившие* w tym samym 2019 roku ukazał się jeszcze jeden komiks, w którym pobrzmiewają echa terroru. Mowa o książce *Сурвило* Olgi Ławrientiewej, będącej w odróżnieniu od projektu *Вы-жившие* opowieścią rodzinną. Jest to dzieło o wymiarze osobistym, konfesyjnym, dopracowane w każdym detalu, nagrodzone już kilkoma nagrodami. Ławrientiewa to urodzona w 1986 roku rysowniczka, graficzka, twórczyni komiksów historycznych, dokumentalnych, a także społeczno-politycznych, związana z Petersburgiem. Artystka z powodzeniem odnajduje się w technice cyfrowej i kolażu, choć najczęściej rysuje tradycyjnie, z wykorzystaniem tuszu. Jej prace były pokazywane podczas wystaw w Rosji, USA, Finlandii, Norwegii, Szwajcarii, Polsce, na Węgrzech. Oprócz komiksu *Сурвило* do jej najbardziej znanych projektów należą *Процесс двенадцати*, czyli reportaż graficzny, na który złożyły się szkice wykonane podczas procesu narodowych bolszewików odbywającego się w Petersburgu w 2012 roku oraz *Нерпизнанные государства. Одиннадцать историй о сепаратизме*. Jak czytamy na stronie internetowej artystki, jest to seria dokumentalno-abstrakcyjnych, eksperymentalnych prac wykonanych w technice kolażu o najbardziej szalonych próbach utworzenia własnego państwa we współczesnym świecie i rezultatach tych działań (Lavrent’eva, źródło elektroniczne). Kolejny projekt *Borderline State* dotyczy prawdziwej i mitycznej Północy, powstał w Norwegii w 2015 roku, tekst jest napisany po angielsku. I jeszcze jedno kultowe dzieło, o którym warto wspomnieć – gotycka powieść kryminalna w ośmiu rozdziałach, z prologiem i epilogiem, zatytułowana *Шув* – historia dwójki dzieci, które na własną rękę prowadzą śledztwo w sprawie śmierci sąsiada i rekonstruują wydarzenia, tworząc komiks. Już ten pobieżny przegląd dokonany Ławrientiewej potwierdza, że książka *Сурвило* zdecydowanie wyróżnia się na tle wcześniejszych projektów artystki, dla której komiks jest jedną z najbardziej interesujących i złożonych form sztuki z pogranicza grafiki, literatury i reżyserii: „Komiksy to najlepszy sposób na opowiedzenie o tym, co dzieje się teraz, albo wydarzyło się dawno temu, albo nigdy nie miało miejsca” (Lavrent’eva, źródło elektroniczne). Uwaga ta znajduje potwierdzenie w tekście Lawrence’a L. Langer, autora prac poświęconych Zagładzie, prekursora badań nad różnymi rodzajami pamięci i narracji:

Wizualny język komiksu pozwala mu na kondensację czasu i przestrzeni w syntetyczny sposób, nieosiągalny w zwykłej prozie. Na jednej stronie książki może przenosić się z Europy do Ameryki, z miasta na wieś. [...] Może na przemian posługiwać się zbliżeniem i panoramą, pokazywać tę samą scenę z zewnątrz i widzianą oczami jej bohaterów. [...] Równie szybko jak plany przestrzenne może zmieniać plany czasowe, dzięki czemu przeszłość i teraźniejszość splatają się w jedną nierozdzieloną tkaninę opowieści (Langer 2004: 99–100).

Сурвило to opowieść o babci Ławrientiewej, kobiecie, która przeżyła piekło blokady Leningradu, a wcześniej jej rodzinę w dramatyczny sposób dotknęły represje stalinowskie. Pretekstem do powstania komiksu były babcine wspomnienia, tytuł odsyła zaś do nazwiska pradziadka autorki i wsi, z której się wywodził. Ławrientiewa to zatem przykład artystki, która wpisuje się w międzypokoleniową transmisję traumy, to przedstawicielka trzeciego pokolenia. Co ciekawe, jest to sytuacja dość często obserwowana w ostatnich latach w praktykach upamiętniania, wynikająca tak naprawdę z przewlekłości istnienia systemu, który doprowadził do traumatycznych wydarzeń i snucia przez dekady narracji zwycięskiej, a co za tym idzie, milczenia rodziców, a to zaś przekłada się na niewiedzę i narastającą obcość w relacjach mąż – żona, rodzic – dziecko (por. Żejmo 50). To m.in. dlatego przedstawiciele drugiego pokolenia jako autorzy nie są tak często obecni nawet w publikowanych po latach tekstach pamięciowych i postpamięciowych. Uwaga ta dotyczy również komiksów. Okazuje się jednak, że zarówno w odniesieniu do represji, jak i blokady Leningradu istnieją świadectwa uczestników tamtych wydarzeń, które można odnieść do tej kategorii. Mowa chociażby o niekonwencjonalnej próbie zmierzenia się z represjami i doświadczeniem łagrów, które podjęła Jefrosinia Kiersnowska w książce *Ile wart jest człowiek* (*Сколько стоит человек*, 2000–2001). Jej obszerne wspomnienia, a zwłaszcza towarzyszące tekstowi rysunki, mają ogromne znaczenie, gdy mowa o odtwarzaniu historii i detali dotyczących realiów życia w łagrach, ale i torowaniu drogi dla późniejszych wizualnych reprezentacji terroru oraz przełamaniu strachu i milczenia, szczególnie wobec faktu zarekwirowania Kiersnowskiej pierwszego wariantu zapisków bezpośrednio po odzyskaniu wolności, jeszcze w Norylsku (Pawletko 2018: 72). W kontekście blokady Leningradu Polina Barskova przywołuje z kolei tworzone podczas oblężenia i opatrzone krótkim komentarzem słownym rysunki architekta Aleksandra Nikolskiego, określając je zresztą jako komiks czasu blokady. Przechowywany obecnie w Ermitażu ilustrowany dziennik Nikolskiego jest dowodem na to, że czasami traumatyczne wydarzenia, trudno poddające się wyrażeniu, łatwiej narysować niż opisać (Oborin, źródło elektroniczne). Dlatego osobnym zagadnieniem – tu jedynie wywołanym, choć bez wątplenia wartym głębokiego namysłu – pozostaje analiza tych świadectw w powiązaniu z metodą arteterapii.

Milczenie obejmujące ofiary i przedstawicieli drugiego pokolenia (Matusiak 12; Żejmo 51–53) pobrzmiewa, co ciekawe, także w komiksie Ławrientiewej.

Chodzi nie tyle o przemilczanie tematów w przypadku babci czy niewiedzę jej córki, ale niemoc, bezradność, bezsilność dotyczącą tego, co zrobić z rozproszonymi wspomnieniami o przeszłości, jak je utrwalić, jak wreszcie przekuć paraliżujący strach, który zawsze kładł się cieniem na relacjach rodzinnych, o czym tu jeszcze będzie mowa, w coś pozytywnego, oczyszczającego. Podczas wyprawy Olgi wraz z matką i bratem w 2014 roku do obwodu pskowskiego, gdzie Jelena Surwiło spędzała każde wakacje u dalekich krewnych, pojawia się idea, by stworzyć książkę o babci Walentinie. Pomysł podsuwa właśnie matka Olgi: „Ты не думала сделать книгу про бабушку? Про её жизнь? Она видела такое. Это тоже уйдёт. Потом будет не собрать. Не восстановить!” (Lavrent'eva 269). W rzeczywistości, jak podkreśla artystka w jednym z wywiadów, idea powstania komiksu dojrzewała w niej stopniowo (*Kak govorit' o blokade i repressiâh na âzyke komiksa. Interv'û s hudožnicej Ol'goj Lavrent'evoy*, źródło elektroniczne). Nie wskazuje ona jakiegoś momentu zwrotnego, zwraca jedynie uwagę, że to jej czwarty komiks, górę nad pojawiającymi się wątpliwościami wzięło zatem doświadczenie, umiejętność selekcji materiału, stworzenia spójnego scenariusza, ale i ułożenia w głowie, jak zmierzyć się ze skomplikowanym historycznie i emocjonalnie tematem, jak ująć na przestrzeni prawie trzystu stron okres od początku XX wieku aż do współczesności – ostatnie przedstawione w komiksie wydarzenia mają miejsce w 2017 roku.

Ławrientiewa udowadnia, że przekazywane z pokolenia na pokolenie opowieści rodzinne odgrywają nie tylko rolę terapeutyczną, scalającą rodziny, ale stanowią istotną część wiedzy o przeszłości, uzupełnienie historycznych ujęć i przekazów. Już po pobieżnym zapoznaniu się z komiksem uwagę zwraca wielka dbałość autorki o staranne i wierne odtworzenie realiów. Choć artystka pracuje w gatunkach kojarzonych z popkulturą, to najważniejsza w tym przypadku była pamięć ludzka z jej wybiórczością, białymi plamami, subiektywnością odbioru otaczającej rzeczywistości, przekładającą się na zapamiętywanie przedziwnych okrucich, detali. W toku coraz bardziej szczegółowego zapoznawania się z książką dostrzegamy skupienie na precyzyjnie kreślonej opowieści o rodzinie – rodzicach i siostrze Lali, ujętej właśnie z perspektywy babci oraz wyeksponowaniu charakterystycznych przedmiotów i czynności związanych z codziennym bytem, takich jak palenie w piecu, pranie, gotowanie. W ich odtworzeniu poza opowieściami Walentyny Surwiło pomocne były fotografie rodzinne, ale i plakaty, obrazy radzieckich artystów, filmy radzieckich reżyserów. Przygotowując tło, Ławrientiewa nie korzystała natomiast świadomie z przekazów innych świadków, nie czytała ich wspomnień, by szczegóły zawarte w ich opowieściach nie nakładały się na to, co opowiadała babcia (*Kak govorit' o blokade i repressiâh...*, źródło elektroniczne)

Jednocześnie jednak w przełożonej na język komiksu historii Walentyny Surwiło jak w soczewce skupiają się koleje losu wielu mieszkańców Związku

Radzieckiego, szczególnie w odniesieniu do lat 30. i 40. XX wieku, o czym świadczyć może przerwanie milczenia na temat stygmatyzacji, wykluczenia ze społeczeństwa radzieckiego członków rodzin domniemych wrogów ludu, ostracyzm wobec drażących temat bliskich i ich losów po zniknięciu oraz zabiegi zwieńczone gorzką satysfakcją z powodu ich pośmiertnej rehabilitacji. Mamy tu przekrojowo ukazane etapy funkcjonowania jednostki w okresie istnienia ZSRR i po jego upadku – od narastającej atmosfery lęku, przerażenia w latach 20. i 30., poprzez odwilżową ulgę z powodu pozyskania dokumentu o oczyszczeniu z domniemych zarzutów, po pierestrojkową próbę dowiedzenia się czegoś więcej na temat losów bliskiego po jego aresztowaniu i zniknięciu z domu, czyli etap otwarcia archiwów. Ze współczesnością należy natomiast kojarzyć przełamanie lęku i snucie przez babcię opowieści podczas wielu spotkań, przygotowania wnuczki do złożenia świadectwa w jej imieniu: „Ты теперь многое помнишь лучше меня. Вместо меня” (Lavrent’eva 14), a także wyprawę Olgi i jej brata w rodzinne strony Walentyny w poszukiwaniu śladów i tropów rodzinnych, chęć zrozumienia przeszłości, po której właściwie nie został żaden materialny ślad poza kilkoma fotografiami, choć otoczenie do złudzenia przypomina to znane z opowieści babci.

W komiksie Ławrientiewa dyskretnie upomina się o zacierającą się coraz bardziej przeszłość, o utrwalanie jej poprzez rozmowy ze świadkami historii. Nie jest to jednak otwarcie „krytyczne przepracowanie historii” (Forecki 302). Nie ma tu próby przekroczenia narracji tradycyjnych i konwencjonalnych (Forecki 281), mimo iż mamy do czynienia z nieoczywistym – gdy mowa o ujęciach terroru czy blokady Leningradu – medium i że znakiem rozpoznawczym artystki są, jak czytamy w albumie *City stories II. Kadry i ramki: rosyjsko-polskie konfrontacje komiksowe*, „eksperymentalne historie graficzne” (Ławrientjewa, Timofiejuk 52). W warstwie wizualnej powieści graficznej *Сурвило* dominuje surowa, oszczędna kreska. W warstwie tekstowej z kolei próżno szukać zabiegów intertekstualnych, umowności, gry z odbiorcą. Wydaje się, że jest na to jeszcze zdecydowanie za wcześnie. *Сурвило* to przede wszystkim hołd złożony babci.

Trudno jednak nie zauważyć, że niejako przy okazji, na marginesie snutej i kreślonej opowieści rodzinnej, autorka porusza ważki problem, a mianowicie współistnienie pamięci i afektów. *Сурвило* to nie tylko zapis przeszłości, ale i stanów emocjonalnych babci, kosztów fizycznych i psychicznych, które przyszło ponieść tym, którzy przeżyli. W jakiej są kondycji? Jakie są ich relacje rodzinne, społeczne? Jak funkcjonują i reagują w trudnej, po(st)traumatycznej codzienności? Komiks „magazynuje, archiwizuje” (Budrewicz 9) skutki długotrwałych przemilczeń, pozwala zrozumieć, czym jest afektywne drugie dno snutej narracji o przeszłości. Wszak ofiary często nie potrafią nazwać, określić precyzyjnie tego, co się z nimi stało i wciąż dzieje nie tylko w sensie emo-

cyjnym, ale wręcz fizycznym, cielesnym. W przypadku Walentyny Surwiło afektem jest paraliżujący strach, o którym z czasem babcia coraz częściej mówi otwarcie: „Вся жизнь под гнѣтом этого страха”. [...] Я знаю, что со мной трудно, с моим вечным страхом. Знаю, но ничего не могу с собой поделаться. Этот страх – часть меня. Предчувствие беды. Оно никогда не исчезает” (Lavrent’eva 275). Jest on widoczny już w początkowej scenie grzybobrania. Ławrientiewa stara się uświadomić odbiorcom, że paniczny strach babci, wywołany zniknięciem wnucząt, które w poszukiwaniu grzybów nieznacznie się oddaliły, nie jest cechą odziedziczoną po przodkach, ale wynikiem traum, a także wciąż obecnych w przestrzeni śladów wojennej rzeczywistości, m.in. lejów i jam po bombach. Kobieta jest przekonana, że nieszczęście stale towarzyszy człowiekowi, wie to, pamięta i dlatego w cieniu trwogi Walentyny dorasta matka Olgi, Jelena, która podkreśla, że w epoce bez telefonów każde jej spóźnienie do domu wywoływało fizyczne wręcz cierpienie matki. Co ciekawe, wspomniany telefon pojawia się w komiksie Ławrientiewej jako znak współczesności w różnych, charakterystycznych odśłonach – wnuczka nie tylko dzwoni do babci, informując ją, że już wraca, ale również, posługując się nawigacją w telefonie, odnajduje miejsca związane z przeszłością Walentyny i dodatkowo dokumentuje je, robiąc zdjęcia wbudowanym w telefon aparatem.

Widząc z perspektywy lat fatalne skutki obezwładniającego strachu o najbliższych oraz zacierające się w pamięci szczegóły – „В памяти всё слилось в одно большое серое пятно” (Lavrent’eva 14), Walentyna Surwiło mozolnie, krok po kroku, podejmuje próbę odtworzenia historii rodzinnej, starając się pokonać „afekt, skutecznie blokujący możliwość narracyjnego opisanego tego, co miało miejsce” (Tabaszewska 272). Jest gotowa, by opowiedzieć wnuczce wszystko, co pamięta: „Бабушка, надо было всё записать давно. – А я только сейчас доросла... Поняла, что главная история – самая важная – она всегда была рядом” (Lavrent’eva 14). Imperatywem z pewnością pozostają też i te słowa skierowane do wnuczki: „Запиши это, так и запиши: я живу за всех” (Lavrent’eva 15). I w innym miejscu: „Память тоже зарастает лесом. Все путается. Детали теряются. Остаётся только добро и любовь. Я помню всех, благодаря кому я жива. И тех, вместо кого я живу” (Lavrent’eva 293). Mamy tu zatem odsyłające do doświadczeń wielu ocalonych poczucie winy i przekonanie, że przeżyło się, by zaświadczyć, ocalić od zapomnienia tych, którym to się nie udało. W jej wspomnianiu przeszłości odbiorcę uderza ponadto prostota, pogodzenie z losem, niechęć, by kogokolwiek oskarżać, ziać nienawiścią, przeświadczenie, że nie ma się wpływu na wydarzenia toczące się poza samą sobą, dodatkowo wzmocnione wieloletnim poczuciem wykluczenia z kolektywu.

Olga Ławrientiewa udowadnia swoim komiksem, że historia widziana oczami jednostki jest bardziej wiarygodna, nie ma w niej legend, mitów, czarno-białe-

go widzenia świata, przekłamań i niedomówień – jak w przeglądanych przez nią w archiwum ocenzonego wciąż dokumentach dotyczących pradziadka. Są natomiast emocje, zawiedzione marzenia i wątpliwości – stąd, choć komiks jest czarno-biały, pełno w nim odcieni szarości, stron z nieprecyzyjnymi rysunkami mającymi podkreślić właśnie afektywność doświadczenia, zagubienie i bezsilność człowieka w odniesieniu do sytuacji, które go przerastają i których czasem nie potrafi nawet dokładnie określić, nazwać. I właśnie dlatego rolą, misją przedstawicieli młodszych pokoleń jest wykazywanie się empatią, słuchanie, utrwalanie w imieniu świadków przeszłych zdarzeń, ale również pomaganie w uświadomieniu, gdzie tkwią źródła afektów i jak można, mierząc się z nimi wspólnie z innymi, podjąć próbę ich przezwyciężenia, przekucia doświadczenia somatycznego, które jak podkreśla Marek Zaleski, uchyla się reprezentacji, w materialność dzieła sztuki, tekstu (Zaleski 14).

W ten sposób tworzy się „horyzont pamiętania pokoleniowego” (Traba 379), w którym ważną rolę odgrywają właśnie afekty. W ostatnich latach w Rosji i byłych republikach radzieckich wiele się zmienia, gdy mowa o afektywnym potencjale współodczuwania, współświadczania i współoddziaływania na odbiorcę przez przedstawicieli kolejnych pokoleń, którzy towarzysząc świadkom, odgrywają rolę „uczestniczącego w akcie świadczenia” (Dauksza 76). Co więcej, jak podkreśla Agnieszka Dauksza,

bez uczestniczącego nie ma wszak ani świadectwa, ani świadczącego, istnieje dopiero jego potencjał. [...] Przeżywca/świadek potrzebuje kogoś, komu można przedstawić słowo, gest, odczucie, kto przyczyni się do aktu ustanawiania i kto pomoże w przejściu od martwych do żywych, od „wtedy” i „tam”, własnej bezsilności i obojętności, presji i zagrożenia, do nieokreślonego i dynamicznego „tu” i „teraz” (Dauksza 76–77).

Za projektami realizującymi ten zamysł, wpisującymi się w przestrzeń nauki, literatury, (pop)kultury i nowych mediów stoją bliscy ofiar i ocalańców, ale również twórcy niewiukłani rodzinnie w traumatyczne wydarzenia, którzy z własnej inicjatywy i nierzadko na własną rękę mapują doświadczenia afektywne, obejmujące dziedzictwo represji i łagrów, blokady Leningradu i Holokaustu, tworząc nowe praktyki upamiętniania i świadkowania. Dzieła jednych i drugich należy traktować, jak podkreśla Matusiak, jako kanały transmisyjne „doświadczenia noszącego znamię traumy Nieobecnego” (Matusiak 25). To proces, który trwa i któremu warto się uważnie przyglądać, bo niesie w sobie ogromny potencjał nie tylko podjęcia wreszcie udanej próby przezwyciężenia, przepracowania, krytycznej rewizji mrocznych odśłon przeszłości i mozolnego odgruzowywania „rumowiska pamięci” (Langer 2015), ale przede wszystkim budowy wspólnoty pamięci, opartej na fundamentach dialogu międzypokoleniowego.

Bibliografia

- Ârov, Sergej. *Blokadnaâ ètika*. Moskwa, ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2013.
- Budrewicz, Zofia. „Wstęp”. *Pamięć i afekty*. Red. Zofia Budrewicz, Roma Sendyka, Ryszard Nycz. Warszawa, Wydawnictwo IBL PAN, 2014, s. 7–14.
- Dauksza, Agnieszka. „Ustanawianie świadka”. *Teksty Drugie*, 3, 2018, s. 69–96.
- Èpple, Nikolaj. *Neudobnoe prošloe. Pamât' o gosudarstvennyh prestupleniâh v Rossii i drugih stranah*. Moskwa, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Ètkind, Aleksandr. *Krivoie gore. Pamât' o nepogrebennyh*. Per. Vladimir Makarov. Moskwa, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Forecki, Piotr. „Zagłada i krajobraz po Zagładzie w komiksowych kadrach”. *Poznańskie Studia Polonistyczne*, 25 (45), 2015, s. 275–308.
- Harris, David Alan. „The Paradox of Expressing Speechless Terror: Ritual Liminality in the Creative Arts Therapies' Treatment of Posttraumatic Distress”. *The Arts in Psychotherapy*, 36, 2009, s. 94–104.
- Kak govorit' o blokade i repressiâh na âzyke komiksa. Interv'û s hudożniczej Ol'goy Lavrent'evoy*. Web. 22.07.2021. <https://www.the-village.ru/weekend/art/342387-komiks-o-blokade>.
- Klimek-Dominiak, Elżbieta. „Żydowsko-amerykański komiks (auto)biograficzny: powieść graficzna czy pamiętnik graficzny”. *Autobiografia*, 1 (8), 2017, s. 121–132.
- Langer, Laurence L. „Dwa głosy: Cynthia Ozick i Art Spiegelman”. *Literatura na Świecie*, 1–2, 2004, s. 95–103.
- Langer, Laurence L. *Świadectwa Zagłady: w rumowisku pamięci*. Przeł. Marcin Szuster. Warszawa, Żydowski Instytut Historyczny, 2015.
- Lavrent'eva, Ol'ga. *Obo mne*. Web. 22.08.2021. <https://olga-lavrenteva.ru/biography/>.
- Lavrent'eva, Ol'ga. *Survilo*. Sankt-Peterburg, Bumkniga, 2020.
- Ławrientjewa, Olga (rysunki), Paweł Timofiejuk (scenariusz). „Koty Ermitaża”. *City stories II. Kadry i ramki: rosyjsko-polskie konfrontacje komiksowe*. Red. Ewa Stępień. Łódź, Stowarzyszenie Twórców Contur, 2016, s. 53–70.
- Matusiak, Agnieszka. *Wyjść z milczenia. Dekolonialne zmagania kultury i literatury ukraińskiej XXI wieku z traumą posttotalitarną*. Wrocław, KEW im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego, 2020.
- „Maus” *pretknoveniâ. Goneniâ na komiks v RF i kuda èto vse skatilos'*. Web. 12.08.2021. https://medialeaks.ru/2804mess_maus/.
- Nesmešnye kartinki. Sbornik komiksov o žertvah Gulaga*. Web. 15.08.2021. <https://www.svoboda.org/a/29851508.html>.
- Oborin, Lev. *Priehat' i najti ničego*. Web. 15.08.2021. <https://polka.academy/materials/830>.
- Pawletko, Beata. *Blokada Leningradu i jej reprezentacje w świetle innych doświadczeń granicznych*. Katowice, Wydawnictwo „Śląsk” i SIW, 2016.
- Pawletko, Beata. „Szkice (z) przeszłości. O wizualnych reprezentacjach Gułagu”. *Przegląd Rusycystyczny*, 3, 2018, s. 65–80.
- Sandomirskáâ, Irina. *Blokada v slove. Očerki kritičeskoj teorii i biopolitiki âzyka*. Moskwa, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Sbornik grafičeskikh novell „Vy-živšie. Gulag"*. Web. 29.07.2021. <https://planeta.ru/campaigns/rememberthegulag>.
- Szylak, Jerzy. *Coś więcej, czegoś mniej. Poszukiwanie formuły powieści graficznej w komiksie 1832–2015*. Poznań, Fundacja Instytut Kultury Popularnej, 2016.
- Szylak, Jerzy. *Komiks*. Kraków, Znak, 2000.

- Tabaszewska, Justyna. „Zepsuty afekt”. *Ciała zdruzgotane, ciała odporne. Afektywne lektury XX wieku*. Red. Adam Lipszyc, Marek Zaleski. Warszawa, Wydawnictwo IBL PAN, 2015, s. 268–307.
- Talwar, Savneet. „Accessing Traumatic Memory through Art Making: An Art Therapy Trauma Protocol (ATTP)”. *The Arts in Psychotherapy*, 34, 2007, s. 22–35.
- Traba, Robert. „Procesy zbiorowego pamiętania i zapominania. Trzy przypadki i ich konsekwencje dla badacza pamięci zbiorowej”. *Pamięć i afekty*. Red. Zofia Budrewicz, Roma Sendyka, Ryszard Nycz. Warszawa, Wydawnictwo IBL PAN, 2014, s. 367–394.
- Tuszyńska, Kamila. *Narracja w powieści graficznej*. Warszawa, PWN, 2015.
- Tuszyńska, Kamila. „Polskie komiksy okolicznościowe i użytkowe: historyczne, religijne, społeczne”. *Napis*, 17, 2011, s. 347–362.
- Ušakin, Sergej, Ekaterina Mahotina, Mihail Gabovič, Nikita Lomagin, Dar’â Hlevnûk, Liza Kiršenbaum, Irina Sandomirskáâ. „Pamât’ o blokade – blokada pamâti”. *Neprikosnovennyj zapas*, 5, 2019. Web. 12.08.2021. <https://magazines.gorky.media/nz/2019/5/pamyat-o-blokade-blokada-pamyati.html>.
- Zaleski, Marek. „Historyczna terażniejszość, czyli przestrzeń afektu”. *Ciała zdruzgotane, ciała odporne. Afektywne lektury XX wieku*. Red. Adam Lipszyc, Marek Zaleski. Warszawa, Wydawnictwo IBL PAN, 2015, s. 308–366.
- Żejmo, Bożena. „Imperium traumy, czyli między szeptem a milczeniem (*Dziewczyna moich marzeń* Bułata Okudźawy)”. *Przegląd Rusycystyczny*, 3, 2018, s. 48–64.

ANDRZEJ POLAK

Zabawa czy afekt? O ideologicznym uwikłaniu twórczości Wiktora Pielewina

Fun or affect? On the ideological entanglement of the works of Victor Pelevin

Abstract. The aim of the article is to review Victor Pelevin's works in terms of their critique of current social and political processes as well as various kinds of ideologies and theories. Despite the writer's association with the group of postmodern artists he is not only focused on typically postmodern text games and playing with readers, his ambitions are also targeted at shaping their views and behaviors. The author of *Generation "P"* reacts vividly to the changing reality, he is a keen observer with ambitions to influence the world. He raises issues of universal nature, protesting against all ideological norms, social categories, standardizing fashions and stereotypes that enslave human beings, against all ways of manipulating human consciousness. His approach is constantly met with criticism of both pro-Western and traditionalist circles. The former accuse him of an overly skeptical attitude to the Western model of life, while the latter do not like the writer's ironic approach to social reality, polemics with Russian values and attempts to discredit them.

Keywords: Pelevin, ideology, game, postmodern literature, Russian literature

Andrzej Polak, Uniwersytet Śląski w Katowicach, Sosnowiec – Polska, andrzej.polak@us.edu.pl,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3665-0115>

W powszechnym odbiorze Wiktor Pielewin uchodzi za jednego z czołowych czy wręcz klasycznych reprezentantów literatury postmodernistycznej¹ – o czym wielokrotnie przekonywali jej przedstawiciele – niezainteresowanej sprawami

¹ Badacze łączą twórczość Pielewina także z innymi koncepcjami artystycznymi – soc-artem, pop-artem, surrealizmem, realizmem fantastycznym, realizmem psychodelicznym, postrealizmem, fantastyką filozoficzną. Więcej na ten temat zob.: Ewa Pańkowska, *Powieści Wiktora Pielewina. Kontekst postmodernistyczny. Interpretacje*. Białystok, Wydawnictwo Prymat, 2016, s. 22. Wiele cennych informacji na temat twórczości autora *Małego palca Buddy* znajdziemy także w opracowaniach badaczy rosyjskich (rosyjskojęzycznych), m.in. w pracy Oksany Żarynowej, *Поэмуко-философский аспект произведений Виктора Пелевина „Омон Ра” и „Generation II”*. Web. 11.04.2022. <https://cheloveknauka.com/poetiko-filosofskiy-aspekt-proizvedeniy-viktora-pelevina-omon-ra-i-generation-p>.

społeczno-politycznymi, charakterystycznym dla literatury rosyjskiej posłannictwem, lecz skupionej na kwestiach dotyczących szeroko rozumianej literackości i tekstowości. Zgodnie z takim stanowiskiem autor *Generation „P”* w pierwszej kolejności winien być skupiony na grze intelektualnej, zabawie literackiej (intertekstualność), a nie na zaangażowaniu i krytycznej ocenie różnego rodzaju wielkich narracji, w rodzaju kapitalizmu, komunizmu czy liberalizmu, odpowiedzialnych za kształt stosunków ekonomicznych i społeczno-politycznych w Rosji i na całym świecie. W moim przekonaniu tak jednak nie jest, co powoduje, że chociaż traktuję Pielewina jako twórcę ściśle związanego z estetyką postmodernistyczną, to zdecydowanie nie indyferentnego wobec kwestii społecznych, żywo reagującego na zmieniającą się rzeczywistość wnikliwego obserwatora, mającego ambicje oddziaływania na świat. Jego postawa, przynajmniej częściowo, wynika niewątpliwie z silnego upolitycznienia rosyjskiego postmodernizmu. Pogląd taki wyraża np. Wiktor Tietierin, widzący w Pielewinie wybitnego twórcę literatury rosyjskiej (*знаковый писатель*), który sugestywnie i wyraziście odzwierciedla zmiany od lat zachodzące w rosyjskim społeczeństwie. Z jednej strony podejście to przeczy mitowi o oderwaniu pisarza od otaczającej go rzeczywistości, czyni zeń twórcę *stricte* współczesnego i jednocześnie współczesność tę formującego, występującego w roli władcy umysłów znacznej części rosyjskich intelektualistów (Teterin, źródło elektroniczne). Z drugiej strony nie brakuje głosów przekonujących, że Pielewinowi – będącego zdaniem Walerija Bondarienki zjawiskiem nie tylko literackim, ale szerzej, kulturowym (w tym odnośnie do kultury masowej, rozrywkowej) – absolutnie obce jest wszelkie misjonarstwo, a nawet powaga (Bondarenko, źródło elektroniczne). Do głównych tematów jego twórczości należy kwestia historycznych granic i znaczenia Rosji, powolne i trudne przechodzenie od ideologii i władzy radzieckiej ku czasom demokracji.

Postmodernistyczny wymiar utworów Pielewina, ich przynależność do literatury środka² pozwala autorowi *Życia owadów* występować w roli przekąźnika spraw skomplikowanych, trudno przyswajalnych dla szerokich kręgów społeczeństwa. Między innymi z tego powodu Siergiej Połotowski i Roman Kozak nazywają go zbiorowym psychoterapeutą i – prowokacyjnie, ale bynajmniej nie szydęrczo – literackim Kaszpirowskim. Styl jego utworów jest mniej ważny, należą one do tzw. powieści idei (Polotovskij, Kozak 201, 216). Pisarz występuje w roli złośliwego krytyka współczesnej cywilizacji, przenikliwego kronikarza przemian dokonujących się w rosyjskiej świadomości. W opinii Natalii Iwanowej Pielewin doskonale wyczuwa nadchodzące zmiany, nowe tendencje polityczne i kryzysy społeczne (Ivanova, źródło elektroniczne). O zainteresowaniu sferą społeczno-

² Termin literatura środka, *миддль-литература*, wprowadził w Rosji krytyk i literaturoznawca Siergiej Czuprynin.

-polityczną świadczy większość jego utworów, poczynając od najwcześniejszych. Jak z kolei twierdzi Irina Skoropanowa, pisarza interesują procesy zachodzące zarówno w świadomości społecznej, jak i w nieświadomości zbiorowej, ich wpływ na bieg historii, na zachowanie ludzi i społeczeństwa. Dlatego tak wiele miejsca poświęca on ideologii, reklamie, technologiom komputerowym, narkotynom, przemianom rosyjskiego charakteru narodowego (Skoropanowa 433). Choć Pielewin ma skłonności do tworzenia najbardziej fantastycznych eksplikacji zjawisk społecznych, to tak naprawdę podejmuje w swoich utworach odwieczne „przekłete problemy” literatury rosyjskiej. Jego twórczość to literatura wiecznego niepokoju.

Przewartościowanie dorobku i postawy twórczej Pielewina można obserwować już od dłuższego czasu. Stanisław Gurin widzi w nim autora „o czułym sercu i wrażliwej duszy”, wierzącego w dobro i miłość romantyka, którego śmiech – szyderczy i gorzki – jest typowym śmiechem przez łzy. Głównym tematem utworów pisarza ma być mit – dekonstruuje on mity stare i tworzy nowe, konfrontując je ze sobą. Według autora *Malego palca Buddy* najważniejszym mitologemem współczesności jest reklama, telewizja oraz zabiegi piarowe – nośniki mitów, które same stają się mitami (Gurin, źródło elektroniczne). W utworach Pielewina można odnaleźć wiele wątków potwierdzających negatywny wpływ telewizji i filmów reklamowych na człowieka – mechanizmów jego medialnego zniewalania. Pisarz krytykuje władzę, jaką nad ludzkimi umysłami mają środki masowego przekazu; człowiek okazuje się bezradny wobec medialno-reklamowej maszyny napędzanej wartkim strumieniem pieniędzy. Jedną z postaci potwierdzających destrukcyjne oddziaływanie reklamy jest Azadowski z *Generation „P”* (*Generation „II”*, 1999). Większość czasu zajmuje mu kompulsywne nabywanie towarów pojawiających się w reklamach. Jak się okazuje, nawet specjalista od strategii marketingowej może paść ofiarą mass mediów, rzekomo podlegających jego kontroli. W społeczeństwie konsumpcyjnym najważniejszą funkcję pełnią nośniki, dzięki którym ludzie ulegają złudzeniu, że znają prawdziwy obraz świata. Tymczasem przeciętny przedstawiciel konsumpcyjnej zbiorowości nie ma pojęcia o rzeczywistości prawdziwej, dostępnej tylko nielicznym. Kreatorami zafałszowanej „prawdy” jest grupa osób zajmujących się marketingiem. Pielewin, zauważa Maksim Pawłow, w sposób jasny i profesjonalny, zarówno na poziomie terminologii, jak i szczegółów technicznych (nieznacznie tylko wyolbrzymiając), objaśnia zabiegi służące reklamowym i politycznym kłamstwom (Pavlov 206). Najwyraźniej po rozpadzie radzieckiego imperium „inżynierami ludzkich dusz” przestali być pisarze, a stali się nimi twórcy reklam. Jak tłumaczy Wawilenowi Tatarskiemu (głównemu bohaterowi *Generation „P”*) jeden z kolegów z pracy, w świecie środków masowego przekazu wszystko podporządkowane zostało wielkiemu biznesowi. Tak naprawdę nie ma żadnych polityków, są tylko ich symulakry, które na po-

trzeby relacji telewizyjnych powstają w miejscu pracy Tatarskiego, a scenariusze ich zachowań przygotowują copywriterzy. W hasłach reklamowych opracowywanych przez Wawilena ważną funkcję pełnią wyrazy wieloznaczne, zaburzające sens przekazu, jego czytelność. O całkowitym zagubieniu, dezorientacji ludzi świadczą wielokrotnie pojawiające się w utworze wzmianki o Wieży Babel.

Gurin uznaje Pielewina za moralistę, wyznawcę duchowości, która w nowej sytuacji historycznej i społecznej musi być wyrażana w zmienionych formach. Krytyk podkreśla wychowawcze ukierunkowanie twórczości pisarza, widząc w nim kontynuatora filozofii klasycznej, przejętego zagadnieniami egzystencjalnymi i wartościami transcendentnymi, głoszącego przewagę spraw duchowych nad złudzeniami świata materialnego. Nazywa go nawet antypostmodernistą – w utworach Pielewina ważne miejsce zajmuje bowiem krytyka społeczna, co przeczy postawie postmodernisty. Pisarz poddaje krytyce zarówno rzeczywistość postradziecką, jak i „zachodni” styl życia, gromi współczesne społeczeństwo konsumpcyjne, które zatraciło wartości duchowe, moralne i społeczne (Gurin, źródło elektroniczne). W jego przekonaniu wielką przyszłość mają natomiast przed sobą Chiny. W tekstach Pielewina wątki chińskie występują niemal równie często co amerykańskie. Pisarz zna język angielski na tyle dobrze, aby żonglować słowami i tworzyć kalambury interkulturowe. Z Chinami jest jednak trudniej – ani mandaryński, ani kantoński nie są mu w równym stopniu znane. Autor *Generation „P”* przekonująco opisuje powszechny kryzys ontologiczny – społeczeństwa jako całości i pojedynczych jednostek ludzkich. To już nie tyle kryzys społeczny, ile katastrofa antropologiczna, porażka metafizyczna – ludzkość tkwi na skraju ontologicznej przepaści. Sytuacja ta skłania pisarza do natychmiastowego reagowania na bieżące wydarzenia społeczno-polityczne, kulturalne oraz mody intelektualne. Bohaterem jego utworów z reguły jest postczłowiek, człowiek poza historią i moralnością, jednostka zagubiona we własnych wyobrażeniach, pogrążająca się w pustce (Gurin, źródło elektroniczne).

Jedną z cech charakterystycznych twórczości pisarza stanowi czerpanie z różnych systemów filozoficznych czy też filozoficzno-religijnych (buddyzm zen). Zabieg ten przez badaczy interpretowany bywa całkowicie odmiennie. Niektórzy przekonują, że filozofia stanowi tu część gry, a pisarz korzysta z niej tylko dlatego, aby potraktować ją z ironią, lub – jak na postmodernistę przystało – wyrazić swoją bezradność wobec chaosu i absurdu świata. Inni z kolei nawiązania do filozofii traktują jak najbardziej poważnie. Dla przykładu w *Małym palcu Buddy* (*Чанаете u Илчомма*, 1996) Pielewin splata idee filozoficzne różnych epok, a także postaci historyczne i archetypy kulturowe, powodując, że wraz ze zmianą kontekstu nabierają one nowych znaczeń. Z kolei obraz rzeczywistości w *Generation „P”* kształtuje postmodernistyczny światopogląd pisarza, skutkiem czego w jedną całość połączone zostają elementy buddyźmu, mity kultury masowej, historia Babi-

lonu, klasyka literacka, żargon mowy przestępczej i informacje na temat specyfiki rosyjskiego biznesu. Nieoczekiwanie ten kulturowy amalgamat sporo mówi na temat rosyjskiego społeczeństwa końca XX wieku.

Zaangażowanie Pielewina w kwestie społeczne widoczne jest na każdym etapie jego twórczości. Wczesne utwory (*Omon Ra* [*Омон Ра*], 1992, *Życie owadów* [*Жизнь насекомых*], 1993) poświęcone były czasom kryzysu i upadku systemu radzieckiego, nieco późniejsze (*Mały palec Buddy*, *Generation „P”*) – formowaniu się nowego rosyjskiego społeczeństwa i kształtowaniu relacji kapitalistycznych, z kolei te z nowego stulecia (*Napój ananasowy dla pięknej damy* [*Ананасная вода для прекрасной дамы*], 2010, *S.N.U.F.F.*, 2011) – aktualnym zjawiskom społeczno-politycznym zachodzącym zarówno w Rosji, jak i na całym świecie. Chociaż *Omon Ra*, *Żółta strzala* (*Жёлтая стрела*, 1993) czy *Samotnik i Sześciopalcu* (*Затворник и Шестипалый*, 1990) powstały na początku lat 90. ubiegłego wieku, w chwili, kiedy rozpadało się imperium radzieckie, to ówczesne wydarzenia polityczne znalazły w nich stosunkowo niewielki oddźwięk. Pisarza w pierwszej kolejności interesował stan ducha jego rodaków. W swoich tekstach dał on ujście odczuciom Rosjan wywołanym końcem pewnej epoki – do historii odchodził bowiem Związek Radziecki, a jego miejsce zajmowała Nowa Rosja z jej patologiami i przestępstwami. W najnowszych utworach Pielewin skupiony jest natomiast na precyzyjnej diagnozie ważnych zjawisk społecznych. Pisarz nie tylko opowiada pewną historię, ale uczy, prognozuje, pozwala swoim bohaterom prowadzić długie rozmowy na temat buddyźmu czy też pełnych ezoteryki wschodnich mitologii, na czym traci jednak literackość jego tekstów. W zbiorze opowiadań *Relics. Раннее и неизданное* (2005), opublikowanych już w nowym stuleciu, lecz ukończonych kilkanaście lat wcześniej, Pielewin podejmuje kwestię recepcji idei liberalnych w Rosji, dziwnych zaburzeń, jakim w jego ojczyźnie idee te podlegały oraz niemożności ich skutecznej implementacji, spowodowanej odmiennym od zachodniego rozwojem historycznym i kulturowym. Po rozpadzie ZSRR idee liberalne przyciągały uwagę całkowicie różnych środowisk – od wojskowych po bankierów. W latach 90. autor *Omon Ra* miał opinię zdeklarowanego liberała, niemniej śmieszył go zachwyty rosyjskich inteligentów powszechną dostępnością urządzeń elektronicznych (Polotovskij, Kozak 55). Chociaż idee liberalne miały wspierać projekt westernizacji Rosji i umożliwić powstanie gospodarki rynkowej w stylu amerykańskim, to w warunkach rosyjskich musiały jednak zakończyć się niepowodzeniem. W zamian pojawił się nowy gatunek rosyjskiego kapitalizmu, niemający absolutnie nic wspólnego z kapitalizmem państw zachodnich (Gray 134). W *Generation „P”* Pielewin zwraca uwagę na dokonującą się w Rosji totalną zmianę systemu znaków, regulujących funkcjonowanie społeczeństwa, przejście od dyktatu ideologii do dyktatu reklamy. Skutkiem tego procesu jest całkowicie nowy, amerykańskiej proveniencji styl życia, który upowszechniają klipy

reklamowe. Dzięki nim przedmioty codziennego użytku zyskują rangę wartości najwyższych, podczas gdy wartości prawdziwe, duchowe pełnią funkcje podrzędne, tracą na znaczeniu, są banalizowane i dewaluowane.

W każdym z utworów Pielewina, oprócz tzw. naszej rzeczywistości, istotną funkcję pełnią elementy zapożyczone z różnych religii, mitologii i filozofii. To, co zwyczajne, normalne, widzialne łączy się z niezwykłym, anormalnym, ukrytym, po czym dochodzi do ich wzajemnej dyskredytacji. Fantastyczne zdarzenia, obrazy i motywy, które kształtują świat przedstawiony utworów pisarza, są ważnym komponentem groteski, pozwalają odsłonić istotne cechy rzeczywistości pozaliterackiej, a także wyrazić prognozy społeczno-polityczne. Twórczość Pielewina przeciwstawia się narzucanym kultom, władzy rynku, kulturowej i duchowej degradacji zarówno całego społeczeństwa (narodu), jak też pojedynczych jednostek ludzkich, będących jednocześnie podmiotem i przedmiotem niebezpiecznych procesów. Rozwiązanie widzi pisarz w powszechnej akceptacji wartości prawdziwych – tak brzmi filozoficzno-etyczne przesłanie jego utworów.

W swoich wczesnych tekstach Pielewin dokonuje rozliczeń z historią państwa, które właśnie zniknęło z politycznej mapy świata. Zainteresowanie różnymi aspektami radzieckości, w latach 90. wyróżniające wielu postmodernistów (m.in. Władimira Sorokina), widoczne jest zwłaszcza w powieści *Omon Ra*. Niemniej, jak twierdzi Siergiej Korniew, stawianie znaku równości pomiędzy prozą Pielewina i Sorokina oraz innych eksperymentatorów nowej fali, budujących estetykę swoich tekstów na dekonstrukcji literackości, stanowi oczywiste nieporozumienie. Spośród wszystkich nowych pisarzy Pielewin wydaje się bowiem najbardziej pryncypialnym antagonistą tego rodzaju twórczości (Kornev, *Blûstiteli dihotomij*, źródło elektroniczne). Korniew nazywa, co prawda, Pielewina postmodernistą, jednakże „klasycznym” – zarówno pod względem formy, jak i treści. Co więcej, biorąc pod uwagę zawartość ideową jego utworów, jest on nie tyle postmodernistą, ile rosyjskim klasycznym pisarzem-ideologiem w rodzaju Lwa Tołstoja czy Nikołaja Czernyszewskiego (słowo ideolog badacz uznaje zresztą za zbędne, klasyk literatury rosyjskiej z definicji musi być przecież ideologiem). Rosyjski klasyczny pisarz-ideolog potrafi tworzyć dobrą i jednocześnie, z punktu widzenia czytelników, atrakcyjną literaturę, pozostając przy tym ideologiem, czyli zażartym głosicielem prawdy i moralistą – społecznym i/lub religijnym. Ideolog ten w każdym zdaniu konsekwentnie przekazuje tę samą moralno-metafizyczną teorię (Kornev, *Stolknovenie pustot*, źródło elektroniczne). Zdaniem Korniewa, relacje Pielewina z estetyką postmodernizmu są bardzo skomplikowane. Klasyczny postmodernista nigdy bowiem nie jest pewny, czy ma ośmieszać daną ideę, czy też traktować ją poważnie. Tymczasem autor *Małego palca Buddy* niewątpliwie wierzy w pewne idee, chociaż głosi je – co stanowi absolutny wyjątek w literaturze rosyjskiej – pozornie się z nich naigrywając. Jako przykład może posłużyć postać

Czapajewa, bohatera prymitywnych i trywialnych anegdot, którym pisarz nadał głębszy, mistyczny sens. *Novum* tego zabiegu polega na tym, że chociaż aprobowane idee głosi postać jawnie parodystyczna, to idee te nic na tym nie tracą. W swoich utworach Pielewin unika, co prawda, patosu moralnego, jednakże w odróżnieniu od innych postmodernistów, są one przepełnione ideologią. Nie oznacza to wszakże, że pisarz korzysta z rozwiązań postmodernistycznych w obcych im celach. Pod jednym względem pozostaje zresztą z postmodernizmem w zgodzie. Nie akceptuje mianowicie pojęcia społeczeństwa i nowoczesnych stylów życia, zwłaszcza tych kojarzonych powszechnie z tzw. udanym życiem. Pielewin nie ogranicza się przy tym do zadań destrukcyjnych. Zburzony przez siebie samego świat zastępuje nowym. Od pierwszych utworów poczynając, konsekwentnie głosi jedną i tę samą ideę, propaguje ortodoksyjną tradycję mahajany (jednego z kierunków buddyzmu). Pozornie banalne historie zawierają typową dla tej religii propedeutykę. Opisane zdarzenia służą dekonstrukcji świata zewnętrznego, obalaniu wszelkich społecznych norm i przesądów – przede wszystkim konkurencyjnych ideologii i dogmatów religijnych. Negacja ta ma *stricte* postmodernistyczny charakter. Ostatecznie jednak pisarz odrzuca postmodernizm z kilku powodów. Po pierwsze, propaguje idee pozytywne, pewną spójną ideologię. Po drugie, akceptacja idei dokonuje się na poziomie treści, co stanowi absolutne zaprzeczenie filozoficznej istoty postmodernizmu. Pielewin dąży do likwidacji wszystkich wewnętrznych Innych, chce stworzyć „suwerenny obszar wewnętrzny”, który dla postmodernistów nie istnieje. Rosjanom, w odróżnieniu od mieszkańców Zachodu wiodącym życie ubogie i dość ponure, wyraźnie brakuje czegoś pozytywnego i pewnego. Nie potrzeba im gry, lecz rozwiązania wielu problemów. Sytuacja ta przypomina starożytny Rzym, gdzie stoicyzm wybierali członkowie arystokracji, masy natomiast chrześcijaństwo. Z podobnych powodów filozofia postmodernistyczna w Rosji musi przybierać formę religii pozytywnej (Kornev, *Stolknovenie pustot*, źródło elektroniczne). Czytelnik utworów Pielewina doskonale zdaje sobie sprawę, co ich autor twierdzi na poważnie, a co stanowi tylko parodię. Dlatego też nie są to teksty *stricte* postmodernistyczne, które nie udzielają żadnych odpowiedzi i pozostawiają czytelnikom dowolność sposobu interpretacji.

W *Małym palcu Buddy* Pielewin podejmuje frapującą pisarzy rosyjskich kwestię charakteru i aktualnego stanu duszy rosyjskiej, przede wszystkim w opisach potencjalnych ślubów alchemicznych dwóch postaci – Po prostu Marii z Zachodem oraz Serdiuka ze Wschodem. W powszechnym przekonaniu dusza rosyjska łączy w sobie pierwiastek męski z kobiecym – u Pielewina o jej kobiecości ma świadczyć historia Po prostu Marii, młodego mężczyzny, któremu wydaje się, że jest kobietą. Zgodnie z opinią Iwana Iljina, chociaż rosyjski mężczyzna wykazuje wiele cech kobiecych, to objawiają się one na „męską modłę”. Zbliżone stanowisko zajmował Nikołaj Bierdiajew, wedle którego: „Великая беда русской

души в [...] женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим чуждым мужем” (Aksûćic, źródło elektroniczne). W powieści Pielewina cechy takie ma Po prostu Maria, która wstępuje w alchemiczne małżeństwo Rosji z Zachodem, uosabianym przez Arnolda Schwarzeneggera. Maria to typowy przedstawiciel pokolenia lat 90., które boleśnie doświadczyło przemian okresu transformacji. Wartości, wpajane ludziom przez dziesięciolecia, nagle przestały istnieć, w ich miejsce nie pojawiły się jednak nowe, pozostała przerażająca pustka. Szybkość przemian, odejście od latami narzucanych społeczeństwu przekonań przy jednoczesnym szerokim dostępie do informacji na ówczesne pokolenie zadziało destrukcyjnie. Chociaż jego przedstawiciele (głównie młodzież) zyskali wolność, to nie potrafili z niej właściwie skorzystać, zabrakło im odpowiednich wzorów postępowania. W rezultacie ideałem dla sporej części Rosjan stał się Zachód, co zdaniem autora *Omon Ra*, stanowi poważne zagrożenie. Dlatego też Po prostu Maria nagle zaczyna dostrzegać dwa, całkowicie odmienne oblicza Schwarzeneggera – pierwsze z nich wykazuje cechy ludzkie, drugie przypomina bezduszną maszynę, okrutnego Terminatora. Twarz Schwarzeneggera odsłania prawdziwy obraz Ameryki, krainy wolności i dostatku, mogącej jednakże w przypadku zagrożenia jej interesów zamienić się w cyborga niszczącego wszelkie przeszkody stojące na jego drodze. Pomijając szczegóły, podobnym fiaskiem kończy się alchemiczne małżeństwo Rosji ze Wschodem (perypetie Serdiuka i Japończyka Kawabaty). Historie Po prostu Marii i Serdiuka należy interpretować jako śmiertelne starcie dwóch wrogich Rosji pustek – pustki Zachodu z pustką Wschodu. Według Pielewina Rosja nie powinna niewolniczo naśladować zachodnich i wschodnich mód kulturowych, lecz starać się zachować swój niepowtarzalny charakter, wynikający z usytuowania na styku Wschodu i Zachodu. Próby modernizacji Rosji na modłę państw zachodnich w przeszłości często kończyły się tragicznie, co potwierdzają takie zdarzenia, jak komunizm wojenny czy terapia szokowa po rozpadzie ZSRR. Jak twierdzi John Gray, terapia ta, inspirowana przez zachodnich ekonomistów i polityków, miał doprowadzić do powstania wolnego rynku, wytworzyła rodzaj zdominowanego przez mafię anarchokapitalizmu. Była próbą modernizacji opartej na zachodniej proveniencji teoriach, mających niewielki związek z historią i sytuacją Rosji (Gray 133). Na trzeci, właściwy wybór, wskazuje postać Wołodina – typowego „nowego Rosjanina”, biznesmena bandyty, uosabiającego „prawdziwą” Rosję i chcącego znaleźć klucz do jej sił duchowych, ukrytych w jej wnętrzu. Kluczem tym w powieści są substancje halucynogenne dające dostęp do wszystkich przyjemności świata. W przypadku Wołodina przyjemność (кайф) oznacza miłość i właśnie tą drogą winna podążać Rosja – kochać wszystko, co samodzielnie zdołała stworzyć. Ma bowiem za sobą wspaniałą historię i kulturę, których nie sposób zastąpić czymś innym. Wobec rozterek i dylematów trapią-

cych jej mieszkańców w okresie po samolikwidacji radzieckiego paradygmatu cywilizacyjnego głos pisarza w *Małym palcu Buddy* zabrzmiał stanowczo, jego światopogląd okazał się w pełni ukształtowany.

We wspomnianej powieści Pielewin porusza ponadto kwestię wpływu ideologii na nieświadomość zbiorową. Pisarz korzysta tu z teorii posthumanizmu, „końca czasu”, „końca historii”, opozycji pluralizmu i monizmu, a punktem wyjścia zachodzących w świecie utworu przemian jest szpital psychiatryczny. Bohaterowie Pielewina chcieliby się dowiedzieć, czym tak naprawdę jest rzeczywistość. Jak zauważa Aleksander Genis, otaczający nas świat z punktu widzenia pisarza stanowi szereg sztucznych konstrukcji, pośród których błądzimy w daremnych poszukiwaniach „pierwotnej”, wyjściowej rzeczywistości. Chociaż żaden z tych światów nie jest prawdziwy, to nie są one też fałszywe, istnieją tak długo, jak długo ktoś w nie wierzy. Każda wersja świata istnieje bowiem w ludzkiej wyobraźni, a rzeczywistość psychiczna (*психическая реальность*) nie zna pojęcia kłamstwa (Skoropanova 504). W *Małym palcu Buddy* funkcjonują więc liczne światy, a człowiek jako całość stanowi wypadkową wielu osobowości. Irina Skoropanova główne postacie powieści uznaje za symulakry, zdekonstruowane cytaty z powieści Dmitrija Furmanowa *Czapajew*, filmu „braci” Wasiljewów i popularnych anegdot, poddane decenracji i hybrydyzacji na zasadzie kontrastu. Ponieważ wszystkie zdarzenia zachodzą w świadomości Piotra Pusto, osoby cierpiącej na schizofrenię – rozdwojenie, a następnie dalszy podział jaźni – to powieść Pielewina badaczka traktuje jako próbę wyjaśnienia (za pomocą schizoanalizy i towarzyszącego jej rozmywania podmiotu, *рассеивание субъекта*) szczegółów transformacji rosyjskiego archetypu narodowego w końcu XX stulecia. Taki sposób interpretacji uzasadnia:

[...] использование ризоморфного образа „прошло-настояще-будущего”, а не конкретно-исторического времени, остранение воссоздаваемых событий вплоть до их шизонизации, преодоление личностно-индивидуального путём размножения „я”. В результате обнажается до-личное, всеобщее, принадлежащее сфере коллективного бессознательного (Skoropanova 435).

Bohaterowie powieści, osobliwe hybrydy-cytaty, to przedstawienia różnych wariantów rosyjskiego archetypu narodowego: Czapajew – idealizmu, z właściwym mu „popędem śmierci”, Wiertyński – równie destrukcyjnego fatalizmu, Pietka – idealizmu/utopizmu prowadzącego do dobrowolnego wydania się na śmierć, Piotr Pusto – strachu przed życiem i wywołanego nim wahania pomiędzy „wołą życia” a „pragnieniem śmierci”. W *Małym palcu Buddy* desakralizacji podlega nie tylko ideologia komunistyczna, ale także ideologia białogwardyjska wraz z wspierającymi ją mitami (Skoropanova 436–437).

Po rozpadzie Związku Radzieckiego w Rosji, pomimo licznych zawirowań, nastąpiły zmiany ekonomiczne, zaczęły działać mechanizmy wolnego rynku, na

znaczeniu zyskały środki masowego przekazu. Do zamkniętego wcześniej świata przenikały zachodnie idee i towary. Mogłoby się wydawać, że świat zmienił się całkowicie, jednak nie wszyscy Rosjanie to zauważyli. Z punktu widzenia głównego bohatera *Generation „P”*, przedstawiciela klasy średniej swego pokolenia, mało co się zmieniło:

Этот мир был очень странным. Внешне он изменился мало – разве что на улицах стало больше нищих, а все вокруг – дома, деревья, скамейки на улицах – вдруг как-то сразу постарело и опустилось. Сказать, что мир стал иным по своей сущности, тоже было нельзя, потому что никакой сущности у него теперь не было. Во всем царила страшноватая неопределенность. Несмотря на это, по улицам неслись потоки „мерседесов” и „тойот”, в которых сидели абсолютно уверенные в себе и происходящем крепыши, и даже была, если верить газетам, какая-то внешняя политика. По телевизору между тем показывали те же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее (Pevlevin 2007: 7–8).

W świecie, w którym najbardziej pożądanym dobrem stały się pieniądze, dalece nie wszyscy okazali się przystosowani do nowej rzeczywistości. Nastąpiło załamanie gospodarki i dezintegracja usług państwowych, co spowodowało spadek standardu życia i pogrążyło część populacji w skrajnej nędzy. Zrujnowana została mniej więcej połowa klasy średniej. W tych warunkach ludzie wykonywali swoją pracę kompulsywnie, a następnie godzinami siedzieli przed telewizorem, oglądając różnego rodzaju programy zastępujące im prawdziwe życie. Przedstawiciele „pokolenia Pepsi” okazali się nad wyraz sentymentalni, nie byli w stanie zapomnieć o przeszłości. Kiedy człowiek nie potrafi wrócić do poprzedniego życia ani znaleźć swojego miejsca w nowym świecie, staje się pasywny, zbędny i zaczyna utożsamiać się z postaciami telewizyjnymi, co pozbawia go samodzielności. W ten sposób telewizja silnie oddziałuje na świadomość ludzi, manipulując psychiką całego społeczeństwa. Według Pielewina jednym z ważniejszych wydarzeń w historii postradzieckiej Rosji był kryzys finansowy w roku 1998. Oznaczał on koniec nie tylko wirtualnej ekonomii, ale wirtualnego życia w ogóle. Choć dni państwa zajmującego się niemal wyłącznie reklamą i sprzedażą nieistniejących produktów były policzone, to pisarz nie oczekiwał, że kryzys ten wpłynie znacząco na poglądy przedstawicieli klasy średniej (Bykov, źródło elektroniczne).

Późniejsza powieść Pielewina *S.N.U.F.F.* jest ostrą satyrą na współczesne społeczeństwo i kulturę masową, będącą źródłem zła w większości jego utworów. Pisarz występuje tu w roli recenzenta aktualnych procesów i tendencji polityczno-ekonomicznych zachodzących zarówno w Rosji, jak i w gospodarce kapitalistycznej w ogóle. Jego krytyka dotyczy najważniejszych etapów istnienia współczesnej Rosji, zwraca on m.in. uwagę na brak idei narodowej i niejasne

kryteria samoidentyfikacji narodu. Jak twierdzi główny bohater *S.N.U.F.F.-a* Demilola Karpow, wskutek różnego rodzaju katastrof społecznych Rosjanie zatracili poczucie moralności:

Но вот что значит быть русским?... Ездить на немецком автомобиле, смотреть азиатское порно, расплачиваться американскими деньгами, верить в еврейского бога, цитировать французских дискурсионеров, гордо дистанцироваться от „воров во власти” – и все время стараться что-нибудь украсть... (Pelevin 2012: 178).

Na brak niezbędnej dla współczesnej Rosji idei narodowej Pielewin zwrócił uwagę już w *Generation „P”*. Bohaterowie tej powieści dochodzą do wniosku, że ideę narodową można po prostu sztucznie wymyślić, co przybiera postać groteskowego zlecenia dla Wawilena Tatarskiego: „Napisz mi rosyjską ideę na jakieś mniej więcej pięć stron. I wersję skróconą na stroniczkę” (Pielewin 184). Tę humorystycznie przedstawioną cechę mentalności rosyjskiej Łukasz Bachora traktuje jako próbę wyparcia i sublimacji „rzeczy przyziemnych i ciemnych” (Bachora 112).

Chociaż akcja *S.N.U.F.F.-a* rozgrywa się w odległej przyszłości, tak naprawdę opisuje czasy współczesne – jej autor ekstrapoluje niepokojące procesy dokonujące się w Rosji i na Zachodzie na najbliższą przyszłość, eksponując te cechy rozwiniętych społeczeństw, które przyczyniają się do ich degeneracji i upadku. Dokonana przez Pielewina demaskacja naszej rzeczywistości wydaje się sporo zawdzięczać pracy francuskiego kulturologa Jeana Baudrillarda zatytułowanej *Wojny w Zatoce nie było* (1991). Z drugiej strony powieść stanowi swego rodzaju odpowiedź na dylogię Władimira Sorokina (*Dzień oprycznika*, 2006, i *Cukrowy Kreml*, 2008), zawierającą krytyczną ocenę Putinowskiej Rosji. Nawiązując do gatunku antyutopii i fantasy, Pielewin ukazuje obecne położenie Rosji, jej wątpliwej jakości elity polityczne, których rządy zamieniają się w teatr i bufonadę. Pisarz ostrzega przed powszechną infantyлизacją, patologiczną symbiozą mediów i polityki, proponujących trywialnie uproszczoną wizję świata, przekazywaną przez prasę, radio, telewizję i Internet żadne sensacje i rozrywki.

Opisany przez Pielewina świat wskutek długotrwałych wojen podzielony został na dwa państwa – prymitywną, zamieszkaną przez zacofanych i zastraszonych orków Urkainę i wysoko rozwinięte, zawieszony nad nią w postaci ogromnych rozmiarów sztucznego satelity Bizantium (Big Biz). Big Biz zamieszkują „prawdziwi” ludzie, korzystający z wszelkiego rodzaju technicznych udogodnień i dobrodziejstw panującej tu „demokracji liberatywnej”³, będącej tak naprawdę

³ Najprawdopodobniej jest to aluzja do demokracji deliberatywnej, terminu wprowadzonego przez Josepha Bessette’a i oznaczającego koncepcję polityczną zmierzającą do podniesienia jakości demokracji nie tyle poprzez rozbudowę uczestnictwa politycznego, ile dzięki ulepszeniu jego

okrutnym reżimem, który ustanowił w Bizantium „rytualny” system dwupartyjny. Oficjalnym ustrojem państwa jest demokracja, w której wszystkich obowiązuje poprawność polityczna. Prawo zabraniające „wypowiedzi sięjących nienawiść” nieodparcie kojarzy się z ustanowionym w Putinowskiej Rosji prawem o ekstremizmie i szerzeniu waśni narodowych. Gdy niezadowolenie społeczne zaczyna niebezpiecznie narastać, dla odwrócenia uwagi organizuje się bombardowanie i filmowanie odpowiednich celów.

Stojący na czele Bizantium prezydent (połączenie słów *президент* i *президать*) wybierany jest na okres sześciu lat spośród Rudych i Białych. Mimo wysoko rozwiniętej cywilizacji technicznej mieszkańcy Big Biza są prymitywni i nie interesują się kulturą. Przebywają tu też nieuczciwie wzbogaceni mieszkańcy Urkainy, określane mianem „globalnych urków”. Ich wymarzone miejsce pobytu jest Londyn, czyli specjalnie wydzielone miejsce dla „popleczników i pacholców Big Biza”. W Bizantium tradycyjne pojęcia moralności i sprawiedliwości zastąpiła wszechobecna poprawność polityczna oraz fałszywa tolerancja. Jeden z krytyków trafnie nazywa ten świat „cywilizacją bastardów”, a stosunki panujące w Urkaganacie porównuje z moralnym upadkiem czasów postradzieckich (Mehti Ali, źródło elektroniczne). Z perspektywy Big Biza konflikty z orkami są starciem dobrej demokracji z okrutnym systemem totalitarnym, dyktaturą. Gospodarka Urkainy podporządkowana jest hasłu: „догнать и перегнать БИГ БИЗ по главным фондовым индексам”. Mimo to rządzący państwem wiertuchaje (miejscowi bogacze) nieustannie marzą o emigracji do Bizantium. Dzieje ich państwa składają się z kolejnych teatralizowanych wojen, inspirowanych przez znudzonych mieszkańców Big Biza dla pieniędzy i rozrywki. Podobnie jak w naszej rzeczywistości, rządzącym potrzebny jest wróg, który legitymizowałby ich władzę. W *S.N.U.F.F.*-ie w roli wrogów występują orki. Stanowi to niewątpliwą aluzję do obserwowanej w realnym świecie wszechwładzy środków masowego przekazu, kreujących konflikty, a następnie z zyskiem je relacjonujących. Ważniejsze od zwycięstwa wydaje się jednak nakręcenie kolejnej porcji snuffów. Pozornie nierówne starcia Bizantium z orkami nigdy nie kończą się bowiem ostatecznym zwycięstwem. Ofszar nie jest zainteresowany unicestwieniem przeciwnika, które uniemożliwiłoby przyszłe wojny. Pisarz stawia w utworze trafną diagnozę zachodzących w świecie procesów, ostrzega, że w niezbyt odległej przyszłości ludzkość może podzielić się na dwa zupełnie różne światy. Wygrani żyć będą w przypominających Big Biz latających wyspach, gdzie będą mogli korzystać z wszelkich dobrodziejstw cywilizacji, nie wchodząc w bezpośredni kontakt z gorszym światem. Pod nimi

charakteru i form. Demokracja deliberatywna postuluje zapobieganie wynaturzeniom na drodze świadomej debaty, publicznego rozumowania oraz bezstronnego dążenia do prawdy. Ceni się w niej preferencje dojrzałe i miarodajne.

egzystować będzie społeczność składająca się z ubogich i przegranych podludzi, poddawanych stałej obserwacji i kontroli, których bezkarnie będzie można zabijać w urządzanych od czasu do czasu konfliktach (Krikunov, źródło elektroniczne).

W *S.N.U.F.F.*-ie zawartych jest także sporo aluzji odnoszących się bezpośrednio do procesów dziejących w ojczyźnie Pielewina. Panujące w Orklandii zwyczajnie pod wieloma względami przypominają współczesną Rosję. Jeden z mieszkańców Urkaganatu, Żłyg, przywołuje historię „legendarnej rury”, którą jeszcze za pierwszych Prosrów (miejscowej dynastii) odpowiedzialny za transport gazu wiertuchaj pociął na części, sprzedał, a następnie zbiegł do Londynu, gdzie dzięki uzyskanym środkom zaczął nowe życie. „Globalni urkowie” ewokują z kolei tzw. *global Russians* – nową elitę społeczną, o przynależności do której nie decyduje wyłącznie majątek. „Globalnych Rosjan” nie należy więc utożsamiać z „nowymi”. Jak twierdzi Władimir Jakowlew, grupa ta nie zdołała jeszcze dokonać samoidentyfikacji, podlega ciągłej ewolucji i stoi przed wyborem wartości. „Globalni Rosjanie” czują się swobodnie zarówno w Rosji, jak i na Zachodzie, zachowując przy tym cechy typowe dla człowieka radzieckiego i nigdy nie stają się obcokrajowcami (Âkovlev, źródło elektroniczne).

Na patologiczny charakter współczesnych społeczeństw wskazuje sam tytuł powieści, oznaczający szczególnie rodzaj filmów krótkometrażowych, rejestrujących autentyczne morderstwa poprzedzone torturami. Snuff to osobliwe połączenie wiadomości z filmem fabularnym, będące podstawą funkcjonującego w Bizantium medialno-totalitarnego systemu – jego istnienie wymaga nieustannego kreowania okrutnej rzeczywistości, rejestrowanej z pornograficzną wręcz dokładnością. Pierwsza część snuffu poświęcona jest konfliktowi, druga natomiast seksowi. Kamery rejestrujące zdarzenia jednocześnie filmują i zabijają. Opisane w utworze kolejne starcie ludzi z orkami przypomina dzisiejsze wojny toczone przez Zachód z państwami uznawanymi za upadłe czy też rządzone przez zbrodnicze reżimy (Irak, Afganistan, Libia, Somalia, Syria). Również w nich w starciu z „prymitywnymi tubylcami” władze korzystają z nowoczesnej broni i urządzeń, aby do minimum ograniczyć straty własne oraz przeciwnika, chociaż te ostatnie liczą się wyłącznie ze względu na światową opinię publiczną. Stosowane w tego rodzaju konfliktach bezałogowe aparaty latające (drony), inteligentne pociski i systemy naprowadzania nieodparcie kojarzą się z opisanymi w *S.N.U.F.F.*-ie kamerami bojowymi. Zaprezentowana przez Pielewina przyszłość jest już teraźniejszością, a wydarzenia – dzięki telewizji i Internetowi – toczą się na oczach obserwatorów. Współczesne wojny coraz częściej służą nie tylko celom militarnym, nie są już zwykłym przedłużeniem polityki, lecz dochodowym biznesem i źródłem rozrywki. Powieść ukazuje zatem nie tyle czarną wizję przyszłości, ile współczesność, świat, w którym Zachód (Rosja) co jakiś czas toczy kolejną wojnę z prymitywnymi, okrutnymi orkami.

Pod płaszczykiem krytyki ideologii panującej w Bizantium i tutejszej cywilizacji, która odrzuciła wszelką uczciwość i zasady moralne, koncentrując się na rozwoju technicznym służącym wyłącznie przyjemności i zachowaniu władzy, Pielewin bezpośrednio odnosi się do realiów współczesnej Rosji i społeczeństw zachodnich. Istnieje niebezpieczeństwo, że także naszej cywilizacji w najbliższej przyszłości może grozić podobna zagłada. Swój niepokój pisarz wyraża także w powieści *Batman Apollo* (*Бэтман Аполло*, 2013), w której krytyce poddane zostają narzucane rosyjskiemu społeczeństwu symulakry w rodzaju „amerykańskiego marzenia” czy też sięgający swymi korzeniami lat 60. XX wieku skrajny indywidualizm:

Великий Вампир обманом заставляет тебя поверить в собственное „я”, потом ты всю жизнь вкалываешь на его фабрике, думая, что это твоя собственная фабрика – а когда приходится помирать, выясняется, что все эти „я” никогда не были тобой (Pelewin 2013: 96).

Ten pobieżny przegląd twórczości Pielewina w sposób uzasadniony pozwala zaliczyć go do twórców zaangażowanych w sprawy społeczne i zaniepokojonych złym stanem kultury rosyjskiej – w jego ocenie bliskiej śmierci klinicznej. Uwagę pisarza przyciągają najbardziej negatywne, bulwersujące zjawiska otaczającego nas świata, które poddawane są krytycznemu oglądowi z wykorzystaniem satyry, ironii i sarkazmu. Ma on niebanalny zmysł obserwacji i umiejętność obnażania absurdów zarówno rzeczywistości radzieckiej, jak i postradzieckiej. Autor *Generation „P”* stawia trafne diagnozy czasom współczesnym, umiejętnie łączy popkulturę z mitologią, filozofią i satyrą polityczną. Zdaniem Iriny Skoropanowej:

проза [Pielewina – А.Р.] в целом строится как развёрнутая проповедь об отсутствии универсальных истин и об истинности иллюзий, как религиозно-философская утопия пустоты, как идеальная модель обретения свободы, которую невозможно воспроизвести, так как эта модель сугубо индивидуальна (Skoropanova 510).

Z kolei Siergiej Korniew nazywa Pielewina ideologiem najwyższej klasy, w dziedzinie prania mózgów wyraźnie przewyższającym pozostałych pisarzy rosyjskich – większość z nich do swych racji mogłaby, co najwyżej, przekonać już przekonanych (Kornev, *Stolknovenie pustot*, źródło elektroniczne). W opinii Aleksandra Genisa utwory pisarza zawierają czytelne przesłanie, stanowią wyznanie wiary, do której Pielewin pragnie nakłonić swoich czytelników. Chociaż tak często mówi się o bezideowości przedstawicieli nowej fali, to autora *Malego palca Buddy* cechuje skłonność do prozelityzmu i dydaktyki. Ogół jego twórczości dotyczy powszechnego dla współczesnej kultury zjawiska zanikania rzeczywistości (Genis, źródło elektroniczne). Utwory pisarza wyróżnia aktualność wobec spraw

pozaliterackich. Porusza on zagadnienia o charakterze ogólnoludzkim, uniwersalnym, protestując jednocześnie przeciwko wszelkim normom ideologicznym, kategoriom społecznym, standaryzującym modom i stereotypom zniewalającym człowieka, przeciwko wszelkim sposobom manipulowania ludzką świadomością. Jego krytycyzm nieustannie wywołuje niezadowolenie zarówno środowisk prozachodnich, jak i tradycjonalistów. Pierwsi zarzucają mu nadmiernie sceptyczne podejście do zachodniego modelu życia, który pisarz kojarzy z pustką duchową i nadmierną konsumpcją. Tradycjonalistom i patriotom nie podoba się z kolei jego ironiczny stosunek do realiów społecznych, polemika z rosyjskimi świętościami i próby ich dyskredytacji. Niezadowolenie to świadczy jednak na korzyść Pielewina, potwierdza trafność i aktualność krytycznych ocen i komentarzy zawartych w jego utworach.

Bibliografia

- Ákovlev, Vladimir. „*Snob*” – èto ne ślâgernaâ žurnalistika. Web. 13.11.2012. <http://www.telekritika.ua/daidzhest/2008-10-31/41662>.
- Aksûćic, Viktor. *Russkij harakter. Stat'â 10: o mužskom i ženskom*. Web. 16.07.2021. <http://www.pravoslavie.ru/1101.html>.
- Bachora, Łukasz. „Czapajew w krainie archetypów (psychologia Junga we wczesnych powieściach Wiktora Pielewina)”. *Przegląd Rusycystyczny*, 1 (173), 2021, s. 100–115.
- Bondarenko, Valerij. *Pobedil li Viktor Pelevin?*. Web. 10.08.2021. http://www.library.ru/2/liki/sections.php?a_uid=119.
- Bykov, Dmitrij. *Tri Pelevina +1*. Web. 05.06.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/2286626>.
- Genis, Aleksandr. *Fenomen Pelevina*. Web. 11.07.2021. <https://www.svoboda.org/a/24200556.html>.
- Gray, John. *Falszywy świt*. Przeł. Mateusz Kotowski. Wrocław, Wydawnictwo „Wektory”, 2014.
- Gurin, Sergej. *Pelevin meźdu buddizmom i hristianstvom*. Web. 21.11.2012. <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
- Ivanova, Natal'â. „Somnitel'noe udovol'stvie. Izbiratel'nyj vzglâd na prozu 2003 goda”, *Znamâ*, 1, 2004. Web. 08.08.2012. <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/ivan12-pr.html>.
- Kornev, Sergej. *Blûstiteli dihotomij. Kto i počemu ne lûbit u nas Pelevina*. Web. 21.07.2021. <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn1/1.html>.
- Kornev, Sergej. *Stolknovenie pustot: moźet li postmodernizm byt' russkim i klassičeskim? Ob odnoj avantûre Viktora Pelevina*. Web. 14.07.2021. <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html>.
- Krikunov, Andrej. *Ukraina buduśego*. Web. 12.11.2012. <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/rakurs/78050>.
- Mehti, Ali. *Bêtmana ubili*. Web. 10.09.2013. <http://tamganet.com/index.php/literature/17-2012-04-02-17-14-17>.
- Pańkowska, Ewa. *Powieści Wiktora Pielewina. Kontekst postmodernistyczny. Interpretacje*. Białystok, Wydawnictwo Prymat, 2016.
- Pavlov, Maksim. „Generation «P» ili «P» forever?”. *Znamâ*, 12, 1999. Web. 11.04.2022. <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/12/viktor-pelevin-generation-p-2.html>.
- Pelevin, Viktor. *Bêtman Apollo*. Moskva, Eksmo, 2013.

Pelevin, Viktor. *Generation „P”*. Moskva, Vagrius, 1999.

Pelevin, Viktor. *S.N.U.F.F.* Moskva, Eksmo, 2011.

Pielewin, Wiktor. *Generation „P”*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa, Wydawnictwo W.A.B., 2002.

Polotovskij, Sergej, Roman Kozak. *Pelevin i pokolenie pustoty*. Moskva, Mann, Ivanov i Ferber, 2012.

Skoropanowa, Irina. *Ruskaâ postmodernistskaâ literatura*. Moskva, Flinta-Nauka, 2005.

Teterin, Viktor. *Ësse o romane V. Pelevina „Empire V”*. Web. 12.09.2021. http://samlib.ru/t/teterin_w/vampir.shtml.

JOANNA RADOSZ

Осуществление юнгианской идеи русских как интуитивных интровертов в современной литературной фантастике

Implementation of the Jungian concept of Russian people
as intuitive introverts in the contemporary speculative fiction

Abstract. The paper aims at investigating the demonstration of Russian intuition in the contemporary Russian speculative fiction. The research thesis is that the Russians, both presented in literature and within the frames of the national character studies, manifest themselves as the intuitive introvert type according to Carl Gustav Jung's classification. For validating the thesis, as far as the proposed literary works are concerned, one should use the instruments offered by cultural literary criticism along with the support of non-literary disciplines, such as intercultural communication and ethnop-
sychology. Moreover, one should consider also notes on Russian national character taken by Jung himself as well as studies on the sociocultural aspect of the analysed works. A wide range of methods and perspectives allows deep research of the "feeling – intuitive" Jungian scale as manifested within literary characters representing the Russian element (also called Russianness) in the selected works, which belong to the most significant and/or popular pieces of contemporary speculative fiction in Russia.

Keywords: Russian national character, depth psychology, Russian speculative fiction, contemporary Russian literature, cultural literary criticism

Joanna Radosz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, joanna.krystyna@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6626-981X>

Юнгианская идея типов личности сегодня используется не только в психологии, но и в литературоведении – для категоризации как литературных персонажей, так и доминирующих типов восприятия в повествовании. Данная классификация, однако, согласно самому ее автору, должна соответствовать разделению не только личностей, но и целых народов, в том числе и русской нации (причем этим термином обозначается здесь этническая категория, в противоположность определению „россияне”), что позволяет отнести ее также к этнопсихологическим исследованиям.

В настоящей статье мы ставим себе задачу проследить проявления интуитивной интроверсии как коллективной установки в избранных произведениях современной русской жанровой фантастики. Этот выбор обусловлен высокой популярностью жанра и тягой фантастических произведений к массовой литературе, которая первой отзывается на изменения в социокультурной обстановке нации (Černák 46). Также выработанная за время советского режима способность авторов литературной фантастики к использованию эзопова языка выполняет существенную роль в процессе кодировки коллективных психологических смыслов в литературных текстах. Поскольку целью статьи является не доказательство преобладания интуитивно-интровертного типа в современной русской фантастике, а изучение природы осуществления данного концепта в отдельно взятых произведениях, мы решили остановиться на тщательном анализе нескольких романов знаковых имен жанра. В качестве дополнительного условия выступило присутствие России в повествовательных мирах избранных произведений, либо представленной буквально, либо условной. Итак, исследовательский материал составили следующие тексты, опубликованные после 1991 года и распада СССР: *Гравилет „Цесаревич“* (1993) Вячеслава Рыбакова, *Ночной дозор* (1997) Сергея Лукьяненко, *Выбраковка* (1999) Олега Дивова, *Лужайки, где пляшут скворечники* (2000) Владислава Крапивина и *Метро 2033* (2005) Дмитрия Глуховского.

Исследование стоит начать с объяснения избранного подхода. Итак, в своей работе *Психологические типы* (1-е изд. 1921) Юнг представляет две психологические установки: ориентированную на объект экстраверсию и направленную вовнутрь субъекта интроверсию – и придает каждой четыре возможные доминантные функции: рациональные мышление или чувство, иррациональные ощущение или интуицию. Для ясности вывода мы сосредоточимся исключительно на описании интуитивного интроверта. Юнг замечает: „[интровертное чувство] самопроизвольно, существует потому, что возникает из себя самого, оно коренится в глубинах человеческой природы, оно, как своя собственная цель, рождается как бы из себя самого; оно не хочет служить какой-нибудь иной цели и не отдается ей; оно довольствуется тем, что осуществляет себя само” (Jung 100). Обращение вовнутрь самого себя получает особый оттенок, если оно связано с интуитивным познанием, которое ученый представляет в противопоставлении к ощущению (опирающемуся на внешний опыт): „[...] интровертная интуиция воспринимает все, что происходит на дальних планах сознания, приблизительно с такою же ясностью, с какой экстравертное ощущение воспринимает внешние объекты” (Jung 214). Таким образом, интуитивный тип получает знания от собственных впечатлений, воспоминаний и представлений.

В дальнейших исследованиях Юнг приходит к выводу, что представленная им классификация относится не только к личностям, но и к коллективным установкам, названным позже модальной личностью. Она же является, согласно Эдмунду Левандовскому, категорией, включающей самое большое число взрослых членов данной общности; она вмещает в себя совокупность взглядов, ценностей и убеждений, разделяемых большинством данного общества; она функционирует как психологический аспект национальной культуры и как таковая выражается в текстах той же культуры (Lewandowski 17–18). На идею модальной личности опирается этнопсихологическая конструкция, называемая национальным характером – совокупность черт, присущих большинству взрослых представителей данной нации и влияющая на их индивидуальную психическую установку.

Многочисленные встречи Юнга с выходцами из России позволили ему сделать выводы относительно установки модальной личности русского. Наблюдения ученого подтверждаются сегодня исследованиями специалистов в области национального характера русских, таких как Владимир Михайлович Соловьев или Алла Сергеева. Соловьев указывает на интуитивную природу „всей русской цивилизации” (Solov'ev 18). Сергеева же ключевыми в данном контексте называет характерные для русского менталитета понятия „души” (указывающее на обращение внутрь субъекта) и „правды” (в отличие от „истины”, являющейся аксиологически релятивной, субъективным оттенком правдивого) (Sergeeva 216–217). Также исследовательница обращает внимание на высококонтекстный характер русской культуры как указатель интуитивной функции.

Первой отличительной чертой интуитивного интроверта выступает, согласно Юнгу, влечение к внутренним образам без интереса к внешним причинам их возникновения, наряду с непоследовательностью в данной вовлеченности: „Подобно тому как экстравертный интуитив постоянно чувствует новые возможности и идет по их следу [...] так интровертный переходит от образа к образу, гоняясь за всеми возможностями, заключенными в творческом лоне бессознательного, и не устанавливая связи между явлением и собою” (Jung 214). В русской установке эта черта может приобрести вид желаний невозможного и, как интерпретирует Мариан Здзеховский, тоски не по исправлению действительности, но по ее переделыванию (Zdziechowski 154). Само по себе понятие тоски с семантической точки зрения непереводаемо на языки этносов, не разделяющих коллективной интуитивной функции, ибо оно содержит компонент скучания по тому, что могло и никогда не существовать (Ožegov 1052).

Такова природа тоски по несуществующей империи. Вследствие данного чувства возникает в русской литературной фантастике течение, называе-

мое альтернативной историей. В данной статье оно представлено романом Рыбакова *Гравилет „Цесаревич”* и отчасти *Выбраковкой* Дивова, так как, несмотря на обращение к будущему, оба они относятся к имперской мечте о сильной России. Поместив своих героев в мире, управляемом разумом и логическими взаимосвязями, оба автора создают впечатление внутреннего парадокса: на уровне содержания их тексты изобилуют мыслительной функцией, и в то время как в структурном пласте они напрямую выражают коллективную тоску по переделанной, несуществующей и, по сути, невозможной действительности. Она относится либо, как в случае с *Гравилетом...*, к альтернативной модели мира, более гуманной и опирающейся на уважение к взаимному интересу разных стран и фракций, либо к одновременно утопической и дистопической действительности, в которой возможно совершенное искоренение преступности, как это показано в романе *Выбраковка*. В обоих произведениях замечаются отрицательные стороны данной конструкции мира, и тем не менее оба предложенных мира лучше российской действительности 90-х годов XX века, в которой внешняя свобода была равнозначна внутреннему хаосу и чувству опасности. Представляя триумф разума и „профессионального чутья” вместо „исконно русских” предчувствий, триумф мира, отошедшего от „бесполезной”, с точки зрения экстраверта, интуитивной интроверсии (Jung 216), авторы в то же время своим творчеством выражают интуитивно-интровертические искания, создавая свои миры на основании внутренних и коллективных суждений об осуществлении идеи „всеобщего блага”. Данная тенденция с особой силой намечается в произведении Дивова, которое критиками читается либо как апология тоталитарного режима, отобравшего у граждан свободу мышления взамен за обещание безопасной жизни, либо как игра с ожиданиями читателей и, по сути, многих русских последнего десятилетия двадцатого века.

Ольга Славникова в статье *Я люблю тебя, империя*, называет подход Дивова „считыванием коллективных подсознательных образов” и утверждает: „В романе [...] автор уже поместил для читателя кусочек сыру. И хотя читатель понимает, что перед ним система мышеловок, все равно с готовностью идет в роман – просто потому, что в качестве сыра ему предложена справедливость” (Slavnikova). В своем произведении Дивов взаимодействует с подсознательными коллективными желаниями русских людей на постсоветском пространстве, обращаясь к внутреннему резервуару идей, обеспеченному коллективным мышлением, что и является одним из признаков интуитивной функции.

Таким же образом Рыбаков моделирует альтернативную историческую реальность. Упорядоченный мир *Гравилета...*, в котором большинство событий предсказуемо, а мир обусловлен логикой (приносит больше пользы,

чем война), отсылает к таким категориям русского национального характера, как уход от неопределенности и так называемый „судейский комплекс”. Последний проявляется в отчаянном стремлении к объективной истине (Kasanova XIII). Опирающийся на рациональное начало повествовательный мир, являющийся ответом на указанные подсознательные желания модальной русской личности, проявляет в своей структуре большую привязанность к живописным сценам, относящимся к импрессиям и скорее обращенным к чистому восприятию читателя, чем к его знаниям. Ибо внутренний мир персонажей организуют их впечатления и воспоминания, в зависимости от нужд внешней организации действия.

Таким образом, романы Рыбакова и Дивова связаны с интуитивно-интровертной установкой по признаку происхождения исходного материала и включения в произведения коллективных желаний русской модальной личности последнего десятилетия XX века. Тем не менее в романе *Гравилет „Цесаревич”* намечается сильная связь внутреннего мира персонажей с признаками юнгианской интуитивной установки: внимательность к воспоминаниям, импрессиям, сиюминутным впечатлениям, которые субъект относит к настоящему и собственным действиям в мире. Рассмотрим пример: пребывающему в больнице протагонисту, Александру, голос напевающей молитву жены напоминает сцену из его детства, когда он увидел гусенка, желающего взлететь, но слишком слабого для того. „Ни единому существу в целом свете не дано желать сильнее, чем этот гусь желал улететь с ужасного места [...] И он не мог. Даже так страстно желая – не мог. Тогда я понял. У всех так. И у человека” (Рыбаков 162–163). Воспоминание, не связанное прямо с настоящей ситуацией, не просто вызывается впечатлением от голоса молящейся жены (при полном игнорировании слов и смысла молитвы). Оно также ведет к важным выводам и в дальнейшем помогает Александру разгадать тайну преступления, легшего в основу романа.

Подобных заметок не хватает в романе *Выбраковка*, интуитивно-интровертный пласт которого ограничивается тесной связью с массовыми ожиданиями граждан РФ первого постсоветского десятилетия. По-другому тоска по невозможному представлена в произведении Крапивина *Лужайки, где пляшут скворечники*. Используя в качестве протагониста молодого человека, отмеченного психической травмой военного опыта, автор изображает разделение жизни героя Артема между материальным миром и фантастической реальностью, в которой персонаж способен сохранить детскую невинность. Последовательно создаваемый в качестве интроверта, герой интуитивно раскрывает для себя новый мир и так же интуитивно существует в нем. Его гидами становятся дети, для которых, ввиду нехватки опыта и знаний, интуиция представляет самый надежный источник

восприятия мира. Фантастический мир, в котором Артем находит забытье, не поддается рационализации и логическому восприятию: его невозможно нанести на карту, также в нем обитают невозможные звери. „Рыжих зайцев не бывает” (Krapivin 19), – объясняет, например, сам себе герой, увидев рыжего зайца, однако вскоре понимает, что опыт и знания в мире детей бесполезны. Опираясь на собственное чутье, он в состоянии заново стать ребенком, который понимается как некий метафизический конструкт, лишенный возрастной категории, ибо, как подчеркивает Лариса Савина относительно Крапивинского творчества, „помня о хрупкой природе Вселенной, подростки, в отличие от взрослых, проявляют истинную мудрость, подчиняясь не столько голосу разума, сколько движениям сердца” (Savina 189). Эти „движения сердца”, не обусловленные никакой внешней логикой, руководят поступками героев: ребенка Кея и взрослого Артема, и всегда приводят их к защите беззащитных. Таким образом, интуиция в романе Крапивина выполняет этическую функцию, противопоставляется „жестокости, неживому рационализму” взрослых, вследствие чего интуитивность оценивается как высшее достоинство.

Сближение детского или подросткового восприятия с интуитивной установкой и соответственно с интровертным подходом появляется также в романе Дмитрия Глуховского *Метро 2033*. Центральный персонаж Артем последовательно конструируется в качестве наивного молодого человека, оставшегося в душе ребенком – несамостоятельным, нуждающимся во внешних подсказках и одновременно исполненным интуиции, помогающей ему принимать *правильные* решения, причем под правильностью понимается положительная нравственная оценка. Ориентиром протагониста в его блужданиях по туннелям метро являются сны, галлюцинации, а также таинственный „голос туннеля”, в который Артем как единственный житель метро способен вслушиваться:

[Он понял], что ему мешает думать постепенно нарастающий странный шум, доносящийся из лежащего впереди туннеля. Шум этот, почти неуловимый вначале, находящийся где-то на зыбкой границе слышимого и ультразвука, медленно и совсем незаметно креп, так что невозможно было определить момент, когда Артем начал слышать его.

[...]

– Ты ничего не слышишь? – с недоумением спросил Артем, и что-то в его голосе заставило Женьку перемениться в лице (Gluhovskij 63).

Указанные элементы, функционирующие на уровне повествования в качестве признаков избранности, непосредственно указывают на интровертно-интуитивный характер восприятия мира Артемом. Принимая очередные решения, герой вслушивается в собственные впечатления, а также

в голос подсознания, отсылающий к коллективному бессознательному еще со времен Артемова детства, то есть докатастрофической эпохи. Тем не менее интуитивное чутье интерферирует с общественными ожиданиями, что в итоге приводит к очередной катастрофе: уничтожению мутантов – Черных, способных помочь людям восстановить жизнь на поверхности. В эпилогическом по отношению к *Метро 2033* рассказе *Евангелие от Артема* Глуховский передает голос своему главному герою, который самокритически признает предательство, совершенное перед внутренним голосом, и его плачевные последствия.

Стоит помнить также и о том, что постапокалиптический жанр фантастики обусловлен мифологической подоплекой. Этот факт напрямую отсылает как читателей, так и исследователей к поискам истинного, глубинного смысла повествования скорее в фонах коллективного бессознательного, чем собственно в действии. Повествовательный мир романа отходит от классической научной фантастики и базирования на научных фактах в сторону воссоздания сказочного настроения и притчевого характера повествования об избраннике. Данная трактовка подтверждается уже самими рассуждениями Юнга: „Когда интровертная интуиция достигает примата, то ее своеобразные черты тоже создают своеобразный тип человека, а именно мистика-мечтателя и провидца, с одной стороны, фантазера и художника – с другой” (Jung 214). Нетрудно в указанном описании найти черты протагониста *Метро 2033*, а также настроения, преобладающие в романе. К тому же глубокая связь романа с Кэмбелловской идеей пути героя еще в большей степени подчеркивает существенность интуитивной установки.

Интровертно-интуитивная установка преобладает также в конструкции протагониста романа *Ночной дозор*. Антон Городецкий является магом в мире, в котором магия происходит от суммы интуитивного познания и опыта, полученного в ходе обучения. Согласно доминирующему как в российской, так и в западной современной фантастике подходу, магия понимается как прирожденное искусство, развитие которого требует усилий и зависит в большей степени от труда личности, чем от естественного таланта. Лукьяненко тем не менее оставляет своему протагонисту возможность превзойти собственные прирожденные возможности путем глубокого обращения внутрь самого себя. Изначально маг среднего уровня, Городецкий улучшает собственные способности благодаря отходу от профессиональной инструкции и доверия своей интуиции во время сложной операции. Вынужденный опираться на впечатлениях и подсказках подсознательного, Городецкий способен спасти некую Светлану от проклятия, питающегося ее отрицательными эмоциями, что и приводит к желаемому результату. Таким образом, герой резюмирует: „Я воспользовался способностями Иного, чтобы войти в чужой

дом, влез в чужую память, чтобы продлить свое пребывание там... а теперь просто плыву по течению” (Luk’ânenko 104).

Стоит, однако, учесть, что Городецкий даже в фантастическом мире считается исключением, ибо он поступает вопреки разработанным процедурам (Luk’ânenko 15). Данный факт приводит нас к сомнению в общем характере интуитивного познания в структуре лукьяненковского романа, но именно это и сближает его с повествованием Глуховского.

Во всех исследуемых романах внимание привлекает тот факт, что тип интуитивного интроверта, несмотря на то, является ли им главный герой, или нет, не считается преобладающим в повествовательном мире. Он либо связан с определенной группой персонажей (избранниками в текстах Глуховского и Лукьяненко, детьми в романе Крапивина), либо вообще отсутствует как неэффективный для новой реальности. Распространенность данной концепции может, при расширенном исследовании, оказаться доказательством изменений в парадигме, которые правильно считываются авторами фантастики. Однако она может также вписываться в тот факт, что современная русская фантастика *en masse* заимствует западные концепции, ввиду отсутствия выработанных собственных схем для других субжанров, чем научная фантастика, и анахроничным образом уже разработанных. Таким образом проник в российскую фантастику мотив избранника как персонажа исключительного относительно своей интуиции. Образцы оказываются сильнее коллективной установки.

Другой важный вывод сводится к тому, что интуитивно-интровертная установка все-таки существует в анализируемых произведениях, однако в основном скорее как элемент вдохновения авторов и концепт, являющийся отправной точкой того или иного текста, нежели непосредственно в повествовательном мире. Коллективная установка русской модальной личности в условиях свободного рынка книги стала одним из компонентов, способствующих созданию книги успешной, то есть соответствующей общественной потребности. Тем не менее, разновидность использования данной установки в отдельно взятых произведениях наводит мысль о том, что ее конечный облик либо напрямую зависит от художественного концепта, либо лежит в его основе, как в случае *Выбраковки* Дивова.

Библиография

- Černák, Mariâ. *Massovaâ literatura XX veka*. Moskva, Flinta, 2013.
Divov, Oleg. *Vybrakovka*. Moskva, Èksmo, 2016.
Gluhovskij, Dmitrij. *Metro 2033*. Moskva, AST, 2017.
Jung, Karl. *Psihologiĉeskie tipy*. Per. Sofii Lorie. Minsk, Harvest, 2018.

- Kasânova, Kseniâ. *O russkom nacional'nom haraktere*. 1993. Web. 11.09.2018. <http://www.etnosy.ru/node/502>.
- Krapivin, Vladislav. *Lužajki, gde plâšut skvorečniki*. Moskva, Izdatel'skij Dom Mešerâkova, 2017.
- Lewandowski, Edmund. *Charakter narodowy Polaków i innych*. Warszawa, Muza, 2008.
- Luk'ânenko, Sergej. *Nočnoj dozor*. Moskva, AST, 2017.
- Ožegov, Sergej. *Slovar' ruskogo âzyka*. Moskva, Izdatel'stvo Oniks, 2008.
- Rybakov, Vâčeslav. *Gravilet „Cesarevič”*. Moskva, È, 2018.
- Savina, Larisa. „Tema «Deti i vojna» v proizvedeniâh sovremennoj fantastiki”. *Izvestiâ Volgo-gradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 3, 2015, s. 186–190.
- Sergeeva, Alla. *Russkie: stereotipy povedeniâ, tradicii, mental'nost'*. Moskva, Flinta, 2012.
- Slavnikova, Ol'ga. *Â lûblû tebâ, imperiâ*. Web. 20.08.2019. <http://znamlit.ru/publication.php?id=1308>.
- Solov'ev, Vladimir. *Tajny rusской duši. Voprosy – otvety – versii*. Moskva, Russkij âzyk. Kursy, 2001.
- Zdziechowski, Marian. „Wpływy rosyjskie na duszę polską”. *Dusza polska i rosyjska (Od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Solženicyna)*. Red. Andrzej de Lazari. Warszawa, PISM, 2004, s. 151–176.

OLGA SIEMOŃSKA

Weneckie miejsca wyobraźni. *Fondamenta degli Incurabili* – próba interpretacji

Venetian places of imagination.
Fondamenta degli Incurabili – an attempt at interpretation

Abstract. The purpose of this article is to reflect on the phenomenon of travel to the places in Venice associated with the Russian poet Iosif Brodsky and the way in which the *Fondamenta degli Incurabili*, a place of imagination that is the title of the Russian and Italian-language translation of the essay *Watermark*, functions in space and consciousness of travellers. The article focuses primarily on individual literary journeys that were reflected in or even inspired the traveller's writing activities. The experiences of being in the *Fondamenta degli Incurabili* and trying to understand the meaning of the toponym were described by many authors of contemporary non-fiction texts about Venice: Yuri Lepski, Yelena Yakovich, Gleb Smirnov, Arkady Ippolitov, Ekaterina Margolis. Two texts are particularly noteworthy, i.e. the reportage by Yuri Lepski *Brodskiy tol'ko chto ushël* (2020), which is entirely devoted to the experiences related to the journey in the footsteps of the poet and *Progulki s Brodskim i tak daleye. Iosif Brodskiy v fil'me Aleksey Shishova i Yeleny Yakovich* (2016) by Yelena Yakovich, where Brodsky himself interprets the title of his essay. Methodological tools deriving from the field of geopoetics and cultural geography, such as the place of imagination or reading journeys, proved helpful during the development of the paper.

Keywords: Iosif Brodsky, *Watermark*, Venetian text, place of imagination, literary journey

Olga Siemońska, Uniwersytet Wrocławski, Wrocław – Polska, osiemonska@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0128-2997>

Literatura na przestrzeni wieków stworzyła wiele obrazów Wenecji, literackich map, które nie są reprezentacjami realnej przestrzeni, lecz jej pisarskimi i czytelniczymi interpretacjami. Wśród znanych powszechnie punktów topograficznych, takich jak bazylika św. Marka, Pałac Dożów czy Gallerie dell'Accademia pojawiają się na mapach lokalizacje ważne z perspektywy fabuły danego utworu lub istotne dla samego pisarza. Zwyczajne miejsca, takie jak restauracja, hotel, targ rybny czy kino, za sprawą oddziaływania literatury zyskują szczególną aurę. Znalezienie się w nich umożliwia spojrzenie na utwór literacki i przestrzeń

w nim opisywaną z nowej perspektywy – oczami pisarza. Jak pisze Stijn Reijnders, autor artykułu *Places of Imagination. An Ethnography of the TV Detective Tour*, tego rodzaju doświadczenie wyzwała niekiedy emocje podobne do tych, które odczuwa pielgrzym w miejscach kultu religijnego. Bytność w danym miejscu nabiera wtedy cech świeckiego rytuału. Co więcej, wyprawa do przestrzeni stworzonej, lub być może należałoby powiedzieć odtworzonej przez pisarza w utworze literackim, pozwala samodzielnie odkryć, gdzie leży granica między światem realnym i wyobrażonym i czy możliwe jest jej przekroczenie (Reijnders 37–52).

Reijnders nazywa takie miejsca miejscami wyobraźni – *lieux d'imagination*, w nawiązaniu do miejsc pamięci – *lieux de mémoire* Pierre'a Nory. W swoim artykule, poświęconym zjawisku podróżowania śladami bohaterów seriali kryminalnych, zauważa, że człowiek wykazuje potrzebę obcowania z miejscem, gdyż stanowi ono fizyczny punkt odniesienia dla jego pamięci i wyobraźni. Nie ma przy tym znaczenia, czy miejsce to będzie wywoływało wspomnienie o wydarzeniu historycznym (miejsce pamięci) czy też fikcyjnym (miejsce wyobraźni) (Reijnders 39–40). Dobrym przykładem weneckiego miejsca wyobraźni jest Grand Hôtel des Bains na wyspie Lido, w którym zatrzymał się Gustav Aschenbach, bohater *Śmierci w Wenecji* (*Der Tod in Venedig*, 1912) Thomasa Manna. Wielu turystów odwiedza Harry's Bar – ulubiony bar Ernesta Hemingwaya, który pojawia się w jego powieści *Za rzekę w cień drzew* (*Across the River and Into the Trees*, 1950).

Bogata w treści o tematyce weneckiej jest literatura rosyjska. Tworzone przez Rosjan kiedyś i współcześnie obrazy Wenecji oparte są na tradycji tekstu weneckiego zainicjowanej przez przedstawicieli doby romantyzmu, tradycji, która nie wyrosła na gruncie osobistych przeżyć pisarzy, lecz na kanwie cudzego doświadczenia i wyobraźni. Teksty Michaiła Lermontowa, Aleksandra Puszkina czy Iwana Kozłowa, dzięki którym utrwalony został pewien szczególny sposób przedstawiania tego miasta w literaturze, są tworem marzeń i fantazji, gdyż ich autorzy nigdy w Wenecji nie byli. Jak pisze Nina Miednis w monografii *Венеция в русской литературе*, początkiem kształtowania indywidualnego obrazu Wenecji było zawsze *предощущение Венеции*, czyli jej obraz kulturowy, istniejący w wyobraźni autora jeszcze przed konfrontacją z miejscem rzeczywistym (Mednis). Kolejne pokolenia pisarzy rosyjskich odbywały do Wenecji pielgrzymki literackie śladem swoich poprzedników. Miasto na lagunie było dla nich właśnie swoistym *lieux d'imagination*, miejscem stworzonym i przetworzonym przez literaturę.

Choć wśród najlepiej zbadanych i opisanych tekstów miejskich w literaturze rosyjskiej pierwsze miejsce zajmuje tekst petersburski (w tym kontekście warto przypomnieć zwłaszcza poświęcone semiotyce miejskiej prace Jurija Łotmana, Władimira Toporowa, a także opracowania Nikołaja Ancifierowa, autora pierw-

szego przewodnika po literackich obrazach Petersburga), to wielość utworów poświęconych Wenecji oraz pewne wspólne cechy charakterystyczne, takie jak opozycja swoje – obce związana z postrzeganiem Wenecji przez pryzmat mitu o Petersburgu – Wenecji Północy, sprawia, że w literaturoznawstwie rosyjskim wydziela się również odrębny problem badawczy określany mianem tekstu weneckiego. Pojęcie to zostało wprowadzone jako analogia do koncepcji tekstu petersburskiego, zgodnie z którą utwory rodzajowo i gatunkowo zróżnicowane, powstałe w różnych okresach, ale połączone motywem Petersburga, traktowane są jako jeden ultratekst.

Na literackiej mapie Wenecji pojawiają się obiekty i lokalizacje związane z życiem i twórczością Josifa Brodskiego. Wielu rosyjskich turystów poszukuje miejsc, o których czytali w utworach poetyckich i eseju *Znak wodny* (*Watermark*, 1992), a także tych, w których poeta mieszkał lub bywał. Olga Sobolewa w monografii *Венецианский текст в современной русской литературе* wysuwa tezę, że *Znak wodny* stał się w istocie wzorcem, według którego rosyjski turysta „przeżywa” Wenecję, „literacko-artystycznym modelem” doświadczania miasta:

Произведения Бродского, и в первую очередь эссе *Набережная неизлечимых*, постепенно становятся своеобразным эталоном восприятия Венеции не только для любого нашего соотечественника, пишущего о Венеции, но и для многих русских путешественников, которые едут в Италию: как показывает анализ общения на туристических интернет-форумах, определенная часть наших соотечественников стремится увидеть не просто знаменитый город, а именно „Венецию Бродского” (Soboleva 114).

Badaczka sugeruje, że współczesny rosyjski czytelnik używa *Znaku wodnego* jako swego rodzaju bedekera podpowiadającego, jak w „prawidłowy” sposób zwiedzać Wenecję, jak doświadczać jej przestrzeni, by potwierdzić swój status człowieka wykształconego i odczytanego. W przekonaniu pielgrzymów, podróżników o wysokiej świadomości kulturowej, nakierowanych na przeżycia estetyczne, których Sobolewa przeciwstawia poszukującym rozrywki turystom, esej jest pierwszą lekturą o Wenecji, po którą należy sięgnąć przed podróżą (Soboleva 116).

Jak zauważa Małgorzata Nieszczerzewska w szkicu na temat wyobraźni miejskiej, we współczesnych koncepcjach urbanistycznych miasto postrzegane jest jako połączenie doświadczalnej zmysłowo i rozumowo przestrzeni z licznymi wyobrażeniami na jej temat. Wyobrażenia zawarte w tekstach kultury kształtują myślenie mieszkańca i przyjeźdźnego o mieście, a także sugerują sposoby jego doświadczania i działania w nim (Nieszczerzewska 192–193). Teza ta znajduje potwierdzenie w zjawisku opisanym przez Sobolewą – w praktykach poznawania Wenecji przez pryzmat wyobraźni poetyckiej Brodskiego. Wielu współczesnych czytelników rosyjskich oczekuje, iż lektura eseju, jeśli nie w pełni ukształtuje ich

postrzeganie przestrzeni miasta, to przynajmniej nasyci ich doświadczenie nowymi emocjami i wrażeniami. Po przeczytaniu *Znaku wodnego* odczuwają pragnienie przybycia do miasta i zobaczenia go takim, jakim widział je poeta: zimowym, mglistym, pachnącym wodorostami. Dowodem na to mogą być wypowiedzi interautów zamieszczone na portalu livelib.ru:

Мне нравится Италия, но Венецией я никогда особо не интересовалась. Но после этого прекрасного произведения хочется пройтись по всем этим местам, которые так живописно переданы Бродским, и тоже полюбить этот город.

В этом небольшом произведении все так прекрасно, что хочется самой очутиться в этом городе и пройти по всем местам, которые посетил автор.

Так и я – читая венецианское эссе Бродского, мечтал не просто побывать в Венеции, но увидеть ее теми же глазами, тем же сердцем, тем же одиночеством, как видел ее Иосиф Бродский.

Наверное, если я когда-нибудь попаду в Венецию, я буду бродить по ней, в первую очередь, как по городу, столь любимом Бродским, по городу, где он оставил столько мыслей и столько напоминаний о себе, по городу, о каждом уголке которого он мог рассказать увлекательнейшую историю.

Прочтя это эссе, я до чертиков захотел поехать в Венецию. А такое со мною бывает редко: чтобы прочитать описание какой-либо точки на земном шаре и чьего-либо путешествия туда, и самому захотеть туда отправиться.

Olga Sobolewa w swojej rozprawie skupia się przede wszystkim na tym, jak twórczość Josifa Brodskiego wpłynęła na sposób postrzegania i opisywania Wenecji we współczesnej literaturze rosyjskiej. Jednakże przedmiotem rozważań literaturoznawczych może być również samo zjawisko podróży śladami Brodskiego oraz sposób funkcjonowania w przestrzeni i w świadomości podróżników miejsc związanych z jego twórczością. Szczególnie interesująca wydaje się kwestia poszukiwania przez „turystów literackich” Nabrzeża Nieuleczonych (Набережная Неисцелимых, Fondamenta degli Incurabili) miejsca, którego nazwa stanowi jednocześnie tytuł rosyjskiego i włoskiego wydania eseju *Znak wodny*. Doświadczenia związane z bytnością w tym miejscu i próbami zrozumienia znaczenia toponimu opisane zostały przez wielu autorów współczesnych tekstów niefikcyjnych o Wenecji: Jurija Lepskiego, Jelenę Jakowicz, Gleba Smirnowa, Arkadija Ippolitowa, Jekaterinę Margolis. Uwagę zwracają zwłaszcza dwa teksty, tj. reportaż Jurija Lepskiego *Бродский только что ушёл* (2020), który w całości poświęcony jest przeżyciom związanym z podróżą śladami poety oraz *Прогулки с Бродским и так далее. Иосиф Бродский в фильме Алексея Шишова и Елены Якович* (2016), gdzie interpretacji tytułu swojego eseju dokonuje sam Brodski.

Podróże do miejsc wyobraźni bywają nazywane pielgrzymkami literackimi (termin ten zazwyczaj stosowany jest w odniesieniu do podróży odbywanych przez przedstawicieli XIX-wiecznej inteligencji) lub są zaliczane do zjawisk z zakresu współczesnej turystyki kulturowej, często zorganizowanej, jak omawiane przez Reijndersa *media pilgrimages* – pielgrzymki medialne. Przez purystów inspirowanych założeniami formalizmu amerykańskiego i poststrukturalizmu, którzy „głoszą śmierć autora i nicość poza tekstem”, uważane są za przejaw odbioru amatorskiego, naiwnego (Rybicka 222; Watson 6). Jak zauważa Elżbieta Rybicka, są to jednak działania zróżnicowane pod wieloma względami. Mogą być rezultatem fascynacji czytelniczej, potrzeby doznania głębokich przeżyć estetycznych i mieć charakter indywidualny, mogą też być rodzajem rozrywki, zabawy, sposobem na urozmaicenie wakacyjnego wyjazdu. Bez względu na tę niejednorodność motywów badaczka uznaje je za szczególny rodzaj praktyki czytelniczej i interpretacyjnej i proponuje określić wspólnym mianem „podróży lekturowych” (Rybicka 222–223).

Zanim jednak zwrócimy się w stronę podróży lekturowych do Wenecji Brodskiego, warto zastanowić się, dlaczego podążanie śladem bohaterów książkowych jest tak popularne. Czytając relacje internautów, przemieszczających się niemal dosłownie z książką w rękę, można odnieść wrażenie, że zwiedzanie miejsc wyobraźni wzmaga emocje płynące zarówno z lektury, jak i z eksplorowania przestrzeni. Celem lektury, podobnie jak wyjazdu turystycznego, jest dla większości ludzi doznanie przyjemności, w tym estetycznej. Połączenie tych aktywności prowadzi zaś do intensyfikacji przeżyć. Przy czym nie chodzi tu o samo zestawienie i symultaniczne podjęcie tak różnych czynności, np. w formie czytania książki w pociągu, ale o wykreowanie i przekroczenie granicy między światem fikcyjnym a rzeczywistością, o przeniesienie się do świata wyobraźni poprzez fizyczny kontakt z opisywaną w utworze literackim przestrzenią. Reijnders w przywołanym już wcześniej artykule przytacza i interpretuje rozważania Johna Caugheya, który podkreśla fakt, że człowiek funkcjonuje tak naprawdę w dwóch światach – realnym, całkowicie mierzalnym, definiowanym przez czas i miejsce, oraz w świecie fantazji, marzeń i wyobrażeń. Światy te istnieją zupełnie niezależnie od siebie i tylko w szczególnie rzadkich momentach następuje ich przenikanie się. Rzeczy codzienne i znane stają się niezwykle, rzeczy niezwykle stają się zwyczajne. Zetknięcie się rzeczywistości z fantazją, materialności z wyobraźnią musi wyzwać reakcję emocjonalną. Takim momentem oddziałującym na emocje jest właśnie podróż lekturowa, kiedy to wrażenia towarzyszące lekturze zostają spotęgowane przez doświadczenie realnej przestrzeni (Reijnders 40–41). Jak pisze Rybicka: „w tym miejscu [podczas podróży lekturowej – O.S.] [...] dochodzi do splecenia i przenikania dwóch rodzajów wyobraźni: lekturowej, a więc czytelnika, który pragnie skonkretyzować i zwizualizować przestrzenie literackie, i turystycznej, a więc podróżnika, który chce zobaczyć dane miejsca «inaczej», z punktu widzenia literatury” (Rybicka 230). Podróż lektu-

rowa pozwala wyjść poza rutynę codzienności i przez to silnie wpływa na ludzkie *sensorium*, intensyfikuje przeżycia pojawiające się podczas czytania. Dodać w tym kontekście należy, że podróże lekturowe nie są niczym nowym, lecz sięgają wieku XVIII, czyli początków rozwoju współcześnie rozumianej turystyki. Jego źródła należy szukać w praktykowanych przez ludzi zamożnych i wykształconych podróżach do miejsc związanych z życiem znanych pisarzy (Watson 5). Różnica między dawnymi pielgrzymkami literackimi a współczesnymi podróżami lekturowymi tkwi przede wszystkim w wyraźnym wpływie tych drugich na rozwój potencjału turystycznego danego miasta lub regionu. Skala tego zjawiska z obszaru kultury popularnej jest na tyle duża, że staje się ono częścią biznesu turystycznego, czego dowodem są na przykład organizowane przez władze miast lub biura turystyczne wycieczki i spacerki do miejsc występujących w bestsellerowych powieściach kryminalnych i serialach telewizyjnych (Reijnders 41).

Emocje wywołane przez podróż lekturową będą się od siebie różniły w zależności od motywacji, oczekiwań turysty, a także od poziomu jego świadomości literackiej. Dla jednej osoby zwiedzanie Petersburga śladami bohaterów Fiodora Dostojewskiego czy wycieczka na dworzec King's Cross, z którego odjeżdżał pociąg do Hogwartu w serii książek o Harrym Potterze, będzie doświadczeniem niezwykle emocjonalnym, wywołującym silne doznania, które można porównać nawet do przeżyć religijnych doświadczanych w miejscu kultu. Dla innej osoby będzie to jedynie rozrywka, sposób na urozmaicenie wyjazdu wakacyjnego. Bywa, że turysta staje się turystą lekturowym przypadkowo: pijąc koktajl Bellini w Harry's Bar, dowiadyuje się, że właśnie ten lokal był często odwiedzany przez Hemingwaya. Wiedza ta wpływa następnie na jego doświadczenie przestrzeni, zaś związki Wenecji i amerykańskiego pisarza stają się częścią jego indywidualnych wyobrażeń o mieście. Istnieją też turyści, którzy zwiedzają świadomie, przy czym podróż lekturowa nie stanowi w ich przypadku celu samego w sobie, lecz jest częścią programu wyjazdu turystycznego. Taki sposób zwiedzania dotyczy przede wszystkim miejsc wyobrażonych związanych z utworami kultury masowej, które zawładnęły wyobraźnią tysięcy odbiorców na całym świecie lub z dziełami literackimi będącymi ważną częścią dziedzictwa kulturowego. Zazwyczaj miejsca te kojarzą się turyście z danym tekstem kultury lub jego autorem zanim podejmie on decyzję o ich odwiedzeniu. Przykładem może być choćby hiszpański region La Mancha, którego nazwa nasuwa skojarzenia z Don Kichotem, bohaterem powieści Miguela de Cervantesa, również osobom nieznającym tego utworu. Podróżnik ostatniego rodzaju wykazuje cechy turysty egzystencjalnego¹ (Cohen

¹ Erik Cohen wyróżnia pięć stylów podróżowania, ról, które turysta przyjmuje w zależności od jego stosunku do centrum – miejsca reprezentującego wyznawane przez niego wartości (zob. Cohen).

189–190), można go porównać do pielgrzymy, dla którego miejsce wyobrażone stanowi *sacrum*. W jego przypadku celem wyprawy znacznie częściej jest miejsce związane z kulturą wysoką. Podróż lekturowa jest przez niego przeżywana głęboko, nie jest postrzegana jako rozrywka, lecz jako ważne doświadczenie duchowe i intelektualne. Jest to turysta o wysokiej świadomości kulturowej. Woli samodzielnie zaplanować swoją podróż na podstawie wskazówek zawartych w utworze literackim będącym inspiracją do wyjazdu, niż uczestniczyć w wycieczkach zorganizowanych² (MacLeod, Shelley, Morrison). Co zaś najważniejsze z punktu widzenia niniejszego artykułu – podróż lekturowa inspiruje go do podjęcia prób ponownego odczytania tekstu, „do interpretacji nie na drodze dyskursywnej, lecz na drodze przeżycia” (Rybicka 224).

Należy założyć, że podróż śladami Josifa Brodskiego ma raczej charakter niezorganizowany i jest podobna do pielgrzymki do miejsca kultu. Można się spodziewać, że przybiera zazwyczaj formę swego rodzaju hołdu złożonego poecie. Nie znaczy to bynajmniej, że nie istnieje możliwość uczestnictwa w specjalnie zorganizowanych wycieczkach śladami Brodskiego, jednak i one będą zdecydowanie elitarne. Tak brzmi fragment programu spaceru „Прогулки с Бродским в Венеции” organizowanego przez Клуб путешествий Михаила Кожухова z udziałem Andrieja Bilży, rosyjskiego rysownika karykaturzysty i restauratora, na stałe mieszkającego w Wenecji:

Сегодня у нас насыщенный день! Прямо с утра отправимся на рыбный рынок, где часто бывал Бродский. Обязательно попробуем любимые венецианские закуски Бродского чикети – вариант тапаса (небольших закусок) с аперитивом. После зайдем в Ateneo Veneto, где снимался фильм о главном герое нашего путешествия, отрывок из которого мы обязательно посмотрим. После обеда пойдем в гости. Журналист и писатель Петр Вайль был хорошим другом Иосифа Бродского. Вместе они много путешествовали по Италии, а Петр Вайль писал предисловия к книгам Бродского. Вайль умер больше десяти лет назад, а сейчас в их доме живет супруга Петра – Эльвира. Она встретит нас и расскажет свои истории и воспоминания о Бродском и его дружбе с их семьей. После встречи пойдем на ужин в трактир Agli Assassini (У убийц) в палаццо Марчелло, где обедал и останавливался Бродский в гостях у графа Джироламо Марчелло. Об его дворце и библиотеке написано в *Набережной неизлечимых*, а самому графу посвящено стихотворение (Lepskij 6).

² Badania Nicoli MacLeod, Alastaira M. Morrisona i Jennifer Shelley przeprowadzone na grupie uczestników konferencji literackiej wykazały, że osobami najczęściej uprawiającymi turystykę literacką (*literary tourism*) są kobiety powyżej 45. roku życia, mające wyższe wykształcenie humanistyczne, związane zawodowo z literaturą i czytelnictwem: nauczycielki, wykładowczynie, bibliotekarki, pisarki. Większość z ankietowanych odpowiedziała, że podróżuje samotnie lub w towarzystwie rodziny i przyjaciół, a także zdecydowanie bardziej preferuje wyjazdy niezorganizowane jako sposób odbywania podróży lekturowej (zob. MacLeod, Shelley, Morrison, źródło elektroniczne).

Przedmiotem niniejszej analizy nie są jednak zorganizowane podróże lekturowe, będące jedynie biernym aktem recepcji, lecz podróże indywidualne, takie, które znalazły odzwierciedlenie w działalności piśmienniczej podróżnika lub nawet stanowiły dla niej inspirację. W 2020 roku został wydany reportaż dziennikarza i publicysty Jurija Lepskiego o Josifie Brodskim – *Бродский только что ушёл*. Można powiedzieć, że książka jest swego rodzaju zapisem podróży lekturowej, którą autor odbył śladami poety. We wstępie zdradza on, że podczas zwiedzania opisanych miejsc doznawał uczucia „obecności” pisarza, tak jakby Brodski dopiero co je opuścił. Do tego wrażenia ma nawiązywać tytuł reportażu – *Бродский właśnie пошел*. Autorowi nie była nigdy dana możliwość spotkania się z Brodskim. Niemożliwe do spełnienia pragnienie poznania poety skłoniło go do nawiązania kontaktu z przestrzenią, z miejscami, w których autor *Znaku wodnego* bywał i które, być może, zachowały ślad jego obecności [„Я искал его следы на набережной Неисцелимых в Венеции и мне казалось, что теплый мрамор венецианских фундаменто может хранить его тепло, а стены Ospedale Санти Джованни э Паоло помнят прикосновение его руки” (Lepskij 6)].

Książka podzielona jest na rozdziały, z których każdy poświęcony jest poszczególnym miastom związanym z życiem i twórczością rosyjskiego noblisty. Wśród nich znajduje się oczywiście Wenecja. Podrozdziały noszą tytuły wskazujące na konkretne weneckie lokalizacje, w których mieszkał, tworzył i bywał Brodski, lub które znalazły swoje odzwierciedlenie w jego poezji i eseju. Fragmentom poświęconym każdemu z toponimów towarzyszą kody QR odsyłające do map Google i umożliwiające czytelnikowi odnalezienie tego miejsca na mapie Wenecji. Lepski samodzielnie poszukuje śladów Brodskiego lub korzysta z pomocy osób nie tylko dobrze orientujących się w przestrzeni miasta, ale również, w przeciwieństwie do niego, znających samego poe­te. Wśród nich jest Mariolina Doria de Zuliani, którą Brodski uwiecznił w eseju *Znak wodny* jako tajemniczą Ariadnę, a także Piotr Wajl, dziennikarz, publicysta, długoletni przyjaciel poety. Wajl opowiada autorowi historię swojej znajomości z noblistą i oprowadza go po miejscach związanych z jego biografią. Spacer nosi znamiona rytuału charakterystycznego dla podróży lekturowej, który można określić jako zwiedzanie z książką w ręku. Rozpoczyna się od dworca Santa Lucia, miejsca, w którym swoją podróż po Wenecji zaczyna także Brodski. Lepski i Wajl odczytują początkowy fragment eseju, a następnie ruszają w głąb miasta: „Прочитав это, шагнули и мы...” (Lepskij 78). Później udają się do miejsc wskazanych przez Wajla jako toponimy ważne dla poety i postaci z nim związanych, takich jak hotel Gritti, gdzie zatrzymywała się Susan Sontag oraz Harry’s Bar, gdzie razem z Brodskim świętowała Boże Narodzenie 1977 roku. Miejsca te prowokują narratora do snucia wyobrażeń na temat tego, jak przebiegała rozmowa dwójki intelektualistów, co jedli, pili, jak się zachowywali. Miejscem związanym zarówno z biografią Sontag, jak i Brod-

skiego jest budynek, w którym mieszkała Olga Rudge. Przebieg wizyty w domu malarki, towarzyski życia Ezry Pounda, i wrażenia temu wydarzeniu towarzyszące opisał rosyjski poeta w *Znaku wodnym*. Dla turystów lekturowych, jakimi są Lepski i Wajl, miejsce to jest szczególnie ważne, gdyż stanowi punkt orientacyjny umożliwiający zlokalizowanie *Fondamenta degli Incurabili* – Nabrzeża Nieuleczonych: „Со старыми фашистами я никогда не сталкивался, но со старыми коммунистами имел дело не раз, и в доме Ольги Радж, с этим бюстом Эзры на полу, почувял тот самый дух. От дома мы пошли налево и через две минуты очутились на Фондамента дельи Инкурабили” – pisze Brodski. Czytając reportaż Lepskiego, można odnieść wrażenie, że dla dziennikarza istotne było nie tylko samo dotarcie do nabrzeża, ale również dokładne odtworzenie trasy, jaką poeta przemierzył od domu Olgi Rudge do *Fondamenta degli Incurabili*: „Как и Бродский тогда, я повернулся к дверям спиной, сделал два шага по Калле Кверини, повернул налево и через каких-нибудь двести метров оказался на Набережной Неисцелимых” (Lepskij 100).

Fondamenta degli Incurabili to ulubiona zagadka turystów lekturowych podróżujących śladami poety. Jest literacko-kartograficzną nieścisłością, intrygującym, „błędnym” toponimem, którego nie ma na żadnych mapach turystycznych. Brodski wspomina o nabrzeżu tylko raz w eseju *Znak wodny*, mimo to dla rosyjskiego czytelnika *Набережная Неисцелимых* jest bardzo ważnym miejscem wyobraźni, gdyż taki właśnie tytuł nosi rosyjsko- i włoskojęzyczna wersja utworu. Nabrzeże wydaje się jedyną nazwą własną wspomnianą w eseju, która nie odsyła do rzeczywistego punktu w przestrzeni Wenecji. Z jednej strony wywołuje to rozczarowanie pielgrzymów podróżujących śladami poety, z drugiej prowokuje do rozmyślań i dalszych poszukiwań. Co więcej, ta zagadka staje się dla rosyjskich czytelników motywem do podjęcia dyskusji nad możliwymi interpretacjami tytułu i w ogóle nad celowością „błędnego” mapowania Wenecji. W książce *Метафизика Венеции* Gleba Smirnowa ukazana jest scena, w której dwie turystki próbują ustalić lokalizację Nabrzeża Nieuleczonych. Można sobie wyobrazić, że w podobnej sytuacji znajduje się co roku wielu Rosjan odwiedzających Wenecję. Smirnow utożsamia to działanie z „poszukiwaniem Brodskiego”. Można założyć więc, że uznaje podróż lekturową za swego rodzaju próbę nawiązania kontaktu z poetą za pośrednictwem miejsca:

Однажды я увидел через окно двух русских девушек, озабоченно вертевших карту. На набережной было безлюдно. Я вышел из своего зазеркалья, подождал, пока одна из них приблизится, и, старательно выговаривая слова, робко спросит: „Скузи, дове э ла Фондамента дельи Инкурабили”? (Извините, где набережная Неисцелимых?) – „Вы на ней стоите, сударыня, – отвечал я по-русски. – А Бродский, которого вы ищете, его больше здесь нет. Но если бы он появился, то оттуда”, – я показал рукой. Она отшатнулась и посмотрела так, как должно быть, три Марии смотрели на ангела у отваленного камня гробницы. „Его здесь нет:...” (Smirnov 51–52).

Jurij Lepski opisuje w reportażu historię swoich poszukiwań:

Однажды я провел в поисках Инкурабили целый день. Купил подробный план города, изучил его, но ничего подобного не обнаружил. Тогда я двинулся буквально по следам Иосифа Александровича: пересек мост Академии, повернул направо и узкими переулками выбрался на тихий безлюдный канал как раз в том месте, где стоял пансион Академия – первое венецианское пристанище Бродского. В задумчивости я прошел по набережной канала до конца, повернул в направлении церкви Санта Мария делла Салюте, дошел до respectable квартала, где по моим скудным представлениям могла проживать несколько лет назад Ольга Радж – вдова известного поэта Ээры Паунда. [...] Изобразив из себя давнего гостя Ольги Радж, я в полном соответствии с полученной инструкцией пошел от дома налево и через две минуты... оказался на Терра Фоскарини, в трех шагах от моста Академия, откуда, собственно, и начал свое расследование. Фиаско оказалось полным и красноречивым.

Однако, ничто на земле не проходит бесследно. Гуляя некоторое время спустя по виа Гарibaldi [...], я наткнулся на замечательную антикварную лавочку. Замечательную уже тем, что у хозяина ее оказался старинный план Венеции. Краткий, но интенсивный торг был завершен в условиях полного непротивления сторон, и таким образом в моих руках оказался документ немислимой топографической силы. Взглянув на него повнимательнее, я буквально подпрыгнул от восторга: в нижнем левом углу этого выдающегося манускрипта, на южном окончании района Дорсодуро, на том самом месте, где суша этого островка граничила с проливом Джудекка, было написано черным по белому: *Fondamenta degli Incurabili*. Так-то, друзья мои! (Lepskij 68–69).

Okazuje się, że Brodski nie zmyślił toponimu, lecz z jakiegoś powodu posłużył się starą nazwą współcześnie istniejącej ulicy. *Fondamenta degli Incurabili* jest dziś częścią *Fondamenta delle Zattere*. Nie jest to znana ulica Wenecji, raczej nie występuje w przewodnikach turystycznych. W Wikipedii artykuł poświęcony nabrzeżu *Zattere* istnieje tylko w sześciu wersjach językowych. Jedną z nich podaje starą nazwę ulicy – *Fondamenta degli Incurabili*. Jest to oczywiście wersja rosyjska. Historia ta ukazuje przenikanie się sfery literackiej z rzeczywistością, pokazuje, jaki wpływ może mieć literatura na sposób postrzegania przestrzeni przez czytelnika. W świadomości rosyjskiego podróżnika intelektualisty *Fondamenta delle Zattere* na zawsze pozostanie bowiem Nabrzeżem Nieuleczonych, nawet jeśli nie będzie już żadnych map poświadczających istnienie takiego miejsca. Lepski w swoim reportażu zauważa, że Brodski, pisząc swój esej i nazywając go *Набережная Неисцелимых*, w istocie przywrócił przestrzeni Wenecji jej brakujący fragment. Co ciekawe, dziennikarz sugeruje również, że i on sam przyczynił się do tej literackiej ingerencji w przestrzeń miasta. W reportażu przytacza fragmenty wywiadu przeprowadzonego z merem Wenecji Massimo Carracim. W trakcie rozmowy polityk wyraża zdumienie, że *Incurabili* już nie istnieje. Jest przekonany, że weneccjanie wciąż używają starej nazwy i obiecuje przywrócić ją oficjalnie (Lepskij 75). Słowa polityka o tym, że stara nazwa wciąż funkcjonuje, potwierdza spotkany na na-

brzeżu Zattere starszy mieszkaniec miasta. W rozmowie z Wajlem i Lepskim używa słowa *incurabili*. Pod koniec rozdziału poświęconego Wenecji Lepski wspomina, że w 2009 roku mer spełnił daną mu obietnicę i przywrócił dawną nazwę (Lepskij 100). Istotnie, na nabrzeżu pojawiła się wtedy tablica z napisem Zattere agli Incurabili oraz tablica pamiątkowa, wspominająca o powiązaniach poety z ulicą. Nic jednak nie wskazuje na to, by nabrzeże zmieniło nazwę oficjalnie. W Google Maps wciąż widnieje jako Fondamenta Zattere allo Spirito Santo, o czym możemy przekonać się, korzystając z kodu QR zamieszczonego w książce Lepskiego. Co ciekawe, tablica poświęcona Brodskiemu zdaje się zachowywać wiedzę o istnieniu Nabrzeża Nieuleczonych w granicach rosyjskiej świadomości kulturowej. W przeciwieństwie do rosyjskiego, napis po włosku nie mówi bowiem, że Brodski opiewał *Fondamenta degli Incurabili* („воспел Набережную Неисцелимых”), lecz „to miejsce” („cantò questo luogo”).

Kwestia zagadkowego Nabrzeża Nieuleczonych prowokuje Lepskiego do sformułowania następujących pytań: Dlaczego na współczesnych mapach nie ma *Fondamenta degli Incurabili*? Dlaczego Brodski użył podniosłego, archaicznego słowa *неисцелимые* zamiast neutralnego *неизлечимые*, które bardziej odpowiadałoby znaczeniu włoskiego *incurabili*? Czy słowo *incurabili* było ważne dla niego ze względu na semantykę, czy może również z powodu materialnych właściwości samego miejsca? Lepski, zaintrygowany zagadką nabrzeża, postanawia zgłębić jego historię. Udaje mu się dowiedzieć, że dawniej na *Fondamenta degli Incurabili* mieścił się szpital dla chorych na dżumę (z opowieści Wajla wynika, że leczono w nim również syfilityków). Dziennikarz dochodzi do wniosku, że weneccjanie pozbyli się z nazwy słowa *incurabili*, gdyż chcieli zapomnieć o smutnych wydarzeniach z przeszłości. Słowo *nieuleczeni* kojarzyło im się z cierpieniem, z czasami licznych epidemii, które co rusz nawiedzały miasto. Interpretacja tytułu eseju w kontekście historii dzielnicy wydaje się jednak niewystarczająca. Lepski ma nadzieję, że znalezienie odpowiedzi na pozostałe pytania umożliwi mu konfrontacja tekstu utworu z miejscem rzeczywistym (Lepskij 69), tj. z Nabrzeżem Nieuleczonych. Podróż lekturowa, „przeżycie przestrzeni i tekstu równocześnie” ma więc posłużyć jako środek interpretacji. Dziennikarz odbywa jeszcze jeden spacer śladami Brodskiego, tym razem rozpoczynając go od miejsca, w którym poeta zakończył swoją wędrówkę po Wenecji – od cmentarza San Michele. Następnie przemierza dzielnicę Cannaregio i dociera do *Fondamenta delle Zattere*:

Морской ветер лагуны принес запах водорослей, упруго ударил в лицо. Я взглянул с набережной на пролив, на неровную линию фасадов острова Джудекка на противоположном берегу и остолбенел: на самом деле передо мной плескалась Нева, а неровная линия фасадов упиралась в знаменитые питерские Кресты. [...] Так вот почему он предпочел назвать это место Набережной Неисцелимых: оно слишком напоминало ему родной город (Lepskij 75).

Lepski jest przekonany, że podróż literacka umożliwiła coś, na co nie pozwoliłaby lektura eseju w domu lub jakimkolwiek innym miejscu – na zrozumienie tekstu na drodze przeżycia, poprzez zmysłowe doświadczenie przestrzeni (obserwację panoramy przeciwległej wyspy, wdychanie zapachu wodorostów). Nadużyciem byłoby stwierdzenie, że podróż lekturowa odkryła przed autorem reportaży pełniejsze zrozumienie motywów i inspiracji, jakie kierowały Brodskim, gdy pisał esej czy też trafniejszą interpretację tajemniczego tytułu i samego tekstu. Z pewnością jednak dała pole do nowych odczytań, które nie byłyby możliwe bez udziału w nich elementu sensoryczno-spacjalnego, a więc doświadczenia rzeczywistej przestrzeni. Na tym etapie podróży lekturowej słowo *неисцелимые* nie wydaje się już autorowi reportażu zagadką. Oczywiście zdaje się, że Brodski użył go, by nadać tytułowi sens metaforyczny, by ukierunkować uwagę czytelnika nie tyle na historię pewnej dzielnicy Wenecji, lecz przede wszystkim w stronę ukochanego kraju rodzinnego, który był zmuszony opuścić. Zdaniem dziennikarza, Brodski, uwieczniając nabrzeże w swoim esej, nie tylko zwrócił Wenecji kawałek jej historii, ale również upamiętnił swoją prawdziwą ojczyznę – „Отечество” – które, jak pisze autor – „и спустя полвека после изгнания Бродского не исцелилось от хронического презрения к своим подданным, все так жестоко и немилосердно к своим согражданам” (Lepskij 75).

Arkadij Ippolitow w książce *Только Венеция. Образы Италии XXI века* (2014) wykorzystuje kwestię Nabrzeża Nieuleczonych w rozważaniach nad metafizycznością Wenecji, która za sprawą nakładania się na siebie licznych literackich wyobrażeń sprawia wrażenie istniejącej na granicy materialności i widmowości, realności i wyobraźni. Nabrzeża Nieuleczonych nie ma na „wizytówkach rzeczywistości”, czyli współczesnych mapach, którymi posługują się turyści. Pojawia się za to na mapach antykwarycznych. Z jednej strony mapy dowodzą więc, że nabrzeże jest fantazją, kreacją literacką, z drugiej zaś, że jednak istnieje, że jest czymś namacalnym, miejscem, które można odwiedzić i zobaczyć, poczuć fizycznie, którego można doświadczyć. Ippolitow nie opisuje swojej podróży do Nabrzeża Nieuleczonych, opisuje natomiast moment konfrontacji z miejscem wyobrażonym: upadek na śliskiej nawierzchni chodnika niedaleko Ponte degli Incurabili. Sytuacja ta inspiruje do rozważań nad ontologią Wenecji i samej Fondamenta degli Icurabili:

Набережная Неисцелимых является как привидение: картами уже давно никто не пользуется, они бесполезны как искусство, но карты доказывают, что Фондамента дельи Икурабили есть, оно на какой-то грани действительности и воображаемого, как и все в Венеции. Но она существует, совершенно точно, это именно то место, где я поскользнулся, и расположено оно как раз около Понте деи Инкурабили и напротив Оспедале деи Инкурабили. [...] Столь внятный ушиб я получил, конечно, на Фондамента делле Дзаттере, но упал-то я в метафизичность Фондамента дельи Икурабили, то есть в бродскую Набережную неисцелимых (Ippolitov 9).

Nabrzeże Nieuleczonych w interpretacji Ippolitowa ma cechy heterotopii, przestrzeni innej, odwróconej, zaprzeczającej samej sobie (Foucault 120). Istnieje w świecie fikcyjnym, stworzonym przez Brodskiego i na starych, nieaktualnych mapach, nie istnieje zaś w świecie rzeczywistym i na mapach współczesnych. Wydaje się, jak pisze historyk sztuki, nie miejscem realnym, lecz „przywidzeniem”.

Zupełnie inny sposób odczytania toponimu proponuje Jekaterina Margolis w książce *Венеция. Карантинные хроники* (2020). Sytuacja, w jakiej znalazła się Wenecja oraz cała Europa w czasie wiosennej kwarantanny 2020 roku, prowokuje do chwilowego zarzucenia rozważań nad metaforą *Fondamenta degli Incurabili* i zastanowienia się nad jego pierwotnym, historycznym znaczeniem. Margolis zauważa, że pandemia koronawirusa skłania do interpretacji tytułu eseju Brodskiego w sposób bardziej dosłowny. Dzieje Wenecji naznaczone są chorobą, zarazą i śmiercią. Samo słowo kwarantanna ma przecież wenecki źródłosłów *quarantena* – 40 dni. Pamięć o licznych epidemiach, które dawniej nawiedzały miasto, zachowała się w nazwie jednego z najbardziej rozpoznawalnych kościołów Wenecji – bazyliki Santa Maria della Salute – Matki Bożej Uzdrawienia, wybudowanej w drugiej połowie XVII wieku w podzięce za zakończenie epidemii czarnej śmierci. Nawet samo słowo wyspa – *isola* nasuwa skojarzenia z tak często powtarzanym w czasach pandemii słowem *isolamento* – odosobnienie, izolacja. Choć odczytywanie znaczenia tytułu eseju wyłącznie w odniesieniu do historii Wenecji wydaje się nieco naiwne z literaturoznawczego punktu widzenia, to nie znaczy, że nie ma ono sensu w pewnych okolicznościach. Taką sposobnością może być właśnie pandemia koronawirusa, która na dłuższy czas skupiła na sobie uwagę całej ludzkości, w tym także ludzi kultury.

Podróż lekturą po Wenecji Brodskiego odbywa w 1993 roku Jelena Jakowicz. Jest to podróż wyjątkowa, gdyż przewodnikiem w niej okazuje się sam Josif Brodski. Poeta oprowadza po mieście nie za pośrednictwem swojej twórczości, lecz we własnej osobie. Jelena Jakowicz wraz z Aleksiejem Szyszowem są autorami nakręconego w Wenecji filmu dokumentalnego *Прогулки с Бродским*. W 2017 roku dziennikarka wydała książkę zatytułowaną *Прогулки с Бродским и так далее*, w której znalazły się zapisy rozmów z poetą niezamieszczone w filmie. Autorka opisuje w niej swoje wspomnienia i wrażenia ze spotkania z noblistą, a także cytuje wypowiedzi, w których autor *Znaku wodnego* przedstawia swoje własne rozumienie zagadkowego toponimu *Набережная Неисцелимых*. Dowiadujemy się, że Brodski mieszkał na *Fondamenta Zattere* aż w czterech różnych miejscach i bardzo dobrze znał historię nabrzeża. Szczegółne wrażenie robiła na nim jego stara nazwa:

Несколько раз в этой жизни я нарывался на такие места, где названия – просто имена романа [...]. „И набережная неисцелимых”, неизлечимых [...] – это про таких людей, с которыми ничего нельзя поделать уже. [...] Мне понравилось, я не знаю почему (Ākovič 16).

Brodski zdradza, że choć bywał na *Fondamenta degli Incurabili* wielokrotnie, po raz pierwszy uświadomił sobie potencjał literacki toponimu w momencie, który potem opisał w eseju – po wizycie w domu Olgi Rudge. Wtedy to właśnie doszedł do wniosku, że malarka i Ezra Pound byli w pewien sposób nieuleczeni – „nieuleczeni z faszyzmu” (Ākovič 16). W interpretacji dokonanej przez Brodskiego, której zapis znajdziemy w książce Jeleny Jakowicz, tytuł *Набережная Неисцелимых* z jednej strony odnosi się do życiowego doświadczenia każdego człowieka, do niemożności naprawy popełnionych kiedyś błędów i złych decyzji, „uleczenia się” z nich, z drugiej strony nawiązuje do samej Wenecji, która w wielu tekstach kultury przedstawiana jest jako miasto skazane na zagładę:

И Венеция – город, до известной степени обреченный. Можно назвать даже „Набережная обреченных”, если хотите. Хотя я совершенно не вкладывал в это никакого сверхъестественного смысла. Просто знаете, названия – они в некотором роде создают определенную атмосферу. И в общем, скорее важна атмосфера, нежели какой бы то ни было буквализм. [...] Дело в том, что, когда я это увидел впервые, подумал, что хотел бы что-нибудь написать с таким названием (Ākovič 17).

Nasuwa się wniosek, że Brodski zdecydował się wykorzystać nazwę ulicy *Fondamenta degli Incurabili* zanim obdarzył ją jakimkolwiek sensem. W rozmowie z twórcami filmu podkreśla przecież, że od znaczenia, symboliki toponimu ważniejsza była dla niego sama atmosfera, jaką on buduje, atmosfera będąca rezultatem „власти языка над сознанием”. Można pokusić się o stwierdzenie, że w ten sposób poeta daje do zrozumienia, że rosyjski i włoski czytelnik może sam dokonywać interpretacji tytułu eseju *Набережная Неисцелимых* (*Fondamenta degli Incurabili*), samodzielnie decydować, czy wskazuje on na dawnych mieszkańców Wenecji, którzy umierali w szpitalu *Incurabili*, na osoby nieuleczone z ideologii, które nie potrafią przyznać się do popełnionych w życiu błędów (Olga Rudge i Ezra Pound), na Wenecję, którą pochłonie niszczycielski żywioł wody, na duchową „nieuleczalność” autora czy może na czytelnika nieuleczalnie zafascynowanego twórczością poety lub „chronicznego turystę”, niestrudzenie poszukującego odpowiedzi na zagadkę *Nabrzeża Nieuleczonych*.

Nie ulega wątpliwości, że *Набережная Неисцелимых* stanowi często cel podróży lekturowych współczesnych rosyjskich intelektualistów. Dla jednych jest ona miejscem ważnym ze względu na związek z osobą poety Josifa Brodskiego (Lepski, Jakowicz), dla innych – ze względu na jej znaczenie dla kulturowego, literackiego obrazu Wenecji (Ippolitow, Margolis). *Набережная Неисцелимых* jest miejscem wyobrażonym, obszarem, na którym dochodzi do zetknięcia się geografii i literatury. Podróż do takiego miejsca umożliwia spojrzenie na tekst literatury z nowej perspektywy, otwiera drzwi do nowych interpretacji, które nie

byłyby możliwe bez doświadczenia przestrzeni fizycznej. To właśnie potwierdzają omówione teksty, powstałe pod wpływem przeżyć związanych z podróżą lekturową do Wenecji Brodskiego.

Bibliografia

- Ákovič, Elena. *Progulki s Brodskim i tak dalee. Iosif Brodskij v fil'me Alekseâ Šišova i Eleny Ákovič*. Moskva, Corpus (AST), 2017.
- Anciferov, Nikolaj. *Byl' i mif Peterburga*. Peterburg, Brokgauz-Efron, 1924.
- Anciferov, Nikolaj. *Duša Peterburga*. Peterburg, Brokgauz-Efron, 1922.
- Anciferov, Nikolaj. *Peterburg Dostoevskogo*. Peterburg, Brokgauz-Efron, 1923.
- Brodskij, Iosif. *Naberežnaâ Neiscelimyh*. Per. Grigorij Daševskij. Web. 11.04.2021. <https://knijky.ru/books/naberezhnaya-neiscelimyh>.
- Cohen, Erik. „A Phenomenology of Tourist Experience”. *Sociology*, 2 (13), 1979, s. 179–201.
- Foucault, Michel. „Inne przestrzenie”. Przeł. Agnieszka Rejniak-Majewska. *Teksty Drugie*, 6, 2005, s. 117–125.
- Ippolitov, Arkadij. *Tol'ko Veneciâ: obrazy Italii XXI*. Moskva, Izdatel'stvo KoLibri, 2015.
- Lepskij, Ůrij. *Brodskij tol'ko čto ušel*. Moskva, Iskusstvo XXI vek, 2020.
- Lotman, Ůrij. „Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda”. *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury: Peterburg*. Tartu, Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1984, s. 30–45.
- MacLeod, Nicola, Jennifer Shelley, Alastair M. Morrison. *The Touring Reader: Understanding the Bibliophile's Experience of Literary Tourism*. Web. 25.04.2021. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S026151771830030X>.
- Margolis, Ekaterina. *Veneciâ. Karantinnye hroniki*. Moskva, AST, 2020.
- Mednis, Nina. *Veneciâ v russoj literature*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1999.
- Nieszczerewska, Małgorzata. „Wyobrażenia”. *Kulturowe studia miejskie: wprowadzenie*. Red. Ewa Rewers. Warszawa, Narodowe Centrum Kultury, 2014, s. 187–221.
- „*Progulki s Brodskim v Venecii*” s Andreem Bil'žo. *Klub Putešestvij Mihaila Kožuhova*. Web. 20.04.2021. <https://mktravelclub.ru/master-class/prugulski-s-brodskim-v-venecii-s-andreem-bilzho>.
- Reijnders, Stijn. „Places of the Imagination: an Ethnography of the TV Detective Tour”. *Cultural Geographies*, 1 (17), 2010, s. 37–52.
- Rybicka, Elżbieta. *Geopoetyka: Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych „Universitas”, 2014.
- Smirnov, Gleb. *Metafizika Venecii*. Moskva, OGI, 2017.
- Soboleva, Ol'ga. *Venecijskij tekst v sovremennoj russoj literature: 1996–2009 gg. Dissertacii*. Permskij gosudarstvennyj universitet, 2010. Web. 29.04.2021. <https://www.dissercat.com/content/venecijskii-tekst-v-sovremennoi-russkoi-literature>.
- Toporow, Władimir. „Petersburg i tekst petersburski literatury rosyjskiej: wprowadzenie do tematu”. Przeł. Bogusław Żyłko. *Pamiętnik Literacki*, 2, 1991, s. 247–273.
- Watson, Nicola. *The Literary Tourist*. London, Palgrave Macmillian, 2008.

ROMAN SZUBIN

**„Чаемое будущее” и „идти вперед” –
категория будущего в научном творчестве
Михаила Михайловича Бахтина**

**“Desired future” and “going forward” –
the category of the future in the scientific works
of Mikhail Mikhailovich Bakhtin**

Abstract. In the article the scientific works of Mikhail Bakhtin are considered as one text with its own single metaplot. The motive of moving forward (“going forward”) is analyzed and treated as the basis of Bakhtin’s progressive outlook, his hopes for the future and for the dialogue in the Great Time. Attention is drawn to a specific period of the Russian thinker’s intellectual life, that is associated with the departure from the ideas of solipsism. The concept of “I – others” is considered a turning point and is compared with the Copernican revolution, which is carried out in the philosophical worldview of a Russian scientist and then transferred to the studies of the works of Fyodor Dostoevsky. It reveals, in particular, the philosopher’s gradual departure from individual reality and his approach towards personalism. The future for Bakhtin is a creative, active category that determines the present. At the same time it is noted that the forward movement as expressed by the Russian thinker is ambivalent and associated with the turn to the past and the source. Along the way the concepts of memory, the curvature of progress, the idea of historical inversion, etc. are also studied. Besides, Bakhtin’s criticism of the Enlightenment idea of progress, Western rationalism and humanism are mentioned. In this regard Bakhtin’s concept of the rebirth acquires great importance, in which, under the influence of movement towards the future, the past is updated.

Keywords: Mikhail Bakhtin, solipsism, future, progress, memory

Roman Szubin, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, szubin@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

Вступление. „Чаемое будущее”

Надежда в какой-то мере связана с будущим, приближая его к нам, делая его желанным, ожидаемым. В церковнославянском переводе Символа веры о надежде говорится, по всей вероятности, в 11 и 12 членах: „Чаю воскре-

сения мертвых и жизни будущего века” (*Simvol very*, электронный ресурс). А во всех опубликованных ныне произведениях Михаила Михайловича Бахтина архаизм „чаемый” встречается единожды: „чаемое будущее” в работе *Формы времени и хронотопа в романе* (Bahtin 3: 402)¹. Эта скрытая отсылка на сакральный текст в эпоху воинственного атеизма – работа датируется тридцатыми годами XX века – конечно, стилистически значима, однако имеет и смысловой потенциал, который мы постараемся раскрыть.

Почему „будущее” для Бахтина чаемое, какое будущее? Какое отношение имеет будущее к концепциям научного наследия Бахтина? Эти вопросы относительно категории будущего и стали предметом изучения в данной статье.

Кластеры. „Идти вперед”

Действительно, вспоминая даже самые яркие концепции, можно с уверенностью констатировать, что будущее – фундаментальная категория в философских исканиях Бахтина. Оно выражается своеобразно, в том числе в метафорах, фразеологии и коллокациях, ставших частью Бахтинского научного тезауруса. Одно из таких – „идти вперед”, „двигаться вперед”. Количественный анализ показывает, что эти выражения нечасто появляются в текстах, особенно в сопоставлении со словами *будущее*, *грядущее*, а именно: от 8% до 10%, но их появление стабильно и равномерно распределяется по всему объему текстов.

Более разнообразно выглядит презентация контекстов, связанных со словом „вперед”. Выделим крупные кластеры.

- (1) *Вперед* движется жизнь. Это связано с ощущением *жизни и настоящего* как целого, но незавершенного, открытого процесса становления, жизнь проявляется в свойствах текучести, движения, направленности (*вперед*).
- (2) *Вперед* обозначает открытое, незавершенное будущее, „смысловое абсолютное будущее” (Bahtin 1: 193), в перспективе которого происходит главное „событие бытия” и осуществляется нравственный поступок человека. Будущему принадлежит сфера целеполагания: „[...] не-бытие-еще, предметная, целевая заданность; его истоки впереди, но не позади, не в том, что есть, а в том, чего еще нет” (Bahtin 1: 208). Более того, именно будущему (выявленному через

¹ Здесь и далее – в целях создания представления о хронологии произведений Бахтина в семитомном московском издании, состоящем из 6-и томов и вышедшем в свет в разное время с 1997 по 2012 г., указываем не год выхода тома, а номер тома арабской цифрой, как это указано в самом томе: 1, 2, 3, 4 (I), 4 (II), 5, 6.

слово *вперед*) приписывается активная функция, будущее влияет на настоящее и способно изменить прошлое: „[...] свет будущего разлагает устойчивость и самоценность плоти прошедшего и настоящего” (Bahtin 1: 202).

- (3) *Вперед* обозначает активность человека, его несовпадение с самим собой, показывает направление выхода „меня” из „моей” наличности. Несовпадение с самим собой также фундаментальный мотив философии Бахтина. Не совпадая с самим собой, человек оставляет свою *личность* и выходит в сферу *подлинности*, обозначенной через направление вперед. В сознании Бахтина человек не может выйти из себя назад или в сторону, а непременно вперед; человек направляет „свою активность всю вперед себя” (Bahtin 1: 204), „я иду вперед себя” (Bahtin 1: 165). *Вперед*, т. е. в будущее, перемещается „центр тяжести самоопределения” личности, фундаментальное для данного периода понятие „я” опирается на „себя предстоящего”: „И чего бы я ни достиг в будущем, пусть всего раньше предвосхищаемого, центр тяжести самоопределения все же будет опять передвигаться вперед, в будущее, опираться я буду на себя предстоящего” (Bahtin 1: 197).
- (4) *Идти вперед* – значит „войти в горизонталь истории”. Приближение к будущему связано с освобождением *незавершенного настоящего* от вертикальных форм метафизики, средневековой культуры, ориентированной на отношения земля – небо, и с выходом в „горизонталь времени”. Настоящее наполняется ветром истории, становится историчным. Весь третий том московского собрания сочинений состоит из работ, посвященных становлению романа, а становление рассматривается как „непрерывное движение в реальное будущее” (Bahtin 3: 633).
- (5) *Идти вперед* – значит из культурного человека стать „историческим человеком”, а культурный процесс становится историческим, прогрессирующим. Вперед идет время, оно становится *прогрессирующей историей*. Прогрессивность истории опять-таки обеспечивается будущим. В устремлении вперед, в будущее, каждое новое поколение не повторяет себя, а растет.
- (6) *Идти вперед* – значит двигаться в *Большое время*. В поздний период творчества и переосмысления предыдущих концепций, Бахтин говорит о „большом времени”, где встречается прошлое и настоящее: „Я считаю, что у Достоевского будущее впереди” (Bahtin 6, 464). Категория будущего, „памяти будущего” как чистого направления развития заменяется категорией большого времени, „бесконечным и незавершимым диалогом, в котором ни один смысл не умирает” (Bahtin 6: 433).

Анализ кластеров показывает, что (1) *будущее* – всегда остается действенной и фундаментальной категорией философии Бахтина. (2) Семантическое наполнение категории будущего связано с крупными этапами развития исследовательской мысли Бахтина, в той или иной мере совпадающими с произведениями, сгруппированными в московском собрании сочинений 1997–2012 гг. (3) На фоне данного хронологического распределения кластеров выделяется существенный момент, определяющий коренной перелом в самосознании русского мыслителя, зафиксированный в первой редакции книги о Федоре Достоевском *Проблемы творчества Достоевского* (Ленинград, Прибой, 1929).

Коперниканский переворот Бахтина

По слову самого Бахтина, этот перелом можно назвать „коперниканским переворотом”. Сам Бахтин этим понятием ссылается на Иммануила Канта, описавшего и оценившего свой вклад в философию как коперниканский переворот. Бахтин же таким оборотом описывает фундаментальное изменение, произошедшее в творчестве Достоевского: „Достоевский произвел как бы в маленьком масштабе коперниканский переворот, сделав моментом самоопределения героя то, что было твердым и завершающим авторским определением” (Bahtin 2: 45).

Сергей Бочаров в статье *Бахтин – филолог: книга о Достоевском* одним из первых применил это понятие к оценке творчества Бахтина: „В книге 1929 г. он описал коперниканский переворот (по Канту), какой в мире Гоголя совершил Достоевский. Но и сам автор книги совершил свой коперниканский переворот в понимании Достоевского Вячеславом Ивановым” (Bocharov 465).

Анализируя суть переворота Достоевского, Бочаров остается максимально близким Бахтину, действует в рамках словаря и интерпретации Бахтина, как раннего, так и позднего. Вводя автора в „кругозор героя”, Достоевский в понимании Бахтина, наделяет его дополнительной рефлексией о себе как субъекте действия, который является „моментом самоопределения героя” (Bahtin 2: 45). В статье *Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie Священной истории* Бочаров, показывает, какую роль играет в этой рефлексии зеркало, в которое смотрится „первый герой Достоевского, Адам его нового мира” (Bocharov 212).

Но если Достоевский наделил своего героя самосознанием, то чем же наделил Бахтина Сергей Бочаров? Пытаясь обойти „лежащий камень полифонии”, центральной бахтинской концепции, Бочаров нащупывает собствен-

ную формулу: „Достоевского в Достоевском” (Воѡаров 467) искал и нашел Бахтин:

Человек в человеке – „внутренний человек”, центр бахтинских анализов, всюду имеющий направление к проникновению внутрь, по пути снимая внешние пласты, в том числе нанесенные толмачами-философами (Воѡаров 468).

Иначе рассматривает эту проблему русский герменевт Вардан Айрапетян. Он как раз попытался приподнять неподъемный камень бахтинской полифонии и сосредоточился на отношениях системы „я – другие”. Во фрагменте в321 *Другие* своего труда *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски* он пишет:

‘Другие’ (люди), ‘другой’ – это эгоцентрическое слово похоже на геоцентрические ‘восход’ и ‘заход’. А Бахтин сделался Коперником системы „я” – другие и так открыл первичное „чужое слово” [...] Бахтин и сам преодолел солипсизм („Достоевский преодолел солипсизм” [...]), ребяческую эгоцентричность (Aĵaretġn 211).

Обратим внимание на то, что, по мнению исследователя, Бахтин создавал свою полифоническую концепцию при помощи инструментария, принадлежащего заведомо противоположной системе – монологической, эгоцентрической. Слово ‘другой’, а также все эти псевдокантианские понятия „я-для-себя”, „другой-для-меня” и „я-для-другого”, действительно являются эгоцентричными, в них ‘я’ выделяется как центр притяжения, а ‘другой’ есть проекция ‘я’, но не собственно ‘ты’. То же самое можно сказать о „чужом слове”, имеющем пейоративные коннотации. Возможно, поэтому полифоническая система стала (вспомним Бочарова) лежачим камнем, под который не течет живая вода мысли.

По мнению Айрапетяна, переломный момент привел Бахтина к пониманию фундаментальной роли Другого, к перестройке сознания, ориентированного на чужое слово. Айрапетян связывает коперниканский переворот с преодоленной птолемеевой, эгоцентрической (звучит как геоцентрическая) системой взглядов Бахтина, выражением которой является „этический солипсизм”. Это понятие также восходит к Бахтину. В редакции 1963 года, в *Проблемах поэтики Достоевского*, Бахтин выразится более определенно: „Достоевский преодолел солипсизм” (Baĥtin 6: 114), полагая, что Достоевский преодолел „отъединенное «идеалистическое» сознание” (Baĥtin 2: 16); „солипсическую отъединенность сознания героя, его замкнутость в своем собственном мире” (Baĥtin 2: 16); „одинокость человека в мире” (Baĥtin 2: 353).

Однако вместе с тем Айрапетян вскрывает еще один слой в творчестве Бахтина. Если Бахтин невольно связал диалог, диалогическое сознание, доминанту *чужого* слова с гелиоцентрической, коперниканской системой, а монолог – со *своим* словом, то современный исследователь, углубляя такое понимание, связывает с геоцентрической системой эгоцентризм вообще, давая понять, что коперниканский переворот выражается в „отказе от эгоцентричности”, в „возврате „я” в других” (Ajrapetân д4254).

В свете этического солипсизма

Последние замечания показывают, что имеет смысл рассматривать ранние концепции Бахтина в свете до-коперниканского переворота. И действительно, такие категории художественной эстетики, как необратимость системы „я – другие”, „внеаходимость я”, „участное сознание” – все то, что составляет содержание работ *К философии поступка* и *Автор и герой в эстетической деятельности*, предполагают зачарованность модусом „неповторимой и единственной” личности, а также „событием бытия”, выражающимся в форме „этического солипсизма”. При этом этический солипсизм у раннего Бахтина это положительное, конструктивное понятие:

Интуитивно убедителен, во всяком случае понятен, может быть солипсизм, помещающий весь мир в мое сознание, но совершенно интуитивно непонятным было бы помещать весь мир и меня самого в сознание другого человека, который столь очевидно является лишь ничтожной частью большого мира (Bahtin 1: 118).

В частности, он пишет об этическом солипсизме Христа, выражающемся в „бесконечной строгости к самому себе человека, т. е. безукоризненно чистом отношении к себе самому” (Bahtin 1: 133).

В аспекте этического солипсизма, эгоцентричности-геоцентричности как раз рассматриваются первые три кластера о *будущем*. „Идти вперед” предполагает именно личную, субъектную устремленность к цели. Будущее, или вера личности в „абсолютное будущее”, разрушает понятие конца, не позволяет настоящему событию бытия, происходящему здесь и сейчас, завершиться, оформиться, закончиться. Будущее – это категория персонализма, стремиться к ней может только личность, „я”. Вполне возможно, что здесь наиболее ярко проявился прогрессизм Бахтина, но вместе с тем и инфантильность, эгоцентричность мысли, полагающей именно себя центром *внеаходимости* по отношению к *другим*.

Непрогрессивная роль прогресса

Работы, составляющие 3-й том собраний сочинений, отражают последствия коперниканского переворота Бахтина. В этой связи интересным представляется центральное понятие хронотопа и понятие историчности, в разрезе которых рассматривается становление жанра романа. Роман изучается в аспекте разрушения вертикальных, метафизических и неисторических форм сознания и в выходе в „горизонталь времени”, „горизонталь истории”, которые в свою очередь „мощно рвутся вперед” (Bahtin 3: 410) – о чем говорят кластеры 4 и 5.

Предпосылкой к этому опять-таки служит коперниканский переворот и обращение к теме народного творчества – *иному* измерению культуры. Новая установка русского исследователя на будущее получила определение „тела исторического, прогрессирующего человечества” (Bahtin 4 (I): 373; Bahtin 4 (II): 394). В отличие от раннего этапа мыслительства, в зрелый период прогрессирует уже не мысль личности, а родовое, коллективное тело народа. Именно „коллективная трудовая практика” и „коллективная трудовая борьба с природой” определяют „время продуктивного роста [...] максимально устремленное к будущему” (Bahtin 3: 456).

В бахтинском понимании именно коллективное сознание движется к будущему и именно его движение к будущему легитимно, в то время как официальная культура Возрождения и Нового времени, ориентированная на возрождение личности, создает утопические формы, занимается мифотворчеством. Только фольклорный человек, живущий в циклическом времени, идет вперед, он растет „за счет будущего”:

[...] человек рос за счет будущего, становился богатырем по сравнению с современными людьми („богатые – не вы”) наделялся невиданной физической силой, трудоспособностью, героизовалась его борьба с природой, героизовалась его трезвый, реальный ум, героизовались даже его здоровый аппетит и его жажда (Bahtin 3: 402).

Личность же в этот период рассматривается как явление деструктивное, индивидуальность не может быть точкой отсчета прошлого, настоящего или будущего. Тем самым Бахтин старается раскатать и обрушить целую интеллектуальную догму, на которой построено европейское представление о прогрессивности истории. Просветительский прогресс и ощущение историчности в конце XVIII века, по мнению Бахтина, зиждутся на мифотворческих установках, подменах и переоценке прошлого с позиций идеалов современности. Об этом ясно говорит целая глава в работе *Формы времени и хронотопа в романе* – „Проблема исторической инверсии и фольклорного

хронотопа”. Более того, „понимание прогресса просветителями” сводится к „борьбе гуманистического разума против феодально-абсолютистской не-разумности. Это понимание не исторично” (Bahtin 3: 229).

Юность будущего

Но как же совместить цикличность (замкнутый цикл) с понятием прогресса, с движением вперед? В порыве выйти из тупика Бахтин ухватился за новую категорию. Рост как форма движения и устремление вперед подменяет собой откровенно пропагандистский слоган „идти вперед”. К будущему устремлено родовое тело фольклорного человека, коллективное сознание постоянно обновляющегося народа. Здесь очевидным образом вертикаль роста и движение по горизонтали („идти вперед”) – эти две метафоры развития входят в очередную конфронтацию друг с другом.

И рост оказывается более прогрессивным, чем идея прогресса в плоскости исторической горизонтали. Циклическое развитие – рост; такое развитие никогда не совпадает с предыдущим витком. Поколения не повторяют себя, а растут: „Это – не юность животного, просто повторяющего юность предшествовающих поколений, это – юность растущего исторического человека” (Bahtin 4 (I): 424).

Интересно, что таким образом понимаемый прогресс – как рост – ведет к омоложению человечества, а не к его старению. Отметим, что бахтинское видение юного будущего расходится с представлением, сформированным в период *Спора древних и новых*, разгоревшегося с 1687 года в стенах Французской Академии. Как замечает Карен Свасьян, главным аргументом „новых” Френсиса Бэкона и Блеза Паскаля было ощущение того, что они старше античной древности: „[...] мы древнее древних, так как старше их по возрасту [...]” (Svas'ân 225). При таком подходе к прогрессу, когда „последовательность поколений подобна смене возрастов в жизни отдельного человека” (Paskal' 27), прошлое предстает незрелым – периодом детства, прогресс – накоплением знаний и воплощением истины, а будущее – зрелым и старческим (см. Paskal' 27; Bèkon 45–46).

От прямизны разума к кривизне памяти

В поздний период происходит переоценка безоглядного движения вперед. Если не будущее, то форма движения к нему теперь проблематизируется. Так, главный тезис бахтинского прогрессизма „идти вперед” звучит

глуше и полностью поменял контекст на противоположный: „вперед” стало означать уход от начал. „Разная оценка движения вперед: оно мыслится теперь как чистое, бесконечное, беспредельное удаление от начал, как чистый и безвозвратный уход, удаление по прямой линии” (Bahtin 5: 135).

Для Бахтина существенную роль начинает играть память. Если для прогрессивно ориентированного европейца, скажем, для Освальда Шпенглера, память (именно культурная, национальная память) была однозначным шагом назад и воспринималась как регресс по сравнению с европейским взглядом (в шпенглеровской оптике), жаждущим пространств и стремящегося к будущему, то Бахтин пытается вписать память в структуру своего видения будущего.

Роль памяти намного сложнее, чем только возвращение к предыдущему, чем только воспоминание о прошлом:

Память. Не прямая линия, дуга. Кривизна не пространства, а становления, кривизна всякого события, его смысла в отношении времени. Вытянуть в одну прямолинейную линию вперед нельзя без насилия и искажения. Оно идет в двух направлениях: и вперед и назад, как дуги круга оно в обоих направлениях прогрессивно, ведет вперед к концу-началу. Память и провиденье в этом смысле совпадают, поскольку они схватывают кривизну события (Bahtin 4 (I): 751).

В статье *Рабле и Гоголь* Бахтин уже основательно порывает с „примитивным” представлением о „каком-то прямолинейном движении вперед”:

Выясняется, что всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу („изначальность”), точнее, [обновлением] начала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его. – В приложении к языку такое возвращение означает восстановление его действующей, накопленной памяти в ее полном смысловом объеме (Bahtin 4 (II): 518–519).

Прошлое предстает прежде всего как обновленное, не застывшее и мертвое, а постоянно открытое: „Прошлое мира и человечества также бесконечно-конечно, как и его будущее [...]” – написал Бахтин в отрывке о Гюставе Флобере (Бахтин 5: 136).

Возрождение прошлого в будущем

Но как возможно взаимодействие прямизны и кривизны, оглядки в прошлое и движения вперед?

Вардан Айрапетян приводит в этой связи высказывания Николая Бахтина (1894–1950), старшего брата Михаила Михайловича. В статье *Вера и зна-*

ние более определенно говорится о существенной роли памяти как о начале подлинно прогрессивного движения – возрождения:

В духовной истории человечества всё значительное было создано не теми, кто сознавал себя продолжателями наличной традиции или зачинателями новой, но теми, кто умел связать себя с забытой, утерянной традицией прошлого, минуя, отвергая ближайшее (и это „ближайшее” может насчитывать тысячелетия).

„*Всякое подлинное творчество сознаёт себя не как начало или продолжение, но как возрождение*” (курсив автора – Р.Ш.) – так может быть сформулирован этот существенный закон. Ритм духовной истории человечества – ритм последовательных возрождений (Bahtin 4 (1): 176).

В работах позднего периода Михаил Бахтин борется с просветительской моделью интерпретации прошлого за счет будущего. Задача состоит в том, чтобы показать, что это будущее (и настоящее) следует интерпретировать за счет прошлого (памяти). Если использовать выражение современного философа Эриха Соловьева, ставшее названием его книги, можно сказать: *прошлое толкует нас*. Для Соловьева буквально „свет из прошлого” освещает настоящее:

И все-таки это *свет из прошлого* (курсив автора – Р. Ш.): благодаря усилию историка оно начинает толковать нашу жизнь. Тот, кого уже нет, выступает тем не менее в качестве живого участника диалога, в качестве исповедника, а иногда и пронизательного психотерапевта, который впервые сталкивает современность с ее собственной горькой правдой (Solov'ev 4–5).

Но Михаил Бахтин так не сказал и, думается, не мог сказать, он не был историком, который, по Василию Ключевскому, обречен на запоздалую догадку заднего ума, обречен на то, чтобы „знать настоящее с тыла, а не с лица” (Ključevskij 358), то есть настоящее в перспективе прошлого. Бахтин хотел видеть настоящее „с лица”, обращенного в будущее, вперед; для него опять-таки свет лился из *будущего*, вспомним метафору „память будущего”, относящуюся к докоперниканскому периоду: „Память есть память будущего для меня; для другого – прошлого” (Bahtin 1: 196). Память для него была смещена в сторону будущего, а не наоборот; это был тот свет, который он мог предвидеть. Даже говоря о прошлом (о культуре времен Рабле, античном и средневековом романе и т. д.), Бахтин соотносит память с *предвидением*, с *прозрением*, с будущим.

„Зримое время”

В движении памяти назад и вперед, очевидно, проявляется „умение видеть время”, при котором явления, связанные с прошлым и составляющие противоречивый момент развития эпохи, „раздвигают зримое время в бу-

дущее” (Bahtin 3: 292). Об этом *про-зреваемом* будущем сказано в работе *К роману воспитания*, в отрывке о Иоганне Вольфганге Гете.

Вот фрагмент из обширной цитаты:

Время прежде всего раскрывается в природе – движение солнца, звезд, пение петухов, чувственно-видимые приметы времен года, все это в неразрывной связи с соответствующими моментами человеческой жизни, быта и деятельности (труда) – циклическое время разной степени напряженности. Рост деревьев, скота, возрасты людей – видимые приметы более длительных периодов (Bahtin 3: 292).

По сути, Бахтин описывает пророческий дар художника. О будущем художник-творец судит по деревьям, растущим в его настоящем, о будущем (более глобально и отдаленно) говорят и социально-экономические противоречия настоящей эпохи. Противоречия, видимо, ключевое слово: „Эти противоречия с необходимостью раздвигают зримое время в будущее. Чем глубже раскрываются они, тем существеннее и шире зримая полнота времени в образах художника-романиста” (Bahtin 3: 292).

Однако Бахтин, скорее всего, имеет в виду не только художника-прорицателя, но исследователя, философа, мыслителя герменевтической складки, пытающегося увидеть себя, свое время в Большом времени, где ожидается „праздник возрождения”: „Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема большого времени” (Bahtin 6: 435).

Выводы

Исследование метафорических образований и научной фразеологии, изучение контекстов философского наследия Михаила Михайловича Бахтина создает ясную картину движения, изменения и ключевых понятий в перспективе категории будущего. Будущее, а также прогресс у Бахтина играют ключевую роль, однако способы движения к будущему меняются от периода к периоду. В эволюции философской мысли мы выделяем водораздел, в роли которой выступает так называемый „коперниканский переворот”, связанный с фундаментальным изменением взглядов русского философа. В силу этого докоперниканский период отмечен построением эгоцентрической философской системы с доминантой „я”. В посткоперниканский период доминанта в системе „я – другой” меняется, и на первый план выступают иные понятия: другой, коллективное и родовое тело, исторический человек. Таким образом, меняется способ достижения будущего и философское содержание прогресса: от откровенно пропагандистских слоганов „идти вперед” Бахтин

приходит к понятию роста, прозрения, предвидения будущего, возрождения. Абсолютным возрождением является категория „Большого времени”, только намеченная в поздних записках ученого. При этом становится понятно, что узреть время в будущем – это не только дар художника, но философа, исследователя литературы и культуры.

Библиография

- Ajrapetân, Vardan. *Tolkuâ slovo. Opyt germenevtiki po-russki*. Moskva, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 1. Moskva, Âzyki slavânskoj kul'tury, 2003.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 2. Moskva, Russkie slovari, 2000.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 3. Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2012.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 4 (1). Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2008.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 4 (2). Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2010.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 5. Moskva, Russkie slovari, 1997.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 6. Moskva, Russkie slovari, Âzyki slavânskih kul'tur, 2002.
- Bahtin, Nikolaj. *Filosofîâ kak živoj opyt. Izbrannye stat'i*. Moskva, Labirint, 2008.
- Bèkon, Frensis. *Sočineniâ v dvuh tomah*. T. 2. Red. Aleksandr Subbotin. Moskva, Mysl', 1978.
- Bočarov, Sergej. *Filologičeskie sùžety*. Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2007.
- Klûčevskij, Vasilij. *Sočineniâ*. T. 9. Moskva, Mysl', 1990.
- Paskal', Blez. *Traktaty. Polemičeskie sočineniâ. Pis'ma*. Per. s francuzskogo Oleg Homa, Sergej Dolgov. Kiev, Port-Royal, 1997.
- Simvol very. Web. 14.04.2022. <https://www.pravmir.ru/simvol-very/>.
- Solov'ev, Èrih. *Prošloe tolkuet nas. Očerki po istorii filosofii i kul'tury*. Moskva, Politizdat, 1991.
- Svas'ân, Karen. *Stanovlenie evropejskoj nauki*. Moskva, Evidentis, 2002.

JEZYKOZNAWSTWO

ELENA KORIAKOWCEWA

О гибридном словосложении в русском языке в эпоху глобализации

On the hybrid word-composition in the Russian language in the era of globalization

Abstract. The article describes in detail some derivational elements involved in the process of agglutination occurring in word-formation system of modern Russian, analyzing semantic and functional characteristics of these word-building elements. The comprehensive analysis of the collected hybrid derivatives shows that globalization and the Anglo-American ‘linguistic hegemony’ increased the productivity of international morphemes, penetrating into the Russian word-formation system through the mass media. Modern Russian language has been undergoing noticeable changes in word-formation models and in the inventory of actively productive derivational affixes. The following processes are noticeable: 1) resemantization and activation of international affixes; 2) development of new hybrid derivative models; 3) creation with the help of morphemes abstracted from composites new formally and semantically condensed nouns, which allows to notice an agglutination’s tendency.

Keywords: globalization, internationalization, word-formation, hybrids, compounding, international formants

Elena Koriakowcewa, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce – Polska, elena.koriakowcewa@uph.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0701-1506>

Введение

В современную эпоху тотальной интеграции в условиях „америкоглобализации”, осуществляемой с помощью „всемирного” английского языка, факторами, влияющими на развитие инновационных словообразовательных процессов, стали „глобанглизация”, информационная глобализация и социокультурная интерференция. Возрастание объема и скорости прохождения

информационного потока по каналам коммуникативной связи, „билингвоанглизация”¹, ослабление кодификационных средств речевого контроля, усиление тенденции к языковой экономии способствуют активному использованию заимствованных морфем при словопроизводстве и появлению многочисленных гибридных дериватов.

В рамках одной статьи невозможно показать, каким образом экспансия *Globish* (<*global English*) индуцировала возникновение множества гибридных неoderиватов, поэтому ниже будут представлены результаты структурного и семантического анализа лишь двух групп гибридных неoderиватов: 1) *nomina abstracta*, образованных путем безинтерфиксального сложения, 2) *nomina abstracta*, созданных с помощью словообразовательных элементов переходного типа (аффиксоидов и амфиксоидов²) -*бесие*, -*демия*, -*кратия*, -*мания*, -*фобия*, -*френия*. Цель автора данной статьи состоит в том, чтобы, учитывая контекстные условия функционирования этих гибридных *nomina abstracta*, выявить их структурно-семантические особенности, позволяющие судить о специфике проявления аналитизма в именном словообразовании современного русского языка. Результаты анализа гибридных неoderиватов – *nomina abstracta*, обозначающих новые лингвокультурные концепты, отражающие изменения в национально-языковом сознании, могут быть использованы также для определения тенденций формирования и семантического развития абстрактной лексики в условиях „глобанглизации” и социокультурной интерференции (ср. Mal'ceva 10).

Сбор материала для данной статьи проводился путем выборки из *Словаря русского языка коронавирусной эпохи* (Priemuševa 2021b), использовался также метод моделирования потенциально возможных лексем, которые затем аутентифицировались методом т. н. „снежного кома” с помощью поисковой системы „Yandex.ru” в ходе анализа комментариев к статьям о коронавирусной инфекции, опубликованным новостным агрегатором „Яндекс–Новости” с февраля 2020 по август 2021 года.

¹ *Билинговоанглизация* (см. Кабакчи 86) – развитие местно-английского билингвизма внутри локальных сообществ, в том числе славянских стран, вошедших в „расширяющийся круг английского языка”. *Глобанглизация* (<*глобальная англизация*) – термин Виктора Владимировича Кабакчи.

² *Амфиксоиды* (греч. *amphi* – в значении ‘дважды’) – словообразовательные элементы переходного типа, которые не имеют постоянного статуса, т. е. могут употребляться и как аффиксы, и как корневые морфемы (см. Činčlej; Tilembulova). В чешской лингвистике такие словообразовательные элементы принято называть суффиксоидными лексемами (*sufixoidní lexémy*, Janovec, Rangelová).

Гибридные неоконпозиты – *nomina abstracta*, образованные путем безинтерфиксального сложения

По мнению дериватологов-русистов, в последние два года в русском словообразовании активно проявили себя по крайней мере 20 моделей создания композитов путем аффиксоидации, блендинга и аббревиации, сложения без интерфиксов и с интерфиксами (см. Mineeva; Raciburskaâ; Rideckaâ). В ходе анализа новообразований, появившихся в 2020 году³, было установлено, что способ сложения во множестве его подвидов оказался самым активным и продуктивным (около 2500 единиц), причем наибольшей продуктивностью характеризуется безинтерфиксальное сложение, т. е. соединение в одно составное слово самостоятельных лексем по типу агглютинации, не сопровождающееся морфонологическими процессами.

Активность и продуктивность сложения без помощи интерфиксов – это результат успешной интеграции англоязычной аналитической деривационной модели в русскую словообразовательную систему. Неодериваты-компози́ты типа *арт-сессия*, *бизнес-конфликт*, *бизнес-леди*, *бизнес-партнерство*, *боулинг-центр*, *папа-школа*, *рок-певица*, *топ-модель*, *утоп-модель* ‘тот, кто чаще всего гибнет в воде’ появились в конце XX века, однако они были немногочисленны (см. Koriakowsewa; Ánovič). Во втором десятилетии XXI века, в т. н. коронавирусную эпоху, малопродуктивный способ агглютинативного соединения производящих основ настолько активизировался, что охватил своим действием абстрактные существительные. Так, в *Словаре русского языка коронавирусной эпохи* (Priemuševa 2021b), помимо адаптированных английских композитов типа *коронапокалипсис* (от англ. *coronapocalypse* < *corona* + *apocalypse*), *коронагеддон* (от англ. *coronageddon* < *corona* + *Armageddon*), фиксируется более двух тысяч гибридных композитов, созданных путем безинтерфиксального сложения, среди которых значительную часть составляют абстрактные существительные, имеющие бинарную структуру с начальными иноязычными компонентами *дистáнт-*, *зум-*, *карантáин-*, *ковáид-/COVID-*, *корона-*, *коронавáирус-*. Опорные компоненты безинтерфиксальных неоконпозитов являются либо собственно русскими, либо ранее ассимилированными *nomina abstracta*. Эти композиты, по форме напоминающие словосочетания, по существу представляют собой инкорпорантные комплексы – структурно-семантические конденсаты развернутых синтагм, созданные по заимствованной аналитической деривационной модели ‘существительное + абстрактное существительное’. Безинтерфиксальные

³ Источником языкового материала послужила публикация *Новое в русской лексике. Словарные материалы–2020* (Priemuševa 2021a).

неокомпози́ты – *nomina abstracta* являются семантически нерегулярными сложными словами, между основами которых устанавливаются предикативно-атрибутивные и сирконстантные отношения, ср.:

диста́нт (=дистанционное обучение) и *диста́нт-де́сант*, *диста́нт-дисциде́нтство*, *диста́нт-оптимі́зм*, *диста́нт-преподава́ние* и т. п. (о явлениях и деятельности в дистанционном режиме, т. е. с применением технологий, обеспечивающих связь на расстоянии);

зум (адаптированное заимствование *ZOOM* – название проприетарной программы для организации видеоконференций) и *зум-актíвность*, *зум-бесе́да*, *зум-бомбарди́ровка*, *зум-вещáние*, *зум-выступле́ние*, *зум-де́йство*, *зум-мі́тинг*, *зум-обсужде́ние*, *зум-обуче́ние*, *зум-обще́ние*, *зум-преподава́ние*, *зум-преступле́ние*, *зум-пья́нка*, *зум-репети́ция*, *зум-собесе́дование*, *зум-трансла́ция*, *зум-уста́лость* и т. п. (о явлениях и деятельности в дистанционном режиме, т. е. с применением технологии *ZOOM*, обеспечивающей связь на расстоянии);

карантíн (временная изоляция заразных больных, а также лиц, соприкасавшихся с такими больными) и *карантíн-актíвность*, *карантíн-зато́чение*, *карантíн-изоля́ция*, *карантíн-кри́зис*, *карантíн-наблюдéние*, *карантíн-опро́с*, *карантíн-прогрéсс*, *карантíн-сепараті́зм*, *карантíн-сканда́л*, *карантíн-снабже́ние* и т. п. (о явлениях и деятельности в условиях каранти́на);

кови́д (адаптированная аббревиатура *COVID-19* < *CO*rona*V*irus*D*isease 2019, обозначающая коронавирусную инфекцию) и *кови́д-абсурд*, *кови́д-анкеті́рование*, *кови́д-апока́липсис*, *кови́д-апроба́ция*, *кови́д-афе́ра*, *кови́д-барда́к*, *кови́д-безопа́сность*, *кови́д-безумие*, *кови́д-вакцина́ция*, *кови́д-вспышка*, *кови́д-выкрутасы*, *кови́д-геноці́д*, *кови́д-зараже́ние*, *кови́д-зати́шые*, *кови́д-защі́та*, *кови́д-изгна́ние*, *кови́д-изоля́ция*, *кови́д-инфици́рование*, *кови́д-исте́рика*, *кови́д-истері́я*, *кови́д-исцеле́ние*, *кови́д-катастро́фа*, *кови́д-колла́пс*, *кови́д-кошма́р*, *кови́д-летáльность*, *кови́д-лече́ние*, *кови́д-маскара́д*, *кови́д-мі́тинг*, *кови́д-молча́ние*, *кови́д-моше́нничество*, *кови́д-напряже́нность*, *кови́д-наруше́ние*, *кови́д-неопределе́нность*, *кови́д-обморок*, *кови́д-пани́ка*, *кови́д-паникёрство*, *кови́д-сканда́л*, *кови́д-сознание*, *кови́д-спя́чка*, *кови́д-стука́чество*, *кови́д-фаши́зм* и т. п. (о состояниях, явлениях и деятельности, каузированных распространением кови́да, т. е. коронавирусной инфекции);

корона ('коронавирус SARS-CoV-2; коронавирусная инфекция') и *корона-ажіота́ж*, *корона-ата́ка/ко́ронаата́ка*, *ко́рона-афе́ра*, *коронабе́дствие/ко́рона-бе́дствие*, *корона-безопа́сность/ко́ронабезопа́сность*, *коронабезрабо́тица/ко́рона-безрабо́тица*, *корона-безумие/ко́ронабезумие*, *ко́рона-блока́да*, *ко́рона-блоки́ровка*, *коронабу́м/ко́рона-бум*, *корона-бу́нт/корона-*

бунт, коронавакцинация/корона-вакцинация, корона-война/коронавойна, корона-глобализация, коронаглупость/корона-глупость, корона-грабёж, корона-дезертирство, коронадепрессия/корона-депрессия, коронадиссидентство/корона-диссидентство, коронажсáдность, коронажизнь, коронажульничество, корона-жуть, корона-заболеваемость, короназаболевание, корона-заговор/короназаговор, корона-зараза, корона-заточение, корона-истерика/коронаистерика, корона-истерия/коронаистерия, корона-катастрофа/коронакатастрофа, коронаконтроль/корона-контроль, корона-кошмар/коронакошмар, корона-крах, коронакризис/корона-кризис, коронамор, корона-мошённичество/коронамошённичество, коронапсихоз, корона-скандал/коронаскандал, коронатеррор/корона-террор, корона-тоталитаризм/корона-тоталитаризм, корона-ужас, коронафашизм, коронашок, корона-шуглерство и т. п. (о состояниях, явлениях и деятельности, каузированных распространением короны, т. е. коронавируса и коронавирусной инфекции);

коронавирус-диктатура, коронавирус-дискурс, коронавирус-игра, коронавирус-изоляция, коронавирус-кризис, коронавирус-мониторинг, коронавирус-политика, коронавирус-помощь, коронавирус-пропаганда, коронавирус-протест, коронавирус-тестирование, коронавирус-трагедия, коронавирус-тусовка, коронавирус-угроза, коронавирус-хаос и т. п. (о состояниях, явлениях и деятельности, каузированных коронавирусом и распространением коронавирусной инфекции).

Сопоставительный анализ фреквенции начальных компонентов *дис-тант-*, *зум-*, *карантин-*, *ковид-*, *корона-*, *коронавирус-* в интернет-текстах, проведенный с помощью поисковой системы „Яндекс.ру”, показал, что наибольшей продуктивностью характеризуются производные компрессаты *ковид-* и *корона-*, синонимичные ключевые термины периода пандемии, обозначающие коронавирусную инфекцию и коронавирус SARS-CoV-2. С помощью этих легко узнаваемых и воспроизводимых морфем-амфиксидов интернет-пользователи, комментируя блоги коронавирусной тематики на платформе Яндекс–Дзен, регулярно создают окказиональные пейоративные неоконпозиты – *nomina abstracta*, называющие и негативно оценивающие качественно сложные явления, свойства, действия, процессы и состояния, обусловленные распространением коронавирусной инфекции, ср.: *ковид-абсурд, ковид-беспредел, ковид-битва, ковид-бюрократизм, ковидвакханалия, ковид-война, ковид-дискриминация, ковид-диссидентство, ковид-измена, ковид-изоляция, ковид-катастрофа, ковидобман, ковид-осада, ковидпаранойя, ковид-провокация, ковидпротест/ковид-протест, ковид-сегрегация, ковид-фашизация; корона-беспредел, коронабешенство, коронабред, коронагеноцид, коронадурь, коронаподлость, корона-помешательство, коро-*

на-провокация, корона-сегрегация, коронасумасшествие, коронафашизм/ корона-фашизм, коронахаос/корона-хаос и др.

Всем вышеуказанным абстрактным неоконформам с начальными компонентами *дистант-*, *зум-*, *карантин-*, *ковид-*, *корона-*, *коронавирус-* присущи: а) общность способа словообразования, который состоит в безинтерфиксальном „сцеплении” двух существительных; б) цельноформленность; в) общность словообразовательного значения синтагматического типа, которое заключается в выражении атрибутивных, объектных, сирконстантных и родовидовых отношений в рамках сложного абстрактного понятия. В качестве основных причин создания этих безинтерфиксальных абстрактных неоконформов следует назвать: 1) необходимость в номинации новых явлений, свойств, действий, процессов и состояний, вызванных пандемией COVID-19; 2) замещение словосочетаний и перифрастических оборотов однословными наименованиями – согласно закону экономии языковых средств и усиливающейся тенденции к аналитизму; 3) развитие гипо- и гиперонимических связей в ментальном лексиконе русскоязычного сообщества (ср. Gabdreeva, Ageeva, Timirgaleeva 10).

Рост продуктивности безинтерфиксального сложения объясняется тем, что бинарные композиты, созданные по заимствованной аналитико-агглютинативной модели, в большей мере отвечают актуальным номинативным и коммуникативным задачам благодаря „компрессивности форм, ясности семантики и легкости ее восприятия, а также экспрессивно-эмоциональных характеристик” (ср. Ānko-Trinickaâ 259).

Гибридные неогермативы – *nomina abstracta* с аффиксальными терминологическими элементами *-мания, -патия, -фобия, -френия*

Этими же свойствами – компрессивностью форм, экспрессивностью и семантической насыщенностью характеризуются гибридные неогермативы – *nomina abstracta*, образованные с помощью метафоризированных интернациональных терминологических элементов греко-латинского происхождения *-мания, -патия, -фобия, -френия*. В узусе они широко используются метаязыком медицины, поскольку термины, созданные с помощью этих терминологических элементов, обладающих высокой понятийной точностью, способны давать значительную информацию о признаках психических расстройств и соматических болезней (Stoânova 124), например: *олигофрения* (от греч. *ὀλίγος* ‘малый’ + *φρήν* ‘ум, разум’), *психопатия* (от греч. *ψυχή* ‘душа’ + *πάθος (ια)* ‘страдание’), *хондропатия* (от греч. *χόνδρος* ‘хрящ’ + *πάθος (ια)* ‘страдание’).

Морфемные комплексы *-мания* и *-фобия* функционируют также в качестве самостоятельных слов, т. е. являются амфиксоидами. Терминоэлемент *-мания* (от др.-греч. *μανία* 'страсть, безумие, влечение') называет психопатологический синдром, который проявляется в болезненной внутренней сосредоточенности на ком- или чем-либо, сопровождаемой внезапными переходами от возбуждения к подавленности, ср.: *мания* 'состояние аномально повышенного уровня возбуждения, аффекта и энергии' (*мания чистоты*) и *клеттомания* (от греч. *κλεπτεῖν* 'красть', 'импульсивное воровство, немотивированное влечение к воровству, навязчивое стремление к кражам').

Терминоэлемент *-фобия/-fobia* (от греч. φόβος 'страх') обозначает аномальный, навязчивый страх в форме психоза, ср.: *фобия* 'устойчивое переживание излишней тревоги в определенных ситуациях' (,«Бесие» или *фобия*: амурский врач-психиатр рассказал о влиянии пандемии на сознание") и *акрофобия* 'боязнь высоты'.

В российских публицистических текстах, размещенных в Интернете, отмечены десятки окказионализмов, отрицательная коннотация которых обусловлена метафорической пейоративизацией и необычным стилистическим использованием терминологических элементов *-мания*, *-патия*, *-фобия*, *-френия*, их ненормативной комбинаторикой. Гибридные неодериваты – *potina abstracta*, образованные с помощью метафоризованного амфиксоида *-мания*, обозначают сильное, непреодолимое влечение, патологическое пристрастие к кому-, чему-либо, в то время как исходное значение *мания* – это 'болезненное состояние, характеризующееся концентрацией сознания, чувств на какой-либо одной идее'. Исходные значения терминов *-патия*, *-фобия*, *-френия*, называющих психосоматические и психические расстройства, трансформируются в пейоративные метафорические значения: *-патия*, *-френия* – 'пренебрежительно о психопатоподобном состоянии вызванном тем, кто (что) назван(о) мотивирующим словом'; *-фобия* – 'пренебрежительно о психопатоподобном непреодолимом страхе, вызванном тем, кто (что) назван(о) мотивирующим словом'.

Гибридные неодериваты, образованные путем присоединения этих медико-биологических терминов к онимам – фамилиям политических лидеров, указывают на психопатоподобное состояние членов социума, выражая иронию, скепсис, пренебрежительное недовольство теми, кто назван производящими основами: *байденомания* (ср. англ. *Bidenomania*), *ельциномания*, *зюганомания*, *обамомания* (ср. англ. *Obamomania*), *путиномания*, *сталиномания*, *трампомания* (ср. англ. *Trumpomania*), *путинопатия*, *сталинопатия*, *байденофобия* (ср. англ. *Bidenophobia*), *ельцинофобия*, *зюганофобия*, *путинофобия*, *сталинофобия*, *трапфофобия* (ср. англ. *Trumpophobia*),

меркелефрения, обамофрения (ср. англ. *Obamaphrenia*), *путинофрения, трампофрения* (ср. англ. *Trumpophrenia*).

В условиях пандемии COVID-19 с помощью терминологических элементов *-мания, -патия, -фобия, -френия* интернет-пользователи образовали отрицательно-оценочные гибридные дериваты, обозначающие психопатоподобные расстройства общественного сознания, которые провоцируются действиями властей, падением жизненного уровня населения России и массмедийным террором: *вакциномания, карантинномания, ковидомания, коронамания, пандемииомания, прививкомания, уколomanия; вакцинофобия, жижиофобия* (от *жижа* – в переносном, пейоративном значении вакцина Спутник-V), *карантинофобия, ковидофобия, коронафобия, пандемииофобия, спутникофобия* (от названия вакцины Спутник-V); *ковидопатия, коронапатия; вакцинофрения, вирусифрения, инфофрения, карантинифрения, ковидофрения, коронавирусофрения, коронафрения, куарофрения* (о психическом расстройстве, вызванном введением QR-кодов [куáр]), *маскофрения, пандефрения*. Ср., например:

Ковидомания – средство дезориентации и запугивания людей, превращения их в загнанных животных („Махпарк”);

От *карантинномании* – к *карантинофобии*? По дороге к обществу тотального карантина („EchoMSK–Блоги–Эхо Москвы”);

Страна перестраивается на карантинное мышление, люди представляют себя окруженными опасностью – формируется такая *карантинифрения* [...] На самом деле, тоже эпидемия, только не вирусная, а психологическая и социальная („Стихи.ру”);

[...] у меня *коронапатия, грустновирius, пандепечаль* („ВКонтакте”);

Необходимо признать, что уже сейчас в мире формируется и растет симптомокомплекс, направленный *вирусофобией* и *маскоманией*, причем они взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга. *Вирусофобия* усугубляет *маскоманию*, и наоборот, *маскомания* (число людей в масках) усугубляет *вирусофобию* („EchoMSK–Блоги–Эхо Москвы”).

Метафоризация интернациональных терминологических элементов *-мания, -патия, -фобия, -френия*, типичных для метаязыка психиатрии, привела к образованию нового типа гибридных экспрессивно-мутационных недериватов – *nomina abstracta*, обозначающих психопатоподобные состояния членов российского социума. Очевидно, что всплеск словообразовательной активности моделей с формантами (аффиксоидами и амфиксоидами) *-мания, -патия, -фобия, -френия* обусловлен ростом агрессивности общественного дискурса и усилением тенденции к употреблению сложносоставных слов. Метафоризированные аффиксоидные медико-биологические терминологические элементы,

указывающие на негативное отношение социума к психопатоподобным состояниям, вызванным тем, что названо производящими основами, дополнили реестр эмоционально-оценочных морфем современного русского языка, способствуя расширению границ как экспрессивного, так и компрессивного словообразования.

Гибридные неогериваты – *nomina abstracta* с формантами *-бесие, -демия, -кратия*

Компонент *-бесие* в структуре абстрактных существительных встречается уже в древнерусских текстах, где он использовался для перевода древнегреческого *μανία* (*-мания*): *гортанобесие* (в разных значениях, в том числе – ‘обжорство’), *женобесие* (‘женолюбие, похотливость’), *чревобесие* (‘обжорство’). До начала XIX века образование абстрактных существительных с помощью *-бесие* было малопродуктивным, но с 10-х годов XIX века этот суффиксоид активизировался; его оживление и

толчок к этому движению был дан распространением интернациональных терминов, содержащих во второй части *-manie*. [...] Усвоение русским языком слов вроде *метромания, балетомания* и т. п., вызвало к жизни иронический перевод *-manie* через книжно-славянское *-бесие* (ср. *беситься*) (Vinogradov 327).

Так появились *nomina abstracta* *итальянобесие, картобесие, книгобесие, кнутобесие, концертбесие, москвобесие, мракобесие, патриотбесие, плясбесие, славянобесие, стихобесие, франкобесие, чиновесие* и др. По замечанию Виноградова, „первая часть этих слов не вызывает никаких сомнений и затруднений, вторая же – воспринимается лишь как аффективный, резко отрицательный придаток, который напоминает о словах *беситься, бешенство* и т. п.” (Vinogradov 323). Очевидно, что структурный компонент *-бесие*, передающий отрицательную оценку обозначаемого явления, характеризуется более яркой экспрессивностью, чем его диахронический синоним *-мания* (греч. *μανία*, франц. *manie*).

С 10-х годов XXI века наблюдается очередной всплеск словообразовательной активности модели с исконным суффиксоидом *-бесие*, используемым для негативной оценки того или иного явления, события или действия. С его помощью образуются *nomina abstracta* как от исконных, так и заимствованных существительных, ср.: *водкобесие, налогбесие, пивобесие, победобесие, путинобесие, салютбесие, трудобесие* и *гаджетобесие, инстаграмбесие, интернетбесие, телевизорбесие, цифробесие, шоубесие, штрафбесие, экобесие*. Ср.:

Вирусобесие – попытка отработать новые технологии управления обществом (*Пульс планеты*, 25.03.2020);

Холеробесие, чумабесие, оспобесие, сибирскаязвеннобесие. А закрытия школ на неделю или продления каникул на некоторое время из-за вспышек ОРВИ в мое глубокое детство – это *ОРВИбесие* 1990-х! (*На берегах Шантары*, 14.05.2020).

Новообразованиями коронавирусной эпохи являются пейоративные *nomina abstracta*, выражающие протест против ужесточения правительственных мер борьбы с пандемией COVID-19: *баранобесие, дуробесие* (в значении ‘пандемия COVID-19, сводящая с ума дураков и баранов, т. е. тупых, безвольных людей’), *вакцинобесие, вирусобесие, ИВЛобесие* (о чрезмерном использовании аппаратов ИВЛ – аппаратов искусственной вентиляции легких), *карантинобесие, ковидобесие, коронабесие, корона-вирусобесие, куарбесие/куаробесие/QR-бесие* (‘о всеобщем бесправном введении QR-кодов’, от англ. Quick Response Code), *маскобесие, пандемобесие, прививкобесие, спутникобесие* (‘об ажиотаже вокруг вакцины Спутник-V’), *уколобесие*. Ср.:

Вообще после начала *баранобесия* я начал негров сильно уважать. Какое организовали *флойдобесие!* [подразумевается афроамериканец Джордж Флойд, убитый полицейским в Миннеаполисе в мае 2020 года – Е.К.] („ВКонтакте”);

Не могу не поделиться первоначальным ощущением от *ковидобесия*, которое сегодня переросло в весьма твердое убеждение: волна приходит и уходит, ковид, возможно, тоже уйдет, а вот *пандемобесие* – это уже навсегда („LiveJournal”);

[...] для *масочного мракобесия* придумали соответствующее название – *маскобесие* („Лайфхакер 15”);

Спутникобесие ради повышения статистики по „вакцинации” в действии. [...] *маскобесие* и *прививкобесие* – это рычаги подавления и страха („Шамбала”).

В отличие от гибридных *nomina abstracta*, образованных с помощью амфиксоидов *-мания, -фобия* и суффиксоидов *-патия, -френия*, гибридность дериватов типа *вакцинобесие, вирусобесие, гаджетобесие, инстаграмобесие, интернетобесие, ковидобесие, коронавирусобесие, куаробесие, пандемобесие, шоуобесие, экобесие* обусловлена не суффиксоидом *-бесие*, а производящими словами, иноязычными по происхождению. Частота употребления морфемного комплекса *-бесие* в интернет-дискурсе способствует его трансформации в самостоятельное слово, а следовательно, изменению его словообразовательного статуса: структурный элемент *-бесие* можно классифицировать как амфиксоид, ср.:

Бесие или фобия: амурский врач-психиатр рассказал о влиянии пандемии на сознание („Яндекс-Новости”);

Вот оно, *бесие*, во всей красе! („Завтра”);

Наилучший вариант для либерального *бесия*, дискредитирующего нашу Победу, – не праздновать День Победы, а признать поражение в Великой Отечественной войне. Одним словом – *пораженобесие!* („Русская народная линия”).

Активность и продуктивность морфемного комплекса *-бесие* в „новоязе” эпохи пандемии обусловлены как интралингвистическими факторами (тенденции к экономии речевых средств, к их экспрессивности), так и факторами экстралингвистическими (повышенная агрессия современного сетевого дискурса, угнетенное психологическое состояние российского общества, рост протестных настроений против информационно-террористических, „бесовских” атак под предлогом пандемии).

В последние два года в связи с пандемией COVID-19 в медиадискурсе актуализировался, а затем и автономизировался опорный компонент сложных слов *пан(демия)*, *эпи(демия)* (ср. греч. *πανδημία* ‘весь народ’, англ. *pandemic*; греч. *ἐπιδημία* ‘распространенный в народе’, англ. *epidemic*), превратившийся в суффиксоид *-демия* со значением ‘быстрое, широкое распространение того, что названо производящим словом’⁴. Словообразовательной активности суффиксоида *-демия* способствовала не только высокая частотность терминов *пандемия*, *эпидемия* в медийных текстах, но также калькирование английских неoderиватов *пландемия* (<„Plandemic”, название видеоролика и документального фильма), *твиндемия* (<*twindemic* – о сочетании двух эпидемий или пандемий, например гриппа и COVID-19), *инфодемия* (<*infodemic*), *фейкдемия/фейкодемия* (<*fakedemic*), обозначающих широкое распространение информации, в том числе недостоверной, о коронавирусной инфекции (ср. *пандемия фейковых новостей*, *эпидемия фейков – фейкодемия*).

В окказиональных неoderиватах типа *вакцинодемия* (об обязательной вакцинации от коронавируса), *маскодемия* (о мерах, связанных с обязательным ношением медицинских масок, т. н. масочном режиме), *гречкодемия* (о продуктовом буме – массовой закупке гречки), *паникодемия* (*фейковируса*), *спецдемия* (специально организованная властями пандемия), *страходемия* (=пандемия страха) структурный элемент *-демия* конденсирует в себе и актуализирует метафорическое значение слова *пандемия*, диагностирующее тревожное, стрессовое состояние российского общества, обусловленное коронавирусной действительностью.

⁴ В словаре аффиксоидов русского языка (см. Kozulina, Levašov, Šagalova) суффиксоид *-демия* отсутствует.

Новый суффиксоид *-демия* принял участие в регулярном словопроизводстве пейоративных окказионализмов – *nomina abstracta*, отражающих негативное отношение словотворцев к пандемии COVID-19 и тем, кто в нее верит, беспрекословно подчиняясь всем ограничительным мерам, вводимым властями РФ: *баранодемия*, *глуподемия*, *дебилодемия*, *дуродемия*, *лоходемия*, *маразмодемия*, *туподемия*, *фуфлодемия*, *шизодемия* ‘о пандемии коронавируса как заговоре против населения, спланированном правящими элитами, а также о реакции неумных людей на пандемию’. Производящие основы *баран*, *глупец*, *дебил*, *дурак*, *лох*, *тупица*, *фуфло*, *шиза́* являются инвективизмами: зоосемантическая метафора *баран* содержит грубую экспрессию презрения, в значениях производящих существительных *глупец*, *дебил*, *дурак*, *лох*, *тупица*, *фуфло*, *шиза́* заключена бранная оценка низкого уровня интеллекта и указание на психическую неполноценность. Соединение суффиксоида *-демия* с производящими основами личных существительных-инвективизмов способствовало созданию гибридных дериватов – *nomina abstracta*, обладающих сильной негативной экспрессией, которые обозначают сложные понятия о явлении, его широком распространении, а также о низких умственных способностях личности, воспринимающей данное явление (пандемию) как объективно существующее.

Слова с интернациональным структурным элементом *-кратия* (от др.-греч. *κράτος* ‘власть, правило’) типа *автократия* (греч. *autos* ‘сам’), *бюрократия*, *демократия*, *плутократия* (греч. *plutos* ‘богатство’), *технократия* достаточно давно употребляются в социально-политической терминологии.

Во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. по деривационной модели ‘существительное + формант-кратия’ был образован ряд новых *nomina abstracta*, в значении которых заключена негативная оценка называемых явлений: *геронтократия* ‘власть стариков’ (имеется в виду преклонный возраст советских партийных и правительственных лидеров); *охлократия* ‘власть толпы’ (в связи с ‘митинговой’ демократией конца 80-х гг. XX века); *партократия* ‘власть одной партии в бывшем Советском Союзе’; *секьюрикрания* (от англ. *security* ‘безопасность’) – ‘власть служб безопасности, секретных служб’.

В 10-е годы XXI века с помощью суффиксоида *-кратия* были созданы окказиональные *nomina abstracta*, в основном пейоративизмы: *бандократия* ‘власть банды коррумпированных чиновников’, *бандитократия* ‘власть бандитов’ (ср.: ‘бандитократия с элементами монархии’ – о форме правления в РФ), *бесократия* ‘о рыночной демократии в РФ’, *глобалократия* ‘власть глобальных элит’, *демонократия*, *дерьмократия*, *дьяволокрания* ‘о псевдодемократии в РФ’, *жлобократия* ‘власть жлобов, т. е. тупых, наглых скряг’, *наркократия* ‘власть наркодельцов, наркомафии’, *паразитократия* ‘власть социальных паразитов’, *подлократия* ‘власть подлецов’,

подонкократия ‘власть подонков’, *придуркократия* ‘власть придурков, т. е. глупцов’, *проститутократия* ‘власть политических проституток’, *путинократия* ‘власть президента В. В. Путина’, *сатанократия* ‘власть сатаны’, *содомократия* ‘власть содомитов’, *хамократия* ‘власть хамов’.

В новоязе эпохи пандемии COVID-19 с помощью интернационального суффиксоида *-кратия* были образованы гибридные абстрактные неодериваты *вакцинократия* ‘о власти тех, кто управляет вакцинацией населения’, *вирусократия*, *ковидократия*, *коронакратия* ‘о власти тех, кто управляет обществом под претекстом распространения коронавирусной инфекции’, *маскократия* ‘о власти производителей медицинских масок’, *медикократия* ‘о деспотичной власти медиков’, *экспертократия* ‘о власти проправительственных экспертов в области вирусологии’. Ср.:

Демократия (*дьяволократия*) закончится полным и повсеместным крахом, ибо уже ясно обнаружилась ее антихристианская, богоборческая, дьявольская сущность („Проза.ру”);

[...] школьные каникулы в условиях царящего сейчас по всей планете режима *коронакратии* („Международная ассоциация трудящихся”);

[...] вышли в „дивный новый мир” *пандемиократии* – бюрократического тоталитаризма, военно-полицейского произвола, искусственно нагнетаемой паники и стремительно наступающей нищеты („Beonlive”);

В случае пандемии COVID-19, когда обнажилась растерянность правительств, *экспертократия*, снабженная чрезвычайными полномочиями исполнительной власти, стала новой диктатурой („ВКонтакте”).

Гибридные неодериваты с суффиксоидом *-кратия* так же, как и гибридные *nomina abstracta*, образованные с помощью интернациональных медико-биологических аффиксоидных терминоэлементов *-мания*, *-патия*, *-фобия*, *-френия*, выполняя информативную и экспрессивно-оценочную функции, не только называют явления социальной действительности, но эксплицитно либо имплицитно их характеризуют.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

Анализ *nomina abstracta* – гибридных безинтерфиксальных неоккомпозигов и гибридных неодериватов, созданных с помощью морфемных комплексов *-бесие*, *-демия*, *-кратия*, *-мания*, *-фобия*, *-френия* – суффиксоидов и амфиксоидов, имеющих диффузный, переходный морфемный статус подтверждает тезис о том, что

[...] между словосочетанием и сложным словом, а также между сложным словом и простым словом есть много переходных случаев, как например, между словосочетанием с приложением и сложным словом из двух существительных без соединительной гласной, а также между сложным словом и простым словом с суффиксоидом или префиксоидом (Ânko-Trinickaâ 375);

Продуктивность безинтерфиксального сложения и словообразовательная активность метафоризированных терминологических элементов *-демия*, *-кратия*, *-мания*, *-фобия*, *-френия*, греко-латинских по происхождению, обусловлены не только усилением тенденций к интернационализации, интеллектуализации, экспрессивизации речевой коммуникации, но также тенденцией к развитию языкового аналитизма, который на словообразовательном уровне проявляется в виде агглютинативной техники соединения морфем, ведущей к их семантической и структурной дискретности в пределах производного слова (ср. Vidanov 12).

Агглютинативная техника соединения морфем в структуре неодериватов – *nomina abstracta*, вербализующих новые лингвокультурные концепты, в которых кодируется информация о ценностных установках современного русскоговорящего сообщества, в определенной степени отражает изменения в типе мышления и психологии восприятия современных русофонов, а именно: вытеснение линейного и парадигмального мышления агглютинативным синтезом, предполагающим склеивание разнородных элементов с целью создания образов называемых объектов.

Библиография

- Ânko-Trinickaâ, Nadiâ. *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom âzyke*. Moskva, Indrik, 2001.
- Ânovič, Elena. „Angloâzyčnyje leksičeskie zaimstvovaniâ kak slovoobrazovatel'nyj resurs sovremennoj russkoj reči (k voprosu o neologičeskikh tendenciâh razvitiâ âzyka)”. *Âzyki mira – v mir âzykov: mežvuzovskij sbornik naučnyh statej*. Vyp. 1. Red. Natal'â Nižneva. Minsk, Belarusskij gosudarstvennyj universitet, 2006, s. 71–81.
- Činčlej, Grigorij. „O statute temennyh morfem”. *Problema statusa derivacionnyh formantov*. Red. Boris Bartkov. Vladivostok, Dal'nevostočnoe otdelenie AN SSSR, 1989, s. 54–61.
- Gabdreeva, Nataliâ, Anastasiâ Ageeva, Ajgul' Timirgaleeva. *Inoâzyčnaâ leksika v russkom âzyke novejšego perioda*. Moskva, Flinta–Nauka, 2013.
- Janovec, Ladislav, Albenâ Rangelová. „Suffixoidy a suffixoidní lexémy u substantivních kompozit”. *Neologizmy v dnešní češtině*. Red. Olga Martincová. Praha, Academia, 2005, s. 85–99.
- Kabakči, Viktor. „Âzyk moj, kamo grâdeši? Globalizaciâ, «globanglizaciâ» i mežkul'turnaâ kommunikaciâ”. *Âzyk v paradigmatu gumanitarnogo znaniâ: XXI vek: sbornik naučnyh statej*. Red. Valeriâ Černâvskaâ, Suren Zolân. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet èkonomiki i finansov, 2009, s. 78–97.
- Koriakowcewa, Elena. „O slovoobrazovatel'noj gibrizaciji v èpohu «globanglizaciji» (na materiale russkoj i pol'skoj âzykov)”. *Linguodidactica*, 24 2020, s. 99–110.

- Koriakowcewa, Elena. „Slowotwórcze zasoby nowych stylów funkcjonalnych w językach słowiańskich”. *LingVaria*, 9 (1), 2014, s. 9–34.
- Kozulina, Nina, Evgenij Levašov, Ekaterina Šagalova. *Affiksoidy russkogo ázyka. Opyt slovarâ-spravočnika*. Sankt-Peterburg, Nestor-Istoriâ, 2009.
- Mal'ceva, Irina, Aleksandr Molotkov, Zinaida Petrova. *Leksičeskie novoobrazovaniâ v russkom ázyke XVIII veka*. Leningrad, Nauka, 1975.
- Mineeva, Zoâ. „Neologizmy èpohi pandemii, obrazovannye složeniem”. *Russkij ázyk koronavirusnoj èpohi*. Red. Marina Priemyševa. Sankt-Peterburg, Institut lingvističeskikh issledovanij RAN, 2021, s. 388–405.
- Priemyševa, Marina, red. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy – 2020*. Sankt-Peterburg, Institut lingvističeskikh issledovanij RAN, 2021a.
- Priemyševa, Marina, red. *Slovar' russkogo ázyka koronavirusnoj èpohi*. Sankt-Peterburg, Institut lingvističeskikh issledovanij RAN, 2021b.
- Raciburskaâ, Larisa. „Novye slovoobrazovatel'nye gnezda s «koronavirusnoj» leksikoj”. *Russkij ázyk koronavirusnoj èpohi*. Red. Marina Priemyševa. Sankt-Peterburg, Institut lingvističeskikh issledovanij RAN, 2021, s. 355–377.
- Rideckaâ, Ūliâ. „Suffiksoidy pandemijnogo vremeni: semantika, perehodnye morfemnye âvleniâ”. *Russkij ázyk koronavirusnoj èpohi*. Red. Marina Priemyševa. Sankt-Peterburg, Institut lingvističeskikh issledovanij RAN, 2021, s. 378–387.
- Stoânova, Inga. „Affiksoidaciâ kak sposob obrazovaniâ anglijskikh medicinskih terminov”. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki*. Taganrog, 2009. Web. 11.08.2021. [https://dereksiz.org/af-fiksodaciya-kak... obrazovaniya...t.html](https://dereksiz.org/af-fiksodaciya-kak...obrazovaniya...t.html).
- Tilembulova, Saltanat. *Transformirovannye kornevyje morfemy: na materiale russkikh prefiksoidov i ih analogov v anglijskom i kazahskom ázykah*. Avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskikh nauk. Volgograd, 2001.
- Vidanov, Evgenij. *Razvitie analitizma v sovremennom russkom slovoobrazovanii*. Omsk, Variant-Omsk, 2012.
- Vinogradov, Viktor. „Mrakobesie, mrakobes”. Viktor Vinogradov. *Istoriâ slov*. Moskva, Institut russkogo ázyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1999, s. 322–331.

Интернет-источники

- „Beonlive”, www.beonlive.ru.
- „EchoMSK–Блоги–Эхо Москвы”, www.echo.msk.ru.
- „LiveJournal”, www.fesalexander.livejournal.com.
- „ВКонтакте”, www.vk.com.
- „Завтра”, www.zavtra.ru.
- „Лайфхакер 15”, www.lifehacker.ru/kovid-neologizmy.
- „Махпарк”, www.mahpark.com.
- „Международная ассоциация трудящихся”, www.aitrus.info.
- „Русская народная линия”, www.ruskline.ru.
- „Стихи.ру”, www.stihi.ru.
- „Шамбала”, www.shambavedi.blogspot.com.
- „Яндекс–Новости”, www.yandex.ru/news.

EWA KAPELA

Иновации в русскоязычном публичном дискурсе (на материале обсуждения важнейших событий 2020–2021 гг. в электронных СМИ)

Innovations in the Russian public discourse (based on the discussion of the most important events of 2020–2021 in electronic media)

Abstract. The article describes the new words that appeared in the Russian language public discourse. They are connected with three political events that caused a wide public outcry: the All-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of the Russian Federation, protests in support of Sergei Furgal, the detained governor of the Khabarovsk Krai, and the poisoning of opposition leader Alexei Navalny. The research material was collected from online media from January 2020 to September 2021. It includes neologisms, neosemantisms, and new phrases, many of which are occasional. In the collected material there are innovations formed according to standard derivational models and words and phrases representing the product of wordplay, including lexical blends. The considered innovations, being a manifestation of democratization and carnivalization of public communication, perform not only a nominative function. Due to their novelty, unusualness, and expressiveness, they have an evaluative potential. These innovations often become a linguistic means of speech aggression. In addition, they reflect the current social and political events of concern to the society and the attitude of the linguistic community to what is happening.

Keywords: neologisms, public discourse, mass media, politics, Russian

Ewa Kapela, Uniwersytet Śląski w Katowicach, Katowice – Polska, ewa.kapela@us.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6215-9215>

„Специфика современной эпохи в жизни русского общества [...] не может не отразиться в языке”, – писала Елена Земская, обсуждая процессы словопроизводства в русском языке конца 80-х – начала 90-х гг. XX столетия (Zemskáâ 90). Слова ученого актуальны и сегодня. Двадцатый год XXI века год запомнится вспышкой пандемии коронавирусной инфекции, вызвавшей существенные изменения практически во всех сферах жизни человека и обогатившей национальные языки тысячами новых слов (ср.

Priemuševa 2021a, 2021b). Среди главных событий прошлого года, отразившихся в русском языке, наряду с пандемией можно назвать Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституции Российской Федерации, протесты в поддержку задержанного губернатора Хабаровского края Сергея Фургала или отравление оппозиционера Алексея Навального (Poláková, Tret'áková). Новая лексика, относящаяся к названным выше фактам внутренней политики России, стала предметом нашего интереса.

Лавинообразному появлению в языке новых слов, связанных с политическими событиями, способствуют, с одной стороны, сами резонансные события, а с другой – специфика нынешней коммуникации и особенности современной языковой личности. Нина Валгина справедливо отмечает, что

речевая деятельность нашего современника [...] все более и более становится проявлением [...] повышенной степени эмоционально-волевого состояния общества. [...] Активная жизненная позиция неизбежно стремится выразиться в действенном слове. В наибольшей степени это наблюдается при индивидуально-творческом подходе к словообразованию (Valgina 151).

Важно, что результаты этого инновационного словообразования не остаются в индивидуальном речевом пространстве. В силу возможностей, предоставляемых Интернетом, в особенности социальными сетями, рядовой гражданин становится активным участником публичного дискурса, отправителем сообщения, потенциально доступного для массового гетерогенного получателя. Именно этот фактор характеризует современный публичный дискурс, точнее ту его часть, которая реализуется посредством СМИ, – его адресантом может быть каждый желающий носитель языка, не только лицо, выполняющее какую-то публичную функцию (Laskowska), обладающее определенным социальным или профессиональным статусом и авторитетом в обществе (Voroncova 20).

Выборка лексики для нашего исследования произведена по материалам электронных СМИ: новостных сайтов, блогов (в основном блога передачи *Говорим по-русски* на сайте радиостанции „Эхо Москвы”), социальных сетей (прежде всего группы *Словарь перемен* в „Фейсбуке”) за период с января 2020 по сентябрь 2021 года. Она включает в себя как лексические и семантические, так и фразеологические новообразования, многие из которых имеют окказиональный характер. Данные инновации рассматриваются нами в тематических группах, что дает возможность строить предположения о способах восприятия определенных фактов языковым коллективом, об общественных позициях, ожиданиях и ценностных ориентациях, которые формируют дискурсивную картину происходящего.

Первая тематическая группа инноваций связана с голосованием по поправкам к Конституции Российской Федерации¹. В начале 2020 года Владимир Путин представил Государственной думе законопроект, в ходе обсуждения которого было внесено 206 поправок. Одну из них предложила депутат Валентина Терешкова. Благодаря этой поправке действующий глава государства может баллотироваться на следующих выборах. Закон о поправках был подписан президентом и положительно оценен Конституционным судом. Недовольные таким решением пользователи социальных сетей стали иронически именовать высший судебный орган *Конституционным зудом* и *Неконституционным судом*. Условием вступления в силу закона стало одобрение изменений гражданами во время общероссийского голосования 1 июня 2020 года².

Политологи и журналисты отмечали, что у действующего президента России „нет законных способов остаться руководителем страны после 2024 года” (Vasil'čuk), поэтому предложение изменить Конституцию и провести голосование вызвало широкий общественный резонанс. Сама инициатор соответствующей поправки к закону назвала этот процесс *сохранением Путина*:

Терешкова рассказала о благодарностях за „сохранение Путина”:

Я получаю огромную почту и каждое письмо начинается: „Спасибо за то, что вы сказали о сохранении Владимира Владимировича [Путина]”, – сказала Терешкова в эфире программы *Вести недели* на телеканале „Россия 1” („РИА Новости”, 15.03.2020).

В социальных сетях выделенному словосочетанию была придана стилистическая окраска, о чем свидетельствует вовлечение его в шуточные или негативно оценивающие высказывания и отсылка к процедуре госпитализации с целью сохранения беременности, ср.: *Положили на сохранение; Терешкова ложится на сохранение Путина; Поздравляем, у вас будет Путин! Но придется полежать в больнице на сохранении. В обычной мест не было, полежите в психиатрической.*

¹ Стоит сказать, что формулировка вопроса, вынесенного на голосование („Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?”) вызвала споры лингвистов: „Институт русского языка РАН предупреждал об ошибке в бюллетене голосования по поправкам” („Знак”, 26.06.2020); „Лингвист указала на отсутствие ошибки в бюллетене по поправкам” („РИА Новости”, 26.06.2020).

² Как объяснялось, из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки голосование длилось семь дней. Граждане получили возможность проголосовать заранее с 25 по 30 июня (так называемое „голосование до дня голосования”) „на территориях и в местах, пригодных к оборудованию для проведения голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах” (ЦИК РФ. Web. 10.09.2021). В те же дни проводилось дистанционное электронное голосование, в связи с чем в СМИ появился термин *электронная явка*.

Обсуждаемый оборот вызвал также ассоциации с Мавзолеем Ленина и стал поводом для шуток над возрастом автора этих слов:

Тут Валя собрала
с народа мнение
и в мавзолеем легла
на сохранение.

Другой рифмованный стишок, обыгрывающий описываемую неофразему, создан по образцу детской считалки: „Обнулись – не обнулись, дядя Вова, сохранись!” В нем употребляется также дериват от признанного словом 2020 года существительного *обнуление* (сокращение от *обнуление президентских сроков*). Данный неосемантизм стал активно использоваться в СМИ после предложения Терешковой „отменить ограничения по числу президентских сроков в Конституции” (Litvinenko). Таким образом, к трем устоявшимся значениям существительного *обнуление* добавлено новое, ср.:

1. действие по значению гл. обнулять, обнулить; приравнивание чего-либо нулю; присваивание нулевого значения чему-либо; 2. техн. приведение чего-либо в исходное состояние, сброс данных, показаний приборов и т. п.; 3. перен. уничтожение, стирание;
4. (с 2020 года) полит. жарг. пересмотр конституционных ограничений, позволяющий действующему главе государства вновь избираться на свой пост без учета прежних сроков (Wikislovar’); обнуление (в значении ‘самовоспроизводство’, ‘самоповтор’) политической конструкции (Arhangel’skij).

В качестве синонима к официальному определению *обнуление президентских сроков* придумано также пренебрежительное существительное *обнуляж* (Wikislovar’). Оно коннотативно и стилистически маркировано в силу звуковых ассоциаций с разговорными словами *холуяж* (сниж., холуйство, разг. ‘прислужничество, раболепство’, Kuznesov) или *подхалимаж* (разг. ‘подхалимство’, Kuznesov), ср. *Симуляж, холуяж, обнуляж... Юрий Болдырев о новом голом короле* („Свободная пресса”, 11.03.2020).

Неосемантизм *обнуление*, как социально значимое слово года, приобрел статус интернет-мема и широко используется в качестве основы для образования многих однокоренных слов, большинство из которых представляет собой контаминированные конструкции. Например, голосование по вопросу одобрения изменений в конституции названо *обнулендумом*, что может толковаться как ‘обнуление посредством референдума’ или ‘референдум с целью обнуления’.

В связи с тем, что измененный закон „аннулирует” прежние президентские сроки, пользователи Интернета придумали главе государства разнообразные прозвища как нейтральные и шуточные: *обнуляйтер, обнулидер*,

(вечный) *обнуленный*, *обнулёныш*, *ботоксный обнулёныш*, *нулевой президент*, так и экспрессивно-оценочные: *обнуленец* (возможная ассоциация с „управленец”, „самозванец”), *обнулянт* („обнуление”+„спекулянт”, „симулянт”), *обнулятор* („обнуление”+„манипулятор”), *обнулевиший* („обнуление”+„обнаглевший” или обценное „ох*евший”) и самое яркое *обнуило* („обнуление”+вульгаризм „х*йло”).

Неодериват *обнулянт*, от которого произведены многие наименования (например: *пересидент*³-*обнулянт*, *Путин-обнулянт*, *Вовик Сказочный обнулянт*, *г-н обнулянт*, *главный обнулянт*, *верховный обнулянт*), отсылает к записанной в конституции функции президента быть ее гарантом. После изменения основного закона главу государства назвали *обнулянт* конституции.

В Сети появились также экспрессивные звания, структурными компонентами которых являются существительные *нуль* или *обнуление* и наименования императоров, князей, политиков, а также героев художественных произведений, например: *Владимир Нулевой* (великий князь киевский Владимир I), *обнуляйтер Всея Руси* (отсылка к титулу русских великих князей и царей), *Обнуленин/ОбнуЛенин* (Владимир Ленин), *Нульсултан* (Нурсултан Назарбаев, почти 30 лет правил государством), *Обнулеон* (Наполеон), *обнулиссимум* (генералиссимум), *граф Обнулин* (*Граф Нулин* – поэма Александра Пушкина), *Владимир Обнуленский* (Владимир Ленский из романа *Евгений Онегин* Пушкина).

Многие из приведенных выше примеров представляют собой продукт контаминации. Носители русского языка „играют со словом, состязаются в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, острословии, оригинальности формы выражения” (Zemská 128). Результатом этой игры является также целый ряд языковых шуток, связанных с обнулением президентских сроков, в которых часто обыгрываются фраземы или прецедентные феномены, например: *обнулись*, *Всё нулём!*, *нулёво*, *Совсем обнулел?!*, *полный обнулец*, *обнулиард рублей*, *эксперты-обнулитики*, *острый обнулит*, *Нулентина Нулешкова*, *обнулень-трава*, *обнулясы точить*, *не обнуляются любя*, *обнулификация всей страны*, *Вперед, в обнулевые!*, *не больше двух обнулений подряд*, *обнулятина второй свежести*, *обнуляй и властвуй*.

Для неосемантизма *обнуление* характерны четкая „привязка” ко времени, частотность употребления, в том числе в сильных позициях текста (ср. заголовок *Госдума в первом чтении одобрила „обнуление” сроков Пути-*

³ Контаминант *пересидент* (пересидеть+президент) в 2020 году употреблялся в соцсетях и СМИ для наименования президента Белоруссии Александра Лукашенко (*Говорим по-русски*, 29.11.2020, „Эхо Москвы”). Данное слово зафиксировано в списке неологизмов 2014 года (группа *Неологизм года*, „Фейсбук”).

на, „Коммерсантъ”, 23.12.2020; *В России готовят „обнуление сроков” для губернаторов*, „Московский комсомолец”, 27.09.2021), деривационная активность, а также то, что он становится основой для языковой игры и методом языковой рефлексии:

В то же время „обнуление” как раз и отражает „специфику года”, и логика экспертного совета конкурса становится понятнее: обнуление включает в себя и физическое – в связи с пандемией – замирание жизни, ее новый отсчет, и одновременно – наше внутреннее, политическое обмирание-обнуление, которое притворяется единицей жизни. [...] Показательно, что официальные медиа о них [поправках] уже забыли, словно и не было ничего. То, что важнейшее событие политической жизни оказалось теперь намеренно забытым, также напоминает нам об обнулении общества, обнулении нравов и самой этики (Arhangel'skij).

Названные выше свидетельства позволяют считать *обнуление* „ключевым словом текущего момента” (Šmeleva).

Наблюдатели политической жизни в России комментировали и оценивали разные аспекты, связанные с изменением конституции. В языке публичного дискурса нашли отражение, например, следующие факты:

- сроки голосования, т. е. проведение референдума во время пандемии – *чумное голосование* (отсылка к крылатой фразе *пир во время чумы*, а также к *умному голосованию*, т. е. стратегии голосовать против кандидатов от партии власти);
- несоблюдение порядка принятия поправок к закону – *потешное голосование* (потешный ‘смешной, забавный’, Kuznesov), например: *Чумное и потешное голосование* (LiveJournal), *В Москве оппозиция призывает бойкотировать „потешное голосование” по поправкам в конституцию* („Newsbox24.tv”, 6.03.2020);
- непредусмотренная конституцией форма „общероссийского голосования”, в чем отдавала себе отчет даже глава ЦИК, назвавшая его *эсклюзивной, разовой, уникальной акцией*, ср.:

Памфилова предложила специальный термин для голосования по поправкам в Конституцию: „Я думала о терминах, чтобы не было путаницы. Давайте введем термин эксклюзивная, разовая, уникальная акция, чтобы не было путаницы, чтобы не было ссылок на действующее законодательство” („Интерфакс”, 23.01.2020).

Интернет-пользователи извлекли из высказывания Эллы Памфиловой еще одно эвфемистическое определение данного голосования – *не предусмотренное действующей Конституцией мнение народа*:

Принят уже этот закон, приняты поправки, уже сам по себе этот процесс легитимен. [...] И только можно отнестись с большим уважением к тому, что президент на этом не остановился, и его политическая воля и желание – услышать в данном случае не предусмотренное действующей Конституцией мнение народа („Открытые медиа”, 20.03.2020).

- порядок проведения голосования, т. е. возможность голосовать досрочно и вне избирательных участков – *голосование на пеньках*:

Она также рассказала, что голосование пройдет [...] на придомовых территориях и в населенных пунктах, где нет специальных помещений [...]. Для обозначения такого вида волеизъявления госпожа Памфилова предложила ввести в обиход термин „голосование на пеньке” („Коммерсантъ”, 09.09.2020).

- сомнения в достоверности результатов голосования – *плебейстыд/плебейцыт* (контаминация существительных „плебисцит”+„плебей”+„стыд”).

Изменение Конституции и все сопровождающие это мероприятия имели не только противников, но и сторонников/соучастников, что выражено в оппозитивных наименованиях, отражающих „идеологическое противостояние” (Ермакова 31): *запоправочники – антипоправочники* и *обнулянты – антиобнулянты*.

Вторая тематическая группа инноваций относится к обстановке на Дальнем Востоке. В июле 2020 года в Хабаровском крае начались митинги и шествия с требованием освободить задержанного губернатора края Сергея Фургала. Его фамилия стала производящей основой для многих слов (значения приводятся по следующим источникам: *Фургал, фургалю и буду фургалить*, „Эхо Москвы”, 26.07.2020; *Словарь Хабаровского края*, „Твиттер”, Vikislovar'; Pristajko 147, 155), например:

- глаголов *фургалить* ‘протестовать, митинговать, выходить на несанкционированные уличные акции, проводить мирную акцию поддержки’; *фургалировать* ‘митинговать’ (*Мы не митингуем, мы фургаллируем* – лозунг на плакате); *зафургалить* ‘арестовать’; *отфургалить* ‘проскандировать позор кому-либо’;
- агентивных существительных, обозначающих сторонников бывшего губернатора Хабаровского края: *фургаловцы*; *фургалёнок*, *фургалак*, *фургалист*, *фургаловец*, *фургалоид*;
- существительного *фургаломобиль*, обозначения микроавтобуса, ставшего одним из символов протестов в Хабаровском крае;
- прилагательных *постфургалский*, *постфургаловский*, относящихся ко времени после ареста Сергея Фургала и прекращения его полномочий в качестве губернатора Хабаровского края (с июля 2020 года);
- топонима *Фургаловск*, т. е. Хабаровск;
- словосочетаний терминологического характера: *фургалные доказательства* ‘неопровержимые доказательства, которых никто не видел’; *фургалное время* ‘12.00 в выходные, 19.00 в будни (время начала мирных акций протеста)’.

Стоит упомянуть, что в связи с событиями в Хабаровске обычное глагольное словосочетание *кормить голубей* получило новый смысл и стало завуалированным обозначением несанкционированного митинга в поддержку арестованного губернатора:

Акция анонсировалась за несколько дней: „В субботу идем на площадь кормить голубей”, – говорили жители Хабаровска. Фраза появилась несколько дней назад из-за большого числа птиц на площади Ленина [где проходили протесты – Е.К.], ее использовал, анонсируя митинг в Хабаровске и других населенных пунктах края, и популярный блогер Алексей Романов („Новая газета”, 18.07.2020).

Неофраза расширяет свое первоначальное значение и употребляется в СМИ как обозначение любого несанкционированного политического протеста, ср. следующие заголовки и подзаголовки:

„Кормим голубей”: в России проходят акции солидарности с хабаровчанами („Полит.ру”, 01.08.2020);

В Санкт-Петербурге кормили голубей за Хабаровск и Беларусь („Deutsche Welle”, 08.08.2020);

Несогласные объявили протестную субботу по всей стране. 1 августа граждан зовут кормить голубей и высказываться против поправок („Независимая газета”, 30.07.2020).

Следующая группа новообразований представляет собой вербальную реакцию на отравление, а потом задержание лидера оппозиции, главы Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального.

Оппозиционер и его действия не одобряются проправительственными политиками, поэтому фамилия Навального стала производящей основой собирательных существительных *навальятина* и *криптонавальята*, обозначающих его сторонников:

Первым тему сокращения партийных списков на региональных выборах поднял Зюганов, заявив, что с учетом нарастания протестных настроений есть риск, что в таком случае региональными депутатами станет „навальятина” – сторонники политика Алексея Навального („Ведомости”, 18.02.2021);

Ещё одно доказательство, что „криптонавальята” все ещё сидят в самых неожиданных местах („ВКонтакте”).

Можно предположить, что дериват *криптонавальята* появился в ответ на нейтрализацию отрицательной оценки существующего до сих пор наименования *навальята*, которое стало автономинацией сторонников оппозиционера (ср. Gantvarg).

Отыменный окказионализм *навальнятина* стилистически окрашен, так как он образован с помощью суффикса *-ятин(a)*, особенно продуктивного в разговорной речи и образующего слова „обычно с экспрессией неодобрения, отрицательной оценки: *кислятина, тухлятина, пошлятина, дохлятина*” (Švedova 178). Это подтверждает также контекст, в котором употребляется новое слово:

В КИРФ же убеждены, что за Навальным скрывается не только ненавистный Запад, но и одна из „башен” Кремля. В связи с этим лидер КИРФ Геннадий Зюганов потребовал проведения соответствующего расследования. „Надо выяснить, каким образом «навальнятину» готовили в лабораториях за кордоном и непосредственно у нас?” – задался вопросом Зюганов („Росбалт”, 26.01.2021);

Геннадий Зюганов: Наша навальнятина, гапоновщина, „пятая колонна” сейчас соберутся в кучу, чтобы бросить вызов стране („Красная линия”, 08.02.2021).

Ученые подчеркивают, что слова, производные от собственных имен лиц, „редко звучат нейтрально. Они получают положительную или отрицательную окраску в зависимости от политической ориентации субъекта речи” (Zemská 100).

Они всегда оценочны, „насыщены” отношением к обозначаемому имени. Причем оценки могут быть разными и зависят от того, кто создает слова – сторонники или противники именуемого. Но в большей своей части оценки все-таки отрицательные, часто с ироническим подтекстом, даже с насмешкой (Valgina 152).

Очередной интересный неологизм-компрессат *гульфигейт*, т. е. расследование об отравлении Навального, ставший уже мемом, употребляется в сильных позициях медийных текстов:

Гульфигейт. Навальный опубликовал разговор с тем, кто признался в попытке его отравления и не отрицал свою причастность к ФСБ. Это – политический Чернобыль („Новая газета”, 142, 2020);

Труссы Навального, или Как скандал стал мемом („Техподдержка RU”);

„Я/Мыл труссы Навального”. Только мемы – о „гульфиковой зоне”, которую все обсуждают уже второй день („Медуза”, 22.12.2020).

Неологизм создан по аналогии со словами *Путингейт, Моникагейт* или *Уотергейт*. Интернациональный суффикс, который передает родовое понятие „скандал” (Kogâkovseva 90), присоединен к существительному *гульфик*. Данное слово обозначает элемент мужских брюк или белья, в этом случае

трусов (вертикальный клин), где, как узнал сам Навальный, было помещено отравляющее вещество.

В связи с описываемыми событиями лидеру оппозиции присвоено название *гульфикфюрер/гульфик-фюрер* (*фюрер* – неологизм, ‘вождь’, Kuznesov), а поскольку политик выжил, появились также определения *нетрусовальный* и *недоотравленный*:

Гульфик-фюрер это наш недоотравленный блогер Навальный. Вы слышали, что немецкие СМИ, в частности Der Spiegel, осенью 2020 года удостоили Навального звания Oppositionsführer (фюрер российской оппозиции)? („Большой вопрос.ру”);

Надо стереть из памяти подлейшие оскорбления, которые выкрикивал гульфикфюрер в адрес ветерана („Telegram Analytics”).

В публичном дискурсе, причем не только в России, появился термин *Акт Навального*. Он образован по аналогии с *актом/законом Магнитского*⁴ и подразумевает составление списка лиц, которые должны подвергаться санкциям из-за причастности к отравлению политика:

Известный финансист, давний критик Кремля и глава международной кампании по продвижению „акта Магнитского” Билл Браудер потребовал от властей ЕС и США начать вводить персональные санкции против окружения Владимира Путина из-за ситуации с Алексеем Навальным. Euronews называет это „актом Навального” („Собеседник.ру”, 08.04.2021).

В русскоязычных социальных сетях приобрело популярность слово *рафаэлка*. Наричательное существительное стало ироничным наименованием главного редактора телеканала RT Маргариты Симоньян, присвоенным ей после того, как она заявила, что Навального не отравили, а у него просто случился гипогликемический криз, во время которого можно помочь себе чем-то сладким, например, конфетой „рафаэлка” („Московский комсомолец”, 21.08.2020).

Еще одним событием, которое взволновало общество, было рассмотрение вопроса о продлении срока задержания Алексея Навального во время заседания, которое проходило в отделе полиции, а не как положено в здании суда. По аналогии с неологизмом *голосование на пеньках* создан квазитермин *суд на пеньке/пеньках*, представляющий собой прагматически маркиро-

⁴ Закон/акт Магнитского – „[...] принятый в декабре 2012 года в США закон [...] вводящий персональные санкции в отношении лиц, ответственных за нарушение прав человека и принципа верховенства права в России. Назван по имени скончавшегося в тюрьме Сергея Магнитского. Изначально был направлен в первую очередь против лиц, подозреваемых в причастности к смерти Сергея Магнитского” („Википедия”. Web. 10.09.2021).

ванный синоним термина „выездное заседание суда” („выездное судебное заседание”), ср.:

„Суд на пеньке”. Почему сегодняшний арест Навального – очередной удар по российскому правосудию („Vot-tak.tv”, 18.01.2021);

Это суд на пеньках... Ой, то есть прямо в отделении полиции – персональный сервис для Алексея Навального. Ситуация дикая, но мемы смешные („Медуза”, 18.01.2021);

Суд на пеньках, вслед за голосованием („Радио Свобода”, 19.01.2021).

Интернет-пользователи также отмечали сходство данного судебного заседания с голосованием по поправкам к конституции: *А чего не в багажнике ментовоза?; Почему не на пеньке во дворе???*

В связи с описываемыми событиями в социальных сетях появилось определение *судья по вызову*. В силу аналогии с устойчивым эвфемистическим словосочетанием *девушка по вызову* (*call girl*) и отнесения к категории нормативности оно является ярко оценочным:

В России существует, оказывается, и третья древнейшая профессия. Судья. По вызову! („Обзор прессы @ruspolitika”, „Твиттер”);

Судья по вызову приехала в химкинский отдел полиции („Твиттер”).

Пользователи „Твиттера” соперничали в языковом творчестве, выражая отрицательную оценку аморального, по их мнению, поведения судьи:

[...] с пониженной социальной ответственностью у нас и спецслужбы, и прокуратура, судьи, милиция, авиадиспетчеры, врачи и т. д.

Судья с пониженной социальной ответственностью или просто проститутка.

Судья на час.

Есть такие, что переживали, что „Дом-2” закрыли, вот вам открыли новый, под названием „Суд-1”!

Суд над Навальным в отделении полиции символизирует место суда в путинской системе власти – девочки по вызову... (твит Михаила Ходорковского)

Проведенный обзор лексики, представляющей собой новообразования политического характера, подтверждает, что для современного публичного дискурса, реализующегося в Интернете, характерно изменение статуса адресанта, которым не является исключительно „речедеятель, обладающий

определенным социальным статусом, дающим «право на речь» (Voroncova 20). „Слово получает” любой пользователь Сети, в результате чего в данном дискурсивном пространстве не соблюдается официальный характер общения и не сохраняется интеллектуализированная речь, нет ограничений по отношению к теме общения и качеству языковых средств.

Рассмотренные новообразования, будучи проявлением демократизации и карнавализации публичного общения, выполняют не только номинативную функцию. В силу своей новизны, необычности и экспрессивности, они обладают сильным оценочным потенциалом, становясь нередко языковым средством речевой агрессии. На их стилистическую маркированность могут влиять образующие их морфемы, составляющие их лексические единицы, а также факторы прагматического характера.

В лингвокреативной деятельности интернет-пользователей заметна игровая составляющая: в собранном материале наряду с единицами, образованными по стандартным словообразовательным моделям, есть слова и словосочетания, представляющие собой продукт языковой игры, в том числе созданные путем контаминации. Такие языковые единицы выполняют также психологическую функцию, поскольку, как отметил исследователь комического Богдан Дземидок, юмор играет терапевтическую роль: он важен „для общественной психической гигиены как средство, способное разрядить недовольство, бессильный гнев, негодование и прочие подавляемые до поры эмоции” (Dzemidok 162).

Порождение большинства рассматриваемых окказионализмов является вербальной реакцией на происходящее и мотивировано желанием их авторов ярко выразить свое мнение. Ученые отмечают, что

словотворчество помогает разрушить известные стереотипы в жизни, поведении, во взглядах на политические события времени, помогает выразить эмоциональную оценку происходящего [...] Это способ обнародовать свое мнение, отношение, в каком-то смысле даже снять внутреннее напряжение (Valgina 153).

Елена Земская утверждает, что „окказионализмы нередко создаются для того, чтобы показать подлинную сущность того или иного явления” (Zemská 133). Если в восприятии носителя языка явление трактуется как новое, неожиданное, волнующее, то он пытается как-то осмыслить его, закрепить фрагменты личного или общественного опыта и сознания в языковых знаках.

Некоторые новообразования входят в активный словарь говорящих, тиражируются в СМИ, употребляются в сильных позициях медиатекстов и даже фиксируются в словарях. Большая часть описанных нами инноваций остается фактами речи и теряет актуальность вместе с породившими

их внеязыковыми событиями. Несмотря на чаще всего эфемерный характер подобного рода лексики, ее исследование признается важным и нужным. В окказиональных новообразованиях отражаются текущие социально-политические события, волнующие общество, а также отношение языкового коллектива к происходящему, позволяющее делать предположения об общественных ценностях.

Библиография

- Arhangel'skij, Andrej. „Udalilis' na obnulenie”. *Novaâ gazeta*, 141, 2020. Web. 06.09.2021. https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/18/88429-udalilis-na-obnulenie?fbclid=IwAR3KiRVWyxQE-zelPlmW2Yw8Ub6uq_iO_WZPQNW48LuNHWPRlPjb9ktUFn8.
- Dzemidok, Bogdan. *O komičeskom*. Per. s pol'skogo Svätoslav Svâckij. Moskva, Progress, 1974.
- Ermakova, Ol'ga. „Semantičeskie processy v russkom âzyke na rubeže vekov”. *Acta Neophilologica*, 8, 2006, s. 23–32.
- Gantvarg, Il'â. „«Naval'nâta» kak fenomen”. *Fontanka*, 24.03.2018. Web. 07.10.2021. <https://www.fontanka.ru/2018/03/23/145/>.
- Korâkovecva, Elena. „Nomina actionis s novymi internacional'nymi formantami v russkom âzyke èpohi postmoderna (v сопоставлении s pol'skim i češskim âzykami)”. *Studia Rossica Posnaniensia*, 35, 2010, s. 83–92.
- Kuznecov, Sergej, red. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo âzyka*. Sankt-Peterburg, Norint, 1998. Web. 07.10.2021. <http://www.gramota.ru>.
- Laskowska, Elżbieta. *Style dyskursu publicznego*. Web. 06.09.2021. https://www.ukw.edu.pl/jednostka/elzbieta_laskowska/artykuly.
- Litvinenko, Ūrij et al. „Tereškova predložila obnuliť prezidentskie sroki Putina”. *Vedomosti*, 10.03.2020. Web. 09.09.2021. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/03/10/824795-tereshkova-predlozhila>.
- Polâkova, Tat'âna. „20 glavnyh sobytij 2020 goda po versii Forbes”. *Forbes*, 13.12.2020. Web. 09.09.2021. <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/415053-20-glavnyh-sobytyj-2020-goda-po-versii-forbes>.
- Priemyševa, Marina, red. *Novye slova i slovari novyh slov – 2020*. Sankt-Peterburg, Institut lingvističeskih issledovanij RAN, 2021a.
- Priemyševa, Marina, red. *Slovar' russkogo âzyka koronavirusnoj èpohi*. Sankt-Peterburg, Institut lingvističeskih issledovanij RAN, 2021b.
- Pristajko, Tamara. „Deantroponimnye neoglagoly v russkoâzyčnoj internet-kommunikacii”. *Slavânskie čtenâ*, 14–15, 2020, s. 142–161.
- Šmeleva, Tat'âna. „Ključevye slova tekušego momenta”. *Collegium*, 1, 1993, s. 33–41.
- Švedova, Nataliâ. *Russkaâ grammatika*. T. 1. Moskva, Nauka, 1980.
- Tret'âkova, Marina. „Glavnye sobytiâ 2020 goda v Rossii i v mire”. *Parlamentskaâ gazeta*, 26.12.2020. Web. 09.09.2021. <https://www.pnp.ru/politics/glavnye-sobytiya-2020-goda-v-rossii-i-v-mire.html>.
- Valgina, Nina. *Aktivnye processy v sovremennom russkom âzyke*. Moskva, Logos, 2003.
- Vasil'čuk, Tat'âna et al. „Problema-2024, ili Politèkonomiâ četvertogo sroka”. *Novaâ gazeta*, 33, 2018. Web. 06.09.2021. <https://novayagazeta.ru/articles/2018/03/30/76001-problema-2024-ili-politekonomiya-četvertogo-sroka>.

- Vikislovar'. Web. 07.10.2021. <https://ru.wiktionary.org/>.
- Voroncova, Tat'âna. „O sootnošenii ponâtij publičnyj diskurs – âzyk SMI – publičnaâ reč'”. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 3, 2008, s. 17–22.
- Zemskaâ, Elena. „Aktivnye processy sovremennogo slovoпроизводства”. *Russkij âzyk konca XX stoletia (1985–1995)*. Red. Elena Zemskaâ. Moskva, Âzyki russkoj kul'tury, 2000, s. 90–141.

Интернет-источники

- „Deutsche Welle”, www.dw.com/ru.
- „LiveJournal”, www.viking-nord.livejournal.com.
- „Newsbox24.tv”, www.youtube.com.
- „Telegram Analytics”, www.tgstat.ru.
- „Vot-tak.tv”, www.vot-tak.tv.
- „Znak”, www.znak.com.
- „Большой вопрос.ру”, www.bolshoyvopros.ru.
- „Ведомости”, www.vedomosti.ru.
- „Википедия”, www.ru.wikipedia.org.
- „ВКонтакте”, www.vk.com.
- „Интерфакс”, www.interfax.ru.
- „Коммерсантъ”, www.kommersant.ru.
- „Красная линия”, www.rline.tv.
- „Медуза”, www.meduza.io.
- „Московский комсомолец”, www.mk.ru.
- „Независимая газета”, www.ng.ru.
- „Новая газета”, www.novayagazeta.ru.
- „Открытые медиа”, www.openmedia.io.
- „Полит.ру”, www.polit.ru.
- „Радио Свобода”, www.svoboda.org.
- „РИА Новости”, www.ria.ru.
- „Росбалт”, www.rosbalt.ru.
- „Свободная пресса”, www.svpressa.ru.
- „Собеседник.ру”, www.sobesednik.ru.
- „Твиттер”, www.twitter.com.
- „Техноподдержка RU”, www.tehpodderzka.ru.
- „Фейсбук”, www.facebook.com.
- „ЦИК РФ”, www.cikrf.ru.

DMITRII LUKIANOV

**Роль языковых средств при описании
польско-российских отношений в текстах,
посвященных теме Катыни (на материале
„Газеты Выборча” за период 1989–1999 гг.)**

The role of linguistic means in the description
of Polish-Russian relations in the texts dedicated to the topic
of the Katyn massacre (on the materials of “Gazeta Wyborcza”
in the period of 1989 to 1999)

Abstract. In order to form a certain image, media employ various linguistic means, such as metaphors, comparative structures, etc. Based on the material from “Gazeta Wyborcza” concerning the topic of the Katyn massacre, the present study attempts to reconstruct the image of Polish-Russian relations and decide what role the linguistic means used in the articles play in creating the discussed phenomenon. As a result the author concludes that there are two points of view about Russia presented in “Gazeta Wyborcza”. On the one hand, Russia is a criminal country and a debtor that cannot fulfil its obligations. On the other hand, Russia is a state that is open for cooperation and capable of helping. There are also two different points of view about the Polish-Russian relationships. As stated by some experts, Polish-Russian relations in the analyzed period are characterized as negative. According to the other opinions (prior to the 2022 war), these relations are getting better and perhaps will continue to improve.

Keywords: linguistic means, metaphor, lexeme, Polish-Russian relations, Katyn massacre

Dmitrii Lukianov, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, dmiluk@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4534-4806>

Роль языковых средств в публицистических текстах заслуживает пристального внимания исследователей. Использование метафор, сравнений, перифраз и других приемов „усиливает прагматический потенциал газетного текста, тем самым создается воздействие на адресата” (Lâpun 102). Одним из самых задействованных приемов, используемых в газетных текстах, является метафора.

Многочисленные исследования, проведенные на тему функционирования метафор в публицистическом стиле, указывают на то, что она является инструментом, позволяющим конструировать действительность под определенным углом зрения. Употребление метафоры становится выгодным для воздействия на сознание реципиента, поскольку ее свойства, основанные на механизме переноса значений из известных сфер деятельности человека на другие, как правило, менее известные, позволяют актуализировать нужные смыслы.

В данной статье мы рассмотрим материалы „Газеты Выборча”, посвященные теме Катюни, за период одного десятилетия (1989–1999 гг.), и на их основании изучим, как структурируется образ польско-российских отношений и какую роль в становлении данного образа играют языковые средства. Это позволит определить в том числе, как может восприниматься образ России в сознании читателей данной газеты.

Само слово *Катюнь* в польском языке обладает ярким коннотативным значением. Катюнь – это страшное преступление, совершенное против польского народа, несправедливость, предательство, кровь, ужас, замалчивание. Кроме того, *Катюнь* может выступать в метонимическом значении „люди, убитые в месте, обозначаемым данным словом”. Именно такие значения слова *Катюнь* являются значимыми и актуальными для носителя польского языка. Вследствие этого образ России структурирован в текстах статей негативно. Для того чтобы выяснить, насколько это предположение является правдивым, перейдем непосредственно к изучению материалов.

Метафора долга/задолженности

В примерах обнаруживается значительное количество метафор. Одной из самых частотных метафор в текстах „Газеты Выборча”, посвященных теме Катюни, является метафора долга/задолженности. Как известно, задолженность возникает при нестабильном финансовом положении, в этой связи употребление метафоры долга может создавать негативные ассоциативные связи: кризис, нелегкое время, недостаток. В свою очередь, такой ассоциативный ряд может характеризовать ситуацию в целом негативно. Кроме того, отрицательные черты могут быть приписаны участникам, которые состоят в долговых обязательствах. В данном случае важно учесть всевозможные актанты. Приведем в пример предложения, в которых моделируется ситуация долговых отношений.

- (1) Nasze uparte *domaganie się prawdy o Katyniu* nie jest dążeniem do odwetu ani też jątżeniem.
Jest *splatą długu* wobec *zamordowanych*, którzy sami dzisiaj nic o sobie powiedzieć nie mogą i którzy o swoje prawo dla dobrego imienia się nie upomną. Jest to także *dług* wobec pamięci o krzywdzie Polski.
- (2) Nie należy zapominać, że tak zwana racja polityczna, w imię której przemienialiśmy *Katyni* w tajemnicę, bo jedynie *dług sumienia*, za który *placą* udrękami moralnymi dzieci i wnuki.
- (3) Również wczoraj w gdańskim studiu TVP [telewizja] Lech Wałęsa mówił o stosunkach polsko-rosyjskich: – Przestaliśmy *rozliczać* za *Katyni*.
- (4) Nie należy *wystawiać rachunków* za *Katyni* potomkom ofiar Magadanu.
- (5) Kto komu ile *winien*.
- (6) *Prawda* o *Katyniu* *niezbędna* jest przede wszystkim nam.
- (7) Rosyjskie władze państwowe *nie czynią żadnych przeszkód* w poszukiwaniu polskich grobów na terenie Rosji. *Udzielają w tym wszelkiej pomocy*, podobnie jak i rosyjskie społeczeństwo, zwłaszcza organizacja „Memoriał”, której współtwórcą był Andriej Sacharow.
- (8) Rosjanie nie rozumieją także, dlaczego my *obarczamy ich odpowiedzialnością* za stalinowskie zbrodnie, których najtragiczniejszymi ofiarami były przez kilkadziesiąt lat ich rodziny.
- (9) *Rosjanie chcą uciec od odpowiedzialności* za zbrodnie komunizmu i stalinizmu.
- (10) W tym miejscu, w *Katyniu*, leżą ludzie, którzy bronili dobra. Zostali zabici przez *królestwo zła*, które lękało się ich i wartości, które reprezentowali.

Предикат *dług*, встречаемый в примерах 1 и 2, содержит в себе несколько переменных: „X должен Y отдать Z”; где X – тот, кто обязан/должен, Y – тот, кому должны, Z – то, что должен вернуть X. Рассмотрим, как реализуется данная формула в приведенных примерах. Нужно учесть тот фактор, что долговые обязательства возникают по какой-либо причине, и в связи с этим выделим еще одну переменную. Обозначим ее как Q (то, почему нужно вернуть). В наших примерах роль Q занимает *Катынь*. Отметим, что в отличие от переменных X, Y, Z переменная Q синтаксически выражена почти во всех случаях. В примерах 1–4 в качестве Q выступает слово *Катынь* в своем метонимическом значении „люди, убитые в месте, обозначаемым данным словом”. В примере 1 в роли Q уже непосредственно выступает слово *убитые* (*zamordowani*). В связи с тем, что данный актант почти всегда синтаксически выражен, это может свидетельствовать о том, что эта переменная является весьма значимой для авторов приведенных текстов.

Рассмотрим, как в текстах выражается актант Z (то, что должен вернуть X). В прототипической ситуации долговых отношений роль актанта Z могла бы быть занята платежными средствами, например, такими как деньги. В связи с этим обратим внимание на примеры 1, 6–9, в которых роль платежного средства выражена лексемами *prawda*, *pomoc*, *odpowiedzialność*. Важно заметить, что эти лексемы находятся в синтаксической связи со словами *do-*

maganie się, udzielać, obarczać. Как показывают результаты из Национального корпуса польского языка (*Narodowy korpus języka polskiego*), довольно часто с глаголами *domagać się, udzielić, obarczać* сочетаются слова, обозначающие платежные обязательства: *domagać się odszkodowania, nadpłaconych podatków, większych pieniędzy; udzielić pożyczki, kredytu, odszkodowania; obarczać/obarczyć kredytem*.

В свою очередь, это означает, что существительные, вступающие в связь с подобными глаголами, могут восприниматься как платежные обязательства. В нашем случае их роль заменяют, как уже отмечалось, лексемы *prawda, pomoc, odpowiedzialność*. Опираясь на понятия когнитивной метафоры, мы можем констатировать, что в данном случае происходит наложение знаний из области-источника (платежные средства) в область-мишень (правда, помощь, ответственность).

Итак, рассмотрение метафоры долга весьма существенно, поскольку благодаря ее изучению мы выявляем, что в сознании носителей польского языка формируется представление, согласно которому Катень является действием, за которое нужно расплатиться должнику. Такое представление позволяет сконструировать образ должника, обозначенного переменной *X*, отрицательно. Важно отметить, что переменную *X* занимает Россия. Роль должника приписывается российской стороне постольку, поскольку именно она несет ответственность за совершенные преступления. Так, например, в контекстах 8–10 при помощи лексемы *Rosjanie* и словосочетания *królestwo zła* выражается мысль, что именно российская сторона совершила преступление. Употребляя перифразу *królestwo zła*, автор данного контекста передает читателю информацию, что Россия – это страна, отождествляемая, в первую очередь, с чем-то отрицательным. Заметим, что в некоторых случаях актант *X* не всегда синтаксически выражен. В примере 1 мы можем наблюдать, что данный участник вынесен за границы предложения, однако, несмотря на отсутствие формального показателя, читатель так или иначе понимает, что российская сторона является ответственной за преступление, поскольку употребление слова *Katynь* в сознании поляков актуализирует информацию о виновности России по этому делу. Отсюда следует, что долговые обязательства возникают по причине совершенного преступления, в котором участник *Y* (Польша), является жертвой. Такое распределение ролей (Россия – преступник, Польша – жертва) способно укрепить в сознании отрицательное представление о России, а также противопоставить данных участников.

Кроме того, негативный образ России может складываться за счет употребления таких словосочетаний *uciec od odpowiedzialności, domaganie się prawdy, Rosjanie nie rozumieją*, свидетельствующих о том, что Россия не вы-

полняет своих обязательств, то есть не расплачивается за совершенное преступление. Таким образом, благодаря использованию приведенных словосочетаний удастся представить Россию в образе недобросовестного участника долговых отношений.

Важно обратить внимание на то, что образ России не всегда предстает в негативном ключе. Так, например, в предложении 4 значимую роль играет перифраза *potomkowie ofiar Magadanu*, наличие такого образного словосочетания указывает на то, что Россия тоже является пострадавшей стороной. В этом же предложении эксплицитно передана информация, что не следует требовать от России оплаты. Это означает, что Польша не считает Россию виновной или в полной степени виновной. Рассматривая предложение 7, мы отметим, что выстраивается положительное представление о России, поскольку используются такие словосочетания, как *nie czynią żadnych przeskód, udzielają wszelkiej pomocy*. Как видим, предложения 4 и 7 представляют Россию в положительном ракурсе. Таким образом, автор передает читателю мысль о том, что существует другой облик России, который отличается от облика преступника и, кроме того, это две разные непохожие друг на друга стороны России: одна – должник, совершивший преступление, вторая – такая же жертва, как и Польша. К тому же, вторая сторона России может быть помощником, готовым к сотрудничеству.

Метафора болезни

Рассмотрим метафору болезни, которая также используется при описании польско-российских отношений. Данную метафорическую модель мы выделяем за счет использования лексем *bolesny, rana, zatruwać*. Следует заметить, что на тему употребления такой разновидности метафоры имеется достаточно большое количество исследований (Szewczyk; Brożyna-Reczko; Sobieraj; Lâpun). Употребление метафоры болезни необходимо для того, чтобы представить описываемую ситуацию негативно. Так, например, Малгожата Брожина-Речко пишет: „Analizując wyrażenie metaforyczne, w których użyto chorób bądź zaburzeń psychicznych, można zauważyć, że ich główna funkcja polega na wzmocnieniu negatywnego obrazu danej sytuacji, zjawiska czy działania” (Brożyna-Reczko 359). Таким образом, использование слов, связанных с понятиями болезни, необходимо для того, чтобы охарактеризовать отношения между странами как отклоняющиеся от нормы, поскольку, как известно, болезнь в ценностной системе человека „ориентирована вниз” (Lakoff, Džonson 39). Как показывают примеры 11–13, именно катынское преступление здесь осмысливается как болезнь:

- (11) Zbrodnia katyńska była *bolesnym* cierniem w stosunkach polsko-rosyjskich.
 (12) Wracamy dziś do tej zbrodni w jej kolejną rocznicę nie po to, by *rozjątrzać rany*.
 (13) Zbrodnia katyńska *zatruiwała* stosunki polsko-rosyjskie.

Используя данную метафорическую модель, авторы данных текстов, могут создавать представление о том, что польско-российским отношениям свойственно состояние, напоминающее состояние больного человека. Важно, однако, заметить, что глаголы, используемые в предложениях 11 и 13, употреблены в прошедшем времени: *była*, *zatruiwała*. Это может означать, что так или иначе катынское преступление остается в прошлом и уже не является столь актуальным и существенным в настоящее время, то есть наличие глаголов *быть* и *отравлять* в прошедшем времени должно свидетельствовать о плохом состоянии польско-российских отношений в прошлом. Думается, что данные примеры в какой-то степени могут быть доказательством того, что не последнюю роль в проблеме, связанной с катынским преступлением, играет временной фактор. В данном случае прослеживается мысль, что в настоящий момент проблема Катыни для поляков уже не настолько серьезна, как раньше, и она уже не в такой степени ассоциируется с чем-то „болезненным”. На основании примеров 11 и 13 можно прийти к выводу, что выражение *время лечит* находит свое применение. В предложении 12, как видим, также используется метафора болезни, однако здесь эксплицитно выражается информация о том, что не нужно усугублять проблемы прошлого.

Другие типы метафор

Можно заметить, что в примерах 14–17 употребляются различные типы метафор, однако значимым здесь является тот факт, что используемые языковые средства в указанных предложениях позволяют передать информацию о достаточно сложном характере польско-российских отношений:

- (14) Nie należy też się spodziewać, że znajdziemy globalne *rozwiązanie* polsko-rosyjskiego *splotu*.
 (15) Rosjanie odrzucają takie oskarżenia. To *kość niezgody* między nami.
 (16) Natomiast dodawanie rachunków za historię do konkretnych rozliczeń finansowych, to droga donikąd.
 (17) W historii polsko-rosyjskich stosunków jest bardzo wiele *ponurych kart*.

Употребленные, например, в предложении 14 лексемы *rozwiązanie* и *splot* могут наталкивать читателя на мысль о том, что польско-российские отношения – это нечто запутанное, то есть существует некоторое сплетение, которое необходимо развязать. Это говорит о том, что в отношениях имеются слож-

ности/проблемы, и трудно найти им решение. Интересно заметить, что слово *rozwiązanie* в данном предложении может актуализировать два значения. Первое значение „rozplątać coś związanego na supeł” отсылает к метафоре „отношения – нечто запутанное”. Второе значение „znaleźć właściwe rozstrzygnięcie, wyjście z jakiejś sytuacji” обозначает, что существуют проблемы, которые требуют решения. Тем не менее автор выражает сомнение насчет того, что удастся справиться с проблемами. Данную информацию мы извлекаем из главной части предложения 14 *nie należy się spodziewać*. В предложениях 15–17 также содержится информация, что польско-российским отношениям свойственны трудности. К выражениям, способствующим выстраиванию такого образа отношений, относятся *kość niezgody, droga donikąd, ponure karty*.

Предложения со значением противопоставления

В материалах, посвященных теме Катыни, также обнаруживаются предложения со значением противопоставления. Так, например, в предложении 18 противопоставление реализуется при помощи антонимических словосочетаний:

- (18) *Katyń zamiast stać się faktem historii, faktem zbliżającym nasze narody we wspólnym duchowym przezwyciężeniu dramatu stosunków rosyjsko-polskich, faktem skłaniającym do oczyszczenia sumień, Katyń niczym pałaca tajemnica wciąż jeszcze pozostaje czynnikiem napięcia.*

Выражения *fakt zbliżający, fakt skłaniający do oczyszczenia sumień* противопоставлены выражению *czynnik napięcia*. Для создания противоположности в данном предложении служит союз *zamiast*. В словаре польского языка Витольда Дорошевского приводится следующая дефиниция для данного слова: „[...] wyraz oznaczający, że coś jest przez coś zastąpione – z uwypokowaniem zwykle kontrastu, sprzeczności z tym, co być powinno, czego można by się spodziewać, oczekiwać” (Doroszewski, электронный ресурс). Употребляя данный союз, автор предложения 18 передает мысль, что ожидания не оправдались, поскольку события закончились не так, как это предполагалось. Обратим внимание на то, что желательным является то, что описывается в первой части предложения. В ней используются лексемы *zblizać, duchowy, oczyszczenie*, благодаря которым можно сделать вывод, что автор заинтересован в том, чтобы отношения между Польшей и Россией улучшились. Однако, как известно, совершается то, что противопоставляется желаниям автора. Таким образом, сообщается информация о том, что отношения между двумя странами находятся в состоянии ухудшения.

Обратим внимание на следующее противопоставление, реализуемое в примере 19:

- (19) Dlatego tak wielkie moralne znaczenie miały wszystkie *kłamstwa kolejnych sowieckich rządów i dlatego też tak wielkie moralne znaczenie miały głosy tych Rosjan, którzy od lat mówili o zbrodni katyńskiej otwarciu*: Andrieja Sacharowa, Aleksandra Sołżenicyna, Wiktora Niekrasowa, Władimira Maksimowa, Natalii Gorbaniewskiej, Bułata Okudżawy. Dziś raz jeszcze wyrażamy tym ludziom podziękowanie i składamy im niski pokłon.

В данном случае роль противопоставления заключается в том, чтобы показать наличие двух сторон России: негативной и положительной. Для описания первой используется выражение *kłamstwa kolejnych rządów*, в свою очередь для второй употребляется выражение *od lat mówili o zbrodni katyńskiej otwarciu*. Иными словами, здесь выступает оппозиция „правда – ложь”. Заметим, что противопоставление также позволяет разграничить такие понятия как *советское правительство* и *русские*, тем самым выражается мысль, что данные понятия не идентичны. Необходимо обратить внимание на анафору в приведенном примере: *tak wielkie moralne znaczenie miały*. В связи с тем, что противопоставлены части предложения: в первой упоминается советское правительство, во второй упоминаются русские – можно предположить, что анафора служит для сопоставления действий власти с действиями обычных людей. При этом действия первых осмысляются негативно, действия других – положительно.

Предложения, в которых содержится информация об улучшении отношений между Польшей и Россией

Рассмотрим контексты 20–24:

- (20) Możemy oczekiwać, że jest to *początek nowej drogi* w naszych stosunkach wzajemnych. Na pewno *nie będzie ona łatwa*, musimy *oczyścić* nasze stosunki z balastu fałszu i zakłamania.
- (21) To *zapowiedź nowej jakości* w stosunkach polsko-rosyjskich.
- (22) Ujawnienie przez pana prezydenta Rosji prawdy o zbrodniach sowieckich na Polakach [Katyń] przywraca stosunkom Polaków i Rosjan *fundament prawdy* historycznej i *pozwała budować nowe zaufanie*.
- (23) Dekret w tej sprawie podpisany wczoraj przez prezydenta Borysa Jelcyna definitywnie *kończy* polsko-rosyjskie spory wokół Katynia.
- (24) *Krok do całej prawdy*.

Лексемы и словосочетания, используемые в этих контекстах, свидетельствуют о том, что, по мнению авторов статей, отношения между Польшей и Россией улучшились. Положительное представление формируется благодаря

использованию лексем *prawda, jakoś, zaufanie, pojednanie*. Обращает внимание на себя тот факт, что почти во всех приведенных примерах выражается мысль о том, что отношения находятся на начальном этапе, об этом, в частности, свидетельствует лексема *nowy*, которая употребляется в примерах 20–21. В свою очередь, начальный период не гарантирует того, что отношения в дальнейшем будут выглядеть подобным образом. Так, в примере 20 эксплицитно подается информация, что нужно приложить усилия для того, чтобы отношения в будущем также были хорошими. Такая информация выражается с помощью фрагмента *nie będzie ona łatwa*. Кроме того, начальный период, характеризующийся улучшением, означает, что ранее отношениям были свойственны трудности, от которых стоит избавиться. Такая мысль подчеркивается при помощи метафоры „отношения загрязнены”, поскольку, как видим, имеется фрагмент *musimy oczyścić nasze stosunki*, при этом заметим, что в роли чего-то грязного выступает *falsz, zakłamanie*. Таким образом, все приведенные в конкретном случае примеры говорят о том, что на данный момент нет полной уверенности в дальнейшем улучшении, однако так или иначе отношения приобретают иной характер, поскольку в них наблюдается развитие. Это в свою очередь доказывает, что образ польско-российских отношений конструируется положительно.

Выводы

Проанализировав материалы „Газеты Выборча”, посвященные теме Катynи за период 1989–1999 гг., мы можем констатировать, что относительно России и польско-российских отношений складываются два противоположных представления. С одной стороны, России приписываются отрицательные черты. Россия – это преступник, должник, не выполняющий своих обязательств. С другой стороны, Россия – это страна, с которой можно сотрудничать, и она готова оказать помощь. Также имеются две точки зрения на польско-российские отношения. Согласно первой точке зрения, польско-российские отношения находятся в ухудшенном состоянии, согласно другой точке зрения, отношения начинают улучшаться и, возможно, продолжают развитие в этом направлении.

В перспективах дальнейшего исследования следует взять во внимание аспект времени. Планируется изучить, как строится образ России и польско-российских отношений на материалах „Газеты Выборча” за период 2010–2019 гг. и выяснить, появились ли какие-нибудь изменения в сравнении с периодом 1989–1999. Предполагается также обратить внимание на то, какие языковые средства используются в более позднем периоде. Думается, что благодаря такому сравнению можно выявить, поменялась ли позиция СМИ относительно проблемы Катynи.

Библиография

- Boguslavskij, Igor'. „Tol'ko li u glagolov est' diatezy?“. *Voprosy ŕzykoznanjá*, 6, 2008, s. 6–28.
- Brożyna-Reczko, Małgorzata. „O metaforze choroby w polskim i angielskim prasowym dyskursie politycznym“. *Tekst i dyskurs – Text und diskurs*, 11, 2018, s. 351–369.
- Doroszewski, Witold, red. *Słownik języka polskiego*. Web. 29.07.2019. <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/lista>.
- Gazeta Wyborcza*. Web. 28.08.2019. <http://wyborcza.pl/0,0.html>.
- Kobozeva, Irina. *Lingvistčeskaâ semantika*. Moskva, Èditorial URSS, 2000.
- Lakoff, Dżordż, Mark Dżonson. *Metafory, kotorymi my živëm*. Per. Anatolij Baranov. Moskva, Èditorial URSS, 2004.
- Lâpun, Svetlana. „Metaforičeskaâ ocenočnosť v gazetnom tekste“. *Izvestiâ Űžnogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 1, 2008, s. 102–113.
- Mihalëva, Ol'ga. *Osnovy teorii komunikacii: specifika manipulâtivnogo vozdejstviâ v političeskom diskurse*. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 2009.
- Narodowy korpus języka polskiego*. Web. 15.07.2019. <http://www.nkjp.pl/>.
- Sobieraj, Katarzyna et al. „Walka o euro: metafory i ramy metaforyczne w informacjach prasowych na temat kryzysu w strefie euro“. *Tekst i dyskurs – Text und diskurs*, 8, 2015, s. 213–233.
- Szewczyk, Anna. „Funkcje metafor potocznych w tekstach prasowych o polityce“. *Oblicza komunikacji. T. 2. Ideologie codzienności*. Red. Tomasz Piekot, Marcin Poprawa. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009, s. 119–126.

VLADIMIR KLIMONOV

На пути к оптимальному структурированию системы видовых парадигм в русском языке

En route to the optimal structuring of the system
of the aspectual paradigms in the Russian language

Abstract. The author of this paper defines the aspectual paradigms of Russian verbs as such grammatical structures whose formal aspect is correlated with the conceptual one, therefore being its cognitive counterpart. With a view to analysing these paradigms he uses the theory of markedness as an analytic tool. According to it, the grammatical changes that occur in natural languages originate from general principles of naturalness which are typologically relevant. They result in morphological shifts that are linked to the verbalisation of Russian aspectual paradigms and allow to predict the direction of their development. In particular, the principle of natural grammatical development should be considered crucial. It means that the grammatical changes in natural languages cause elimination of marked elements, so that these more complex linguistic structures are replaced with less complex ones. Such a principle manifests an unconscious desire of language users to minimise their linguistic efforts, as it would place an additional burden on interpersonal communication.

Keywords: aspectual paradigms, markedness, naturalness, morphological systems, minimising linguistic efforts

Vladimir Klimonov, Humboldt University of Berlin, Berlin – Germany, klimonow@web.de, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1710-2356>

Введение: теоретические основы исследования

Предметом настоящего исследования является проблематика преобразований в системе видовых оппозиций (парадигм) русского глагола. В настоящей работе видовые парадигмы рассматриваются как грамматические структуры, в которых формальные структуры соотносятся с соответствующими им семантическими (концептуальными) структурами как их когнитивными аналогами. В качестве инструмента анализа принимается теория маркированности в естественной грамматике (см. Dressler et al. 1987; Wurzel 1984, 1994, 1998, 2001). Согласно этой теории грамматические изменения в мор-

фологических системах естественных языков детерминируются действием типологически релевантных принципов маркированности (принципов естественности/законов преферентности). Эти принципы объясняют исторически засвидетельствованные сдвиги в манифестации видовых парадигм в русском языке и предсказывают общую направленность в развитии аспектуальной системы русского глагола. Важное место в ряду таких принципов занимает принцип естественного грамматического развития (см. Wurzel 1994: 28–32). В соответствии с этим принципом грамматические изменения в языковой системе протекают в направлении устранения маркированных фрагментов посредством замены маркированных (т. е. более сложных) элементов языковой системы немаркированными (т. е. менее сложными) ее элементами. Этот принцип является частным случаем проявления заложенного в сознании человека прагматически мотивированного неосознанного стремления к минимуму языковых издержек, представляющих собой дополнительную нагрузку для языковой способности носителя языка.

Морфологическая маркированность основывается в естественной грамматике на семиотической сложности, т. е. на характере взаимного соответствия семантических и формальных элементов внутри слова как максимального морфологического знака (Wurzel 1998: 62–65). В соответствии с таким пониманием маркированности отношения маркированности между морфологическими единицами анализируются на трех уровнях: концептуальном (или морфосемантическом), формальном (или фономорфологическом) и на семиотическом уровне, на котором сопоставляются отношения маркированности формального и концептуального уровней.

На морфосемантическом уровне сопоставляются значения формальных показателей (маркеров) перфективного и имперфективного членов видового противопоставления (видовых корреляций или видовых парадигм) по степени их концептуальной сложности. На этом уровне перфективный член, обозначающий целостность глагольного действия [+ЦЕЛ] как совокупность всех фаз действия, а именно: начальной, срединной и конечной, с включением начальной и конечной границ действия, является более сложной (или маркированной) величиной по отношению к имперфективному члену, который обозначает нецелостное действие [_ЦЕЛ], т. е. только часть действия, а именно всего лишь одну фазу глагольного действия (некую срединную) с устранением начальной и конечной координат действия: [+ЦЕЛ] > [_ЦЕЛ] (читается как: целостное действие является концептуально более сложной величиной, чем нецелостное действие). Эта категориальная семантическая характеристика форм совершенного вида (СВ) и форм несовершенного вида (НСВ) лежит в основе любого видового противопоставления, т. е. является общей для всех типов видовых парадигм.

На фонеморфологическом уровне выделяются по формальным основаниям следующие типы видовых парадигм: парадигмы перфективации, парадигмы имперфективации (первичной и вторичной) и синкретические видовые парадигмы. В парадигмах перфективации типа *писать* – *написать* производный (мотивированный) перфективный член видовой парадигмы с приставкой как маркером СВ имеет больше морфологического материала, чем производящий (мотивирующий) имперфективный член, у которого отсутствует приставка: СВ > НСВ (читается как: формы СВ являются в фонеморфологическом отношении более сложными, чем соответствующие им формы НСВ). В парадигмах первичной имперфективации типа *дать* – *давать* и в парадигмах вторичной имперфективации типа *отдать* – *отдавать* производный имперфективный член, содержащий в своем составе суффиксы имперфективации (в данных примерах суффикс *-ва-*), является более сложным, чем соответствующий перфективный член, у которого отсутствуют суффиксы имперфективации: НСВ > СВ (читается как: формы НСВ являются в фонеморфологическом отношении более сложными, чем соответствующие им формы СВ). В синкретических видовых парадигмах типа *велеть* (СВ) – *велеть* (НСВ) перфективный и имперфективный члены видовых парадигм не отличаются друг от друга в фонеморфологическом отношении: СВ=НСВ (читается как: формы СВ формально совпадают с соответствующими формами НСВ).

На итоговом семиотическом уровне сопоставляются отношения маркированности в видовых парадигмах на морфосемантическом (или концептуальном) и на фонеморфологическом (или формальном) уровнях. В парадигмах перфективации типа *писать* – *написать* обнаруживается тождество (или изоморфизм) отношений маркированности концептуального и формального уровней: семантически более сложный перфективный член оказывается и формально более комплексным. Парадигмы такого типа считаются **иконическими**. Парадигмы первичной имперфективации типа *дать* – *давать* и парадигмы вторичной имперфективации типа *отдать* – *отдавать* характеризуются, напротив, прямо противоположной направленностью отношений маркированности концептуального и формального уровней. Семантически более простой имперфективный член оказывается здесь формально более сложным по сравнению с соответствующим перфективным членом. Таким парадигмам приписывается статус **контраиконических** видовых парадигм. В синкретических видовых парадигмах типа *велеть* (СВ) – *велеть* (НСВ) отношения маркированности концептуального и формального уровня находятся в противоречии друг с другом: перфективный член таких парадигм является более сложным, чем имперфективный член на концептуальном уровне, и тождественным ему по степени

сложности на формальном уровне. Синкретические видовые парадигмы именуются **неиконическими**.

Парадигмы перфективации как иконические структуры являются в когнитивном плане более простыми (т. е. немаркированными) с точки зрения нагрузки языковой способности носителя языка – по отношению к более сложным (или маркированным) парадигмам имперфективации (первичной и вторичной) как контраиконическим структурам и по отношению к синкретическим видовым парадигмам как неиконическим структурам. Они легче усваиваются и перерабатываются в сознании носителя языка, чем контраиконические и неиконические структуры, которые характеризуются дополнительной нагрузкой при восприятии языка и его порождении. При вербализации концептуальных структур (мыслительных единиц и операций с ними), имеющих форму ментальной репрезентации, говорящий производит отбор грамматических структур по степени их сложности (или маркированности). Предпочтение отдается при этом иконическим грамматическим структурам, которые характеризуются однонаправленностью (или изоморфизмом) отношений маркированности концептуального и формального уровней. Иконические языковые структуры обнаруживают минимальную когнитивную нагрузку языковой способности носителя языка, измеряемую в терминах ментальных усилий и времени обработки информации в мозгу человека. Оптимальность иконических структур объясняется их максимальным соответствием ментальным моделям (или когнитивным образцам). Грамматические структуры с разнонаправленными (т. е. неизоморфными) отношениями маркированности в семантической и формальной репрезентациях характеризуются соответственно дополнительной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка.

Понятие маркированности (или лингвистической сложности) оказывается тем самым сопряженным с понятием концептуальной сложности. Анализ концептуальных структур (или когнитивных образцов) предполагает в свою очередь обращение к ментальным процессам и лежащим в их основе психологическим и нейробиологическим механизмам обработки информации в мозгу человека.

Принцип изоморфизма маркированности в языке, сформулированный в 60-е годы прошлого столетия Романом Якобсоном (см. Jakobson 1971a, 1971b), является конститутивной характеристикой грамматической системы языка и одним из фундаментальных принципов ее организации. В современной лингвистике используются разные термины для обозначения этого принципа, а именно: диаграммный иконизм, диаграмматический иконизм, конструкционный иконизм.

Увеличение удельного веса иконических парадигм перфективации в системе видовых парадигм русского глагола

Согласно теории естественной грамматики грамматические изменения в языке протекают, как правило, в направлении увеличения удельного веса немаркированных (т. е. оптимальных) единиц языковой системы и соответственно в направлении уменьшения доли и, в конечном счете, полного устранения маркированных (т. е. неоптимальных) грамматических единиц. Отклонения от прогнозируемой направленности грамматических изменений в этой теории имеют свои основания. Такой подход к анализу преобразований видовой системы русского языка позволяет найти объяснение ведущей роли оптимальных иконических парадигм перфективации в процессе преобразований видовой системы русского глагола.

Оптимальные, а потому и преферентные **иконические** парадигмы **перфективации** вытесняют конкурирующие с ними неоптимальные **контраиконические** парадигмы **имперфективации**, а также неоптимальные **неиконические синкретические** видовые парадигмы.

Удельный вес оптимальных иконических парадигм перфективации в общей системе видовых парадигм современного русского языка постоянно увеличивается. В процессе обновления выразительных возможностей русского языка возникают параллельно к уже существующим приставочным глаголам **новые приставочные глаголы** с десемантизированными приставками, ср. *пролечить* наряду с *вылечить* и *излечить* (Glovinskaâ 193–196). Пополнение состава оптимальных парадигм перфективации происходит и за счет замены неоптимальных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *приготовить* – *приготовлять/приготовливать* оптимальными парадигмами перфективации типа *готовить* – *приготовить* (ср. *готовить*, но не **приготовлять* или **приготовливать* обед, уроки).

На базе контаминации одинаковых по значению исходных парадигм первичной и вторичной имперфективации типа *мьстити* (НСВ и СВ) – *мьщати* (НСВ) и *отъмьстити* (СВ и НСВ) – *отъмьщати/отъмьщавати* возникают парадигмы перфективации типа *мьстити* (НСВ) – *отъмьстити* (НСВ).

В конкуренции неоптимальных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *оштукатурить* – *оштукатуривать* и оптимальных иконических парадигм перфективации типа *штукатурить* – *оштукатурить* преферентными оказываются иконические парадигмы перфективации, которые в языковом употреблении вытесняют контраиконические парадигмы вторичной имперфективации.

Неоптимальные неиконические синкретические парадигмы типа *блокировать* (НСВ) – *блокировать* (СВ) в современном русском языке вытесня-

ются конкурирующими с ними иконическими парадигмами перфективации типа *блокировать* (НСВ) – *заблокировать* (СВ).

Преобразования такого типа свидетельствуют о действии тенденции к иконической, т. е. оптимальной организации системы видовых парадигм в современном русском языке. Можно говорить о поступательном развитии русской видовой системы на пути к ее совершенствованию.

Преобразования маркеров иконичности в процессе формирования и развития категории глагольного вида в русском языке

Самый древний из пластов формирования категории глагольного вида включает в себя двувидовые глаголы типа *пасти* (< **падти*) в древнерусском языке. По свидетельству Петра Кузнецова (Kuznesov 245–246) такие глаголы со значением СВ сохраняют значение НСВ вплоть до середины XIX в. В настоящем исследовании такие недифференцированные в формальном отношении глаголы рассматриваются как синкретические видовые парадигмы типа *пасти* (СВ) – *пасти* (НСВ). Таким парадигмам приписывается статус **нейконизма**.

Следующий этап развития категории глагольного вида связан с появлением собственно видовых оппозиций типа *пасти* (СВ и НСВ) – *падати* (НСВ). Парадигмы такого типа с суффиксом имперфективации *-a-* считаются **контраиконическими**. В процессе дальнейшего развития появляются приставочные глаголы типа *упасти*, замещающие бесприставочные глаголы типа *пасти*. Такие глаголы СВ образуют вместе с соответствующими им глаголами НСВ типа *падати* новые парадигмы перфективации типа *падати* – *упасти*. Парадигмы перфективации являются **иконическими**. Указанные типы упорядоченности семантических и формальных структур (иконические, контраиконические и нейконические структуры) рассматриваются в работе Владимира Климонова (Klimonov 129–131).

Грамматикализация глагольного вида и преобразования в системе видовых парадигм

Развитие видов происходит в направлении постепенной утраты нейтральных в видовом отношении глаголов и замене их однозначными в видовом отношении глаголами СВ и НСВ. В процессе грамматикализации глагольного вида, т. е. экспансии вида на всю глагольную лексику, русские глаголы получают вполне определенную видовую характеристику.

Ключевую роль при преобразовании старых видовых парадигм первичной и вторичной имперфективации в новые видовые парадигмы перфективации играет принцип взаимодозначного (однозначного) соответствия языковой формы и языкового содержания (Dressler 2003: 466, 471). Согласно этому принципу одно значение в идеальном случае должно кодироваться одним формальным показателем. Видовые парадигмы, удовлетворяющие этому условию, должны быть бинарными, т. е. они должны содержать только один перфективный и только один имперфективный члены.

Лексическое значение приставочного глагола *отъмьстити* с десемантизированным префиксом *отъ-* в составе парадигмы вторичной имперфективации *отъмьстити* (СВ и НСВ) – *отъмьщати/отъмьщавати* (НСВ) оказывается тем же самым, что и значение бесприставочного глагола *мьстити* в составе исходной парадигмы первичной имперфективации *мьстити* (СВ и НСВ) – *мьщати* (НСВ). В рассматриваемых парадигмах первичной и вторичной имперфективации одному глаголу СВ *отъмьстити* соответствуют 4 глагола НСВ, а именно: *отъмьщати*, *отъмьщавати*, *мьщати* и *мьстити*. Глагол СВ *отъмьстити* вступает в видовое противопоставление согласно принципу взаимодозначного соответствия языковой формы и языкового содержания только с одним из этих глаголов, а именно формально самым простым из них, немаркированным глаголом *мьстити*. Место старых многочисленных парадигм первичной и вторичной имперфективации занимает теперь новая бинарная парадигма перфективации *мьстити* (НСВ) – *отъмьстити* (СВ).

Перформативы в русском языке: значение и употребление

В этом подразделе на примере формы будущего времени совершенного вида (БУД СВ) рассматривается на синтагматическом уровне функционирование перформативных глаголов (или перформативов). К перформативам относятся глаголы речи типа *попрошу*, произнесение которых оказывается сопряженным с речевым актом, т. е. с реальным действием говорящего. Это отличает их от констативов, т. е. языковых выражений, называющих положение дел. Перформативы автореферентны: они называют действия и являются одновременно самими действиями. Перформативы обозначают осуществление (или реализацию) действия, являющегося содержанием перформативного глагола в момент речи. В славистике перформативы типа *попрошу* в русском и в других севернославянских языках рассматриваются как настоящее время СВ (НАСТ СВ) (перфективный презенс), тогда как в южнославянских языках их эквиваленты выражаются формой БУД СВ (перфективным футуром) (Vojvodić 27–30).

Перформативный смысл могут иметь в специальных контекстах и неперформативные глаголы. Так, глагол *закончу* в высказывании 1 с основным неперформативным значением употребляется в будущем времени, а в высказывании 2 тот же самый глагол в контексте актуального настоящего времени *на этом* (=hic et nunc ‘здесь и теперь’) приобретает перформативный смысл.

- (1) Вскоре я *закончу* запланированную работу.
- (2) **На этом** я и *закончу* свой доклад.

В примере 2 речь идет об окончании доклада говорящим в момент речи, т. е. о значении перфективного презенса. По своему значению форма перфективного презенса *закончу* оказывается в этом случае эквивалентной форме прошедшего времени СВ *закончил*.

В высказываниях 3 и 4 приводятся другие примеры, иллюстрирующие значение перфективного презенса.

- (3) Вы были тогда правы, **вот что** я Вам *скажу*.
- (4) Извините, пожалуйста, я Вас *перебью*.

В высказывании 3 презентное значение глагола *скажу* подчеркивается говорящим посредством употребления усилительной частицы *вот что*, указывающей на момент речи. В высказывании 4 выражается извинение говорящего за то, что он в момент речи прервал собеседника, не дав ему договорить. Глагол *перебью* в перформативном употреблении получает здесь значение перфективного презенса. Тем самым полностью исключаются футуральная интерпретация этого высказывания.

Перформативное значение обнаруживается у формы БУД СВ только в особых нестандартных (или маркированных) контекстах. В стандартных, т. е. немаркированных контекстах у формы БУД СВ выступает значение будущего времени СВ.

Библиография

- Dressler, Wolfgang. „Naturalness and Morphological Change”. *The Handbook of Historical Linguistics*. Red. Brian D. Joseph, Richard D. Janda. Malden, Blackwell Publishing, 2003, s. 461–471.
- Dressler, Wolfgang et al. *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam–Philadelphia, John Benjamin Publishing Company, 1987.
- Glovinskaâ, Marina. „Aktivnye processy v grammatike”. *Sovremennyy russkij âzyk: aktivnye processy na rubeže XX–XXI vekov*. Red. Leonid Krysin. Moskva, Âzyki slavânskikh kul’tur, 2008, s. 187–267.

- Jakobson, Roman. „Implication of Language Universals for Linguistics”. Roman Jakobson. *Selected Writings*. T. 2. *World and Language*. The Hague–Paris, De Gruyter Mouton, 1971a (1963), s. 580–592.
- Jakobson, Roman. „Quest for the Essence of Language”. Roman Jakobson. *Selected Writings*. T. 2. *World and Language*. The Hague–Paris, De Gruyter Mouton, 1971b (1965), s. 345–359.
- Klimonov, Vladimir. „Tendenciâ k optimal’noj organizacii sistemy vidovyh paradig v russkom âzyke”. *Studia Rossica Posnaniensia*, 43, 2018, s. 123–141.
- Kuznecov, Pëtr. „K voprosu o genezise vido-vremennyh otnošenij dreverusskogo âzyka”. *Trudy Instituta âzykoznaniiâ AN SSSR*. T. 2. Red. Viktor Vinogradov. Moskva, Akademiâ nauk SSSR, 1953, s. 220–252.
- Vojvodič, Dojčil. „Ëffektivnyj prezens ili ëffektivnyj futurum? (K voprosu o tipologii slavânskikh performativov soveršennogo vida)”. *Aspektual’naâ semantičeskaâ zona: tipologiâ sistem i scenarij diahroničeskogo razvitiâ. Sbornik statej V Meždunarodnoj Konferencii Komissii po aspektologii Meždunarodnogo Komiteta Slavistov*. Red. Mitsusi Kitadzë. Kioto, Tanaka Print, 2015, s. 27–33.
- Wurzel, Wolfgang. *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit*. Berlin, Akademie-Verlag, 1984.
- Wurzel, Wolfgang. *Grammatisch initiierter Wandel*. Bochum, Brockmeyer, 1994.
- Wurzel, Wolfgang. „On Markedness”. *Theoretical Linguistics*, 24 (1), 1998, s. 53–71.
- Wurzel, Wolfgang. „Ökonomie”. *Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*. Red. Jeroen Darquennes, Patience Epps. Berlin–New York, Walter de Gruyter Mouton, 2001, s. 384–400.

TETYANA KOSMEDA

**Ревизия классики украинской зарубежной лингвистики:
гендерная проблематика
в системе взглядов Юрия Шевелева
(на материале статьи *Über die Besonderheiten
der Sprache der Frauen*)**

**Reconsidering classical studies of Ukrainian foreign linguistics:
gender issues in Yuri Shevelev's edifice
(based on the article *Über die Besonderheiten
der Sprache der Frauen*)**

Abstract. It is typical of the modern linguistic study to reconsider the classical heritage, which makes it possible to observe the dynamics of linguistic processes and the movement vector of scientific thought, as well as to track the problems that still need to be solved nowadays. Such problems include linguistic genderology issues, in particular the description of female speech. In this regard, the little-known German-language research of Yuri Sherekh (Shevelev) *Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen* (1952), which outlines the specificity of female speech at almost all language levels, appears to be of great value. This piece of research remains relevant since it makes it possible to compare the female speech features from different historical periods as well as to rethink the data on the manifestation of conservatism, archaism, negative attitude towards assimilation processes, etc. in female speech, to see the dynamics of the female linguistic worldview and the development of femininity. It seems reasonable enough to state that Shevelev laid the foundation for: 1) a comparative study of gender issues based on the Slavic languages; 2) historical and dialectal gender linguistics of the Ukrainian language; 3) national Ukrainian linguistic genderology, manifested at the level of national linguistic consciousness; 4) the study of gender opposing linguistic worldviews; 5) considering the level manifestation of gender characteristics in linguistic systems.

Keywords: linguistic genderology, female speech, language levels, gender worldview, femininity

Tetyana Kosmeda, Vasyl' Stus Donetsk National University, Donetsk – Ukraine, tkosmeda@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8912-2888>

Современная полипарадигмальная лингвистика включает и проблематику лингвогендерологии, которая привлекает особое внимание исследователей с конца XX века. В начале XXI века гендерные исследования заметно акти-

визировались, в частности в Украине. Среди украинских лингвистов-гендерологов выделим Аллу Архангельскую, Наталию Бардину, Людмилу Васильеву, Елену Горошко, Елену Побережную, Людмилу Салионович, Оксану Синчак, Елену Семиколонову, Лесю Ставицкую, Татьяну Сукаленко, Галину Яворскую, Александра Холода. И этими именами список не исчерпывается.

Однако истоки теории лингвогендерологии прослеживаем в украинском языкознании еще в XIX веке, что отражено в наследии гения украинской нации, известного философа и писателя Ивана Франко (Kosmeda 2006; Salionovič), а в середине XX века – в трудах советского украинского лингвиста Леонида Булаховского (Bulahovs'kij; Kosmeda 2014) и его ученика Юрия Шевелева, известного под псевдонимом Юрий Шерех (Šerech 1952), продолжающего развивать харьковскую лингвистическую школу Александра Потєбни.

Цель этого исследования – представить ревизию основных постулатов теории гендерной лингвистики, отраженной в системе взглядов Шевелева и сжато описанной им в малоизвестной немецкоязычной статье *Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen* (Об особенностях языка женщин), опубликованной в 1952 году в журнале „Orbis” (Šerech).

Юрий Шевелев принадлежит к классикам украинского зарубежного языкознания. В последние годы его труды привлекают все больше внимания: осуществляется их тщательная ревизия и популяризация (см. подробнее Karunik). Названный исследователь, в частности, подчеркивал, что гендерная проблематика в 50-е годы XX века практически не разрабатывалась ни в украинском, ни в белорусском языкознании, однако, вслед за своим учителем Булаховским, он считал, что диалекты украинского и белорусского языков своеобразно отражают специфику женской речи, что исследователь и осветил в анализируемой статье.

Данная мысль в научных лингвистических работах того времени практически не была отражена, а если и высказывалась, то лишь фрагментарно, поскольку диалектологию восточнославянских языков исследовали при помощи историко-сравнительного метода исключительно под углом зрения проблематики истории языка. Шевелев попытался объяснить, почему отсутствовали работы, посвященные анализу диалектов украинского и белорусского языков в гендерном аспекте. Лингвист был убежден, что прежде всего „украинские и белорусские ученые в процессе исследования диалектов исходили из необходимости защищать право своих языков на статус самостоятельных” (Šerech 74), однако некоторые советские языковеды в трудах, касающихся украинского и белорусского языков, делали попытку доказать противоположное, т. е. отрицали самостоятельность украинского и белорусского языков, входящих в систему восточнославянской языковой группы. Такая точка зрения имеет место даже в начале XXI века. Напри-

мер, в учебнике *Введение в языковедение* авторства Александра Камчатнова и Наталии Николиной, более десяти раз переиздававшегося в XXI веке, высказывается точка зрения, отрицающая существование украинского и белорусского языков как самостоятельных. По мнению вышеназванных ученых, к восточнославянской языковой группе относится исключительно русский язык с четырьмя наречиями: *великорусским* (основные диалекты: северно-великорусский, южновеликорусский, западновеликорусский), *белорусским* (основные диалекты: северо-восточный, юго-западный, полесский), *червонорусским* (основные диалекты: галицкий, карпатский, буковинский) и *малорусским* (основные диалекты: среднеднепровский, слобожанский и степной) (см. Kamchatnov, Nikolina 185–195). Самостоятельность украинского и белорусского языков не подлежит сомнению и сегодня уже не требует доказательств, а отрицание их самостоятельного статуса связано с пропагандой „русского мира” (см. Kosmeda 2020).

Обладая большой лингвистической эрудицией, глубокими знаниями и высокой компетенцией, Шевелев входил в когорту наиболее авторитетных славистов XX века, что не изменилось и сегодня. Он занимался проблематикой гендерной лингвистики, которая только начинала входить в моду. Изучив научные разыскания, касающиеся проблем гендерной лингвистики украинских и белорусских лингвистов, опираясь на собственные наблюдения и исследования, ученый пытается выделить некоторые черты речи женщин. Языковед анализирует работы своих современников по диалектологии и делает профессиональные обобщения и предположения.

Во-первых, по мнению Шевелева, в исследованиях по диалектологии ученые едины в утверждении, что **диалектная речь женщин более консервативна, архаична, нежели речь мужчин**. При этом лингвист актуализирует утверждение Бориса Ясимирского, исследовавшего речь необразованных женщин, в частности тех, „сознания которых «не коснулась» цивилизация”, преимущественно неграмотных, не владеющих письменностью. Факт наличия в то время малограмотных женщин объяснялся их низким социальным статусом. Совершенно справедливо утверждалось, что необразованные женщины больше „привязаны” к своему дому. Это, естественно, преимущественно сельские жительницы. Они не путешествовали, не эмигрировали в чужие страны для поиска работы, на них никак не влияла городская культура, они не были военнообязанными, как молодые мужчины, и не находились на военной службе, меньше подвергались идеологическому влиянию. В частности, этим Шевелев и объясняет факт меньшей подверженности русификации речи женщин сравнительно с речью мужчин, что прослеживалось в советское время на территории Украины и Белоруси, входящих в состав Советского Союза.

Обращаясь к работам Петра Гладкого, изучавшего диалектную речь жителей села Блиставица и, собственно, заметившего, что мужская речь отличается от женской именно тем, что в ней более заметны следы русского языка, что прослеживалось не только в диалектной речи, но и в речи литературной, Шевелев выделяет **второй важный гендерный признак** языкового сознания женщин, основанный на первом, – **они меньше подвергаются ассимиляции, в частности русификации.**

В силу определенных социальных причин, т. е. тех функций, которые мужчины выполняли в обществе в отличие от женщин, мужская речь больше подвергалась влиянию чужих языков. Шевелев обращается к мнению других исследователей, подтверждая свою догадку. В частности, ученый цитирует фрагменты трудов известной украинской исследовательницы того времени Елены Курило, также отмечавшей, что мужская речь белорусской деревни Хоробрицы, исследуемая ею, отличается от женской речи значительно большим влиянием на нее русского языка.

Шевелев считает, что разыскания ученых сосредотачивались прежде всего на фонетических признаках разговорной речи, особенностях произношения, в частности, при рассмотрении степени использования **аканья** было замечено, что оно больше распространено в направлении от центра Беларуси на ее юг. Лингвисты утверждали, что, например, в селе Лукоеды **аканье** почти не прослеживалось, хотя в речи местных мужчин это явление имело место. Очевидно, названный факт – следствие русификации, последовательно проявляющейся в речи мужчин как наиболее активных граждан советского общества.

Исследуя особенности диалектной речи вблизи села Стародуб, ученые также заметили, что **речь женщин более архаична и более консервативна** относительно влияния на нее русского языка, а в речи молодых мужчин прослеживается наличие большого количества признаков, свидетельствующих о русскоязычной ассимиляции. В то время считалось, что говорить по-русски модно, а владение украинским и белорусским языками – свойство отсталых и необразованных людей, поскольку эти языки лишь наречия русского языка; они отличаются грубостью, несовершенством и не могут обслуживать все сферы человеческой деятельности. Обратим внимание, что и сегодня прослеживаем отголоски таких утверждений (см. Kosmeda 2021).

Осуществляя свои наблюдения в динамике, Шевелев заметил, что речь украинскоязычных женщин по мере повышения уровня их образованности и общественной активности также начинает изменяться и перестает отличаться своей архаичностью. Она начинает обновляться и также поддается ассимиляционным процессам со стороны русского языка, что было обусловлено, естественно, социальными факторами: женщины в Украинской

Советской Социалистической Республике чаще начинали выполнять мужскую работу, среди них появились военнослужащие, они переселялись в большие города и приобщались к массовой культуре советского общества и под. (Šerech 75). Сегодня границы между социальным статусом мужчин и женщин все больше стираются, наблюдается феминизация украинского и белорусского общества, что проявляется в большом количестве феминных инноваций, как и споров о целесообразности, необходимости их появления (см. Arhangel's'ka 2021).

Шевелев обратился к записям по исследованию **диалектной речи людей со статусом остарбайтеров** (1942–1943, г. Берлин) Галины Наконечной. Его заинтересовал вывод названной исследовательницы о том, что в отличие от мужчин-остарбайтеров, женщины в той же ситуации использовали свой родной диалект (язык) чаще, более последовательно, и женская речь была в этом отношении более правильной. Было замечено, что юноши демонстрировали новый „украинско-русский жаргон”. Предполагаем, что в данном случае лингвист имел в виду **суржик как факт бессистемного смешивания элементов украинского и русского языков** (в Беларуси это **трасянка**). Сегодня слово *суржик* употребляется и в более широком смысле – **в качестве названия деградированного духовного мира человека**, его оторванности от всего родного, близкого, носящего характер национального; как **номинация национально-языкового сознания**, представляющего смесь остатков своего (национального), которое нейтрализуется, с чужим, навязанным. Однако Шевелев убежден, что женщины противились этому процессу дольше, чем мужчины. Это, по его мнению, связано, в частности, с их ориентацией на сохранение всего национального, исконного, этнического и прежде всего фольклора: женщины часто использовали украинские паремии, пели старинные народные песни, используя родную украинскую речь, соответствующие ее диалекты.

Шевелев осознавал, что приведенные аргументы, его замечания, как и доводы других ученых, основываются на единичных фактах, возможно, на субъективных впечатлениях, поэтому требуют проверки и подтверждения другими конкретными аргументами. Исследователь осуществляет попытку более детально рассмотреть высказанную гипотезу, а также выделить другие черты женской речи, обращаясь к анализу соответствующей лингвистической литературы по диалектологии, опираясь на фонетические явления, отраженные в произношении. Он пишет, что в очерках по исследованию южно-украинских диалектов найдены замечания относительно **медленного темпа женской речи, ее особой протяжности. Это третий выделенный ученым признак.**

В процессе анализа речи жителей села Морочно Пинского округа языковеды также заметили, что женщины здесь говорят медленнее, нежели

мужчины, о чем имеются конкретные свидетельства; они склонны удлинять ударные гласные, однако во время ссор, в эмоциональном состоянии, их речь несколько ускоряется, и названный признак нейтрализуется. Был сделан однозначный вывод о том, что не обращать внимания на такие факты нельзя, и они все-таки не единичны, а демонстрируют определенную тенденцию. Хотя, если этот признак и имел место в нашем историческом прошлом, то сегодня он уже не актуален, так как и женщины, и мужчины могут демонстрировать быстрый темп речи. Как считают современные ученые, этот признак, скорее, указывает на определенный психотип языковой личности (экстравертность, интровертность либо амбивертность) (см. Kosmeda 2019).

Путем систематических наблюдений, как видим, было обнаружено, что речь женщин более сдержанна, при этом она плавная, несколько замедленная и более выразительная, нежели речь мужчин. **Женщины говорят протяжно, припевая.** А подобная речевая разговорная манера позволяет удлинять ударные гласные и более четко их произносить, без редукции. Шевелев пришел к выводу, что в этом случае речь идет не о чем ином, как о том, что „женщины лучше, нежели мужчины сохранили архаичное полифонное произношение” (Šerech 76). Очевидно, это следствие их большего консерватизма, приверженности к архаичности, склонности к актуализации украинского нормативного произношения.

В процессе анализа названного явления в речи белорусов также найдены доказательства замедленного темпа речи женщин, что объясняется передвижением ударения в словах, произнесенных „алLEGRO” (‘в быстром темпе’), например, бел. *туді-сјуді* вместо *туді́-сјуді́*. Это мотивирует закрепленную за женщинами характеристику – бел. *лeпeтyxa*, рус. и укр. *лопотуха* (‘быстроговорящая женщина’).

В смешанных и переходных диалектах, а также в случае русско-украинского двуязычия, консерватизм женской речи прослеживается также последовательно и выразительно. В диалектной речи жителей села Урив (округ Коротояк Воронежской губернии) были обнаружены следы большого влияния русского языка на манеру произношения мужчин-украинцев. В произносительной манере женщин встречались как украинские формы на *-i*, так и русские на *-o* (например, *рідний* – *родной*), а в речи мужчин доминировали исключительно русские формы на *-o*.

Как и Булаховский, Шевелев был убежден, что женская речь имеет решающее влияние на формирование и развитие детской речи. Кроме этого, был зафиксирован такой факт: девушки-украинки, родным языком которых являлся украинский, избегали замужества с русскими. А русские девушки, родным языком которых был русский, охотно выходили замуж за мужчин-украинцев и, как следствие, определенно влияли на речь своих мужей, асси-

милируя ее, внося языковые элементы русского языка в местные диалекты. Такое влияние способствовало тому, что с течением времени мужчины начинали говорить исключительно по-русски. Был зафиксирован также факт, что дети русскоязычных матерей даже в украинской деревне, то есть в украинскоязычном окружении, говорили только по-русски, и, наоборот, дети украинскоязычных женщин в русском селе общались преимущественно на украинском языке. Этот факт подтверждает современный украинский языковед Богдан Ажнюк, изучающий речь современных украинских эмигрантов (см. Ажнюк). Шевелев делает теоретическое предположение, что дети усваивают речь (какой бы она ни была) матери, а признаки этой воспринятой речи, отложенной в их языковом сознании, могут несколько нейтрализоваться уже позже речевым влиянием, доминирующим в той или иной деревне. Именно так, по нашему мнению, и возник суржик.

Некоторые ученые, в частности Григорий Винокур и Степан Самийлович, считали, что женщины склонны к тому, чтобы вводить в свою речь новообразования, особенно связанные с изменением орфоэпических норм. Шевелев, с одной стороны, не соглашается с такой точкой зрения из-за отсутствия убедительных относительно названного предположения фактов. Однако исследователь некоторым образом противоречит сам себе и все-таки пытается описать „модное произношение”, „законодательницами” которого считали женщин.

Он соглашается с мнением Иосифа Рудницкого, заметившего, что во Львове середины прошлого века модным среди образованных людей считалось киевское произношение. И его демонстрировали именно женщины, стремясь избегать, например, палатализации [ц] и [с], отдавая предпочтение твердым звукам. Это наблюдение касалось речи образованных слоев населения, хотя подобные речевые проявления, как считает Шевелев, возможны и в среде малообразованных людей.

До сих пор бытует распространенное мнение, что для распознавания национальности (русской или украинской), а точнее, для определения людей, родным языком которых является исключительно русский язык, необходимо предложить им произнести украинское слово-этнографизм *пальяниця* (рус. *каравай*): носители русского языка не могут выговорить мягкий звук [ц], ибо артикуляционный аппарат не настроен на его произношение (см. Moskvín)¹.

¹ Во время русско-украинской войны, начавшейся вероломным нападением РФ на Украину 24 февраля 2022 года, именно с первых дней войны это слово стало маркером определения врага, т. е. российского солдата. Лексема получила номинацию „слова-ловушки”. Дикторы украинского телевидения отмечают: „Мы не знаем, что не так с ротовым аппаратом москалей, но знаем точно – им никак не поддается слово *пальяниця*. Поэтому и неудивительно, что ни один оккупант не может его правильно произнести ни с первого, ни со второго раза.

Шевелев констатирует, что русская речь женщин, выражающаяся в своеобразном произношении мягких звуков, получила абсолютно „женское” название „сладенький язык”.

Исследователь ставит перед собой вопрос: **как можно соединить, с одной стороны, факт консервативности женской речи, ее архаизм, противостояние любой ассимиляции, а с другой – стремление говорить модно, т. е. по-новому.** По его мнению, ответ на этот вопрос содержится **в теории смешанных диалектов**, основанной на осознанном и неосознанном усвоении чужого. В этом случае прослеживаем **активность архетипической дихотомии „свой – чужой”**. Поэтому считаем, что в первом случае женщины выступают консерваторами, а во втором – становятся новаторами, что объясняется актуализацией социальных факторов, необходимостью принятия заимствований. Такое противоречие ученый считает тенденцией. Время показало, что исследователь не ошибся.

Шевелев размышляет и о некоторых орфоэпических признаках украинской женской речи, которые, как он признается, ему было трудно окончательно осознать и объяснить. Речь идет о склонности женщин, проживающих в разных регионах, в том числе и на не пересекающихся между собой территориях, **произносить вместо велярного (твердого) [л]², характерного для мужской речи, [л'] как альвеолярный звук, смягченный перед [i]³**. Лингвист считает, что архаичные нормы произношения в женской речи сохраняются более длительный период, нежели в мужском варианте произношения. Ученый ставит перед собой и своими читателями такие вопросы: почему этот признак проявляется именно в речи женщин; может, это „осколки” старого произношения, либо инновация, дань моде; может, это некое „украшение” женской речи, воплощение женской мягкости, сознательно противопоставляемой речевым характеристикам мужчин? А может, это проявление женской грации?

Таким образом, особенности женского произношения, фонетической специфики их речи всесторонне и последовательно объяснить сложно. Ответ на этот вопрос и сегодня остается загадкой.

Шевелев также констатирует, что „лексические и фразеологические особенности украинско- и белорусскоязычных женщин в то время вообще не исследовались” (Šerech 79). Ученый совершенно логично предполагает, что

Такой «речевой практикum» безошибочно позволяет уличить врага» (запись устной речи, 26 февраля 2022 года – украинское телевидение).

² Твердый [л] (произносится, например, в слове рус. *лошадь*) – это, по мнению лингвистов, один из характерных звуков русского языка, отличающий его от многих других языков.

³ *І* – звуко-буква украинского языка, заимствованная из кириллицы, отсутствующая в современном русском языке, как отсутствует и звук, обозначенный этой буквой.

лексикон речи женщин содержит слова, непосредственно связанные с домашним хозяйством, такими ремеслами, как ткачество, вышивка, а в мужском лексиконе, соответственно, преобладают слова, мотивированные мужской деятельностью. Однако ученый считает, что его предположение еще нужно доказать. Никаких исследований в очерченном выше направлении в то время не существовало. А сегодня эта мысль нашла подтверждение, и лингвисты выделяют **мужской и женский лексикон (гендерлект), мужскую и женскую языковые картины мира** (см. Goroško; Maslova).

Еще одно отличие женской речи от мужской, отмеченное Шевелевым, состоит в том, что **женщины не склонны употреблять бранные слова**, в том числе и мат, **и выражения, лексемы с резко негативной оценкой, агрессивные выражения.** Лингвист убежден, что брань с компонентом *мать* появилась в украинской речи под влиянием русской лингвокультуры. Бранную лексику, сквернословие употребляют, как известно, в ситуациях, вызванных сильным всплеском эмоций, чувств, хотя и в женской речи имеется определенный „репертуар” ругательной лексики, но она не настолько агрессивна и резка. Хотя современные женщины могут и материться: происходит стирание гендерных граней в этом отношении, что подтверждают современные художественные тексты. С другой стороны, ласкательные выражения, „мягкие” эпитеты характерны именно для женской речи, а мужчины их употребляют исключительно в интимных ситуациях, в частности, касающихся общения с любимыми женщинами либо детьми⁴.

Шевелев неоднократно подчеркивал, что дети усваивают речь матери, а не отца, подражают именно ей, копируют ее, т. е. детская речь – это женская речь, реализуемая в общении с детьми. Некоторые доказательства этой мысли находятся в диалектологических и этнографических материалах, однако, по мнению лингвиста, они еще достаточно не систематизированы. На сегодня этот вопрос также остается открытым.

⁴ Интересным в данном контексте, как представляется, является такой факт: в июне 2019 года (во время подготовки к очередным выборам в парламент) депутат Верховного Совета Украины Ольга Богомолец предложила принять *Закон о запрете сквернословия*, то есть закон о „дематюкизации”, что вызвало в современном украинском обществе бурное обсуждение. Большинство утверждало, что такой закон неактуален и неэффективен. Он и не был принят. Однако бранную (матерную) лексику могут активно употреблять и современные украинские женщины, даже изысканные языковые личности, что наблюдается в период начала русско-украинской войны (февраль 2022 г.). Видимо, агрессивная среда, стрессовое психологическое состояние, мотивированное неординарными ситуациями, моделируют агрессивную речь, требуют словесной разрядки, чему, по всей вероятности, способствует матерная лексика. И такой разрядки требуют не только мужчины.

Приводя свои размышления относительно особенностей проявления женской и мужской речи, ученый обратился к деятельности украинских писателей и обнаружил, что еще в 1827 году популярный украинский поэт Петр Гулак-Артемовский опубликовал свою балладу укр. *Рибалка* (рус. *Рыбак*) и изложил свои замечания о гендерной речевой специфике украинцев в российском журнале „Вестник Европы”, проинформировав о своем речевом эксперименте. Писатель рассказал, что ему было интересно узнать, может ли украинский (в терминологии писателя малорусский) язык передать нежные, благородные и изысканные чувства, чтобы не рассмешить читателя или слушателя, как это имеет место в поэме укр. *Енеїда* (рус. *Энеида*) Ивана Котляревского и других произведениях, созданных с подобной целью. Ссылаясь на самые нежные и самые чувственные малорусские народные песни, он представляет свою балладу лишь как некую пробу пера, совсем якобы не рассчитывая на успех. Поэт отмечает, что в поэме укр. *Твардовський* (рус. *Твардовский*) он использует мужскую (гайдамацкую) тональность речи, а в *Рибалці* – речь малорусских женщин с ее специфической тональностью. Поэт пишет, что на практике женская манера речи, с одной стороны, ограничивается исключением вулгаризмов, бранных и грубых выражений, а с другой стороны, в ней много деминутивных форм и образных поэтических средств, распространенных преимущественно в украинских любовных фольклорных песнях (Šerech 1952: 80). Очевидно, необходимо рассмотреть эти особенности в диахронии и синхронии, что позволит увидеть украинскую речь в динамике с учетом гендерных особенностей. Однако, как представляется, сегодня деминутивная лексика характерна не только для женской речи, но и для мужской, что отражено в художественном дискурсе.

Шевелев также отмечает, что осознанное „внедрение” Гулаком-Артемовским и другими писателями „женской манеры” речи в художественный текст, литературный язык позволяет ему подойти к последнему важному вопросу, отраженному в анализируемой нами статье: **каким является влияние женской речи на литературный язык?** Этот вопрос был малоизучен и остается таким сегодня. Языковед допускает, что подобное влияние не было конструктивным: оно играло скорее консервативную роль.

Анализ некоторых фактов употребления лексических и фразеологических единиц дает возможность утверждать, о чем уже шла речь, что их использование мотивировано спецификой вербализации женского мышления. К таким фактам ученый относит и активное употребление женщинами эвфемистических выражений, что связано со спецификой женского языкового сознания, особым устройством их психики, выражаемой в сфере, касающейся таких глобальных, важных для повседневной жизни человека концептов, как *любовь*, *смерть* и т. д. Например, для женской речи украинок характерны такие

идиомы: укр. *прясти очима* – рус. *стрелять глазами*; укр. *на тонку пряде – на беду, несчастье* (рус. дословно: *прядет тонкую нить*). Данные примеры иллюстрируют непосредственную связь женской речи со сферой ее профессиональной деятельности, родом занятий, а также стремлением женщины как хранительницы домашнего очага к бесконфликтной коммуникации, собственно, здесь прослеживаем актуализацию не прямой коммуникации, свойственной изысканным языковым личностям. „Женские” перифразы чаще касаются обычаев, ритуалов, особенно свадебных, например: укр. *квітку пришити комусь* (рус. дословно: *цветок пришить кому-нибудь*) – ‘кого-то высмеять (например, девушка парня)’, укр. *квітка* (рус. *цветок*) – ‘цветная ленточка, пришиваемая жениху к рубашке во время свадьбы’. Для большей убедительности Шевелев приводит и другие характерные примеры „женских” перифраз-эвфемизмов, ср.: укр. *стеряти дитину* (рус. дословно: *потерять ребенка*) – ‘сделать аборт’ или укр. *глек розбити з ким-небудь* (рус. дословно: *кувшин разбить с кем-нибудь*) – ‘разойтись, поссориться’. Однако исследователь считает, что исключительно „женских” идиом в языке не так много, хотя современные разыскания в этой области показывают, что существует паремийная женская картина мира, противопоставляемая мужской паремийной картине мира. И примеры в этих случаях не единичны (см. подробнее Holod 2008b).

О влиянии женской речи на развитие морфологии, по мнению Шевелева, вообще нет смысла и рассуждать, поскольку такие явления практически неизвестны. Хотя ученый все-таки прослеживает несколько фактов. Он их выделяет, проектируя на особенности изменения морфологических норм украинского языка: а) если при наличии параллельных форм грамматического рода в процессе развития языка сохраняется только одна форма, то это всегда форма женского рода; б) в дательном, творительном и предложном падежах все имена существительные имеют окончания *-ам, -ами, -ах* с флексией в именительном падеже *-а*: все они женского рода; в) основы имен существительных на *-і* сохранили свое склонение только в женском роде; г) в именительном падеже множественного числа имени прилагательного укр. *синій* имеет место только форма бывшего именительного (винительного) падежа множественного числа женского рода.

Приведенные Шевелевым факты, как представляется, свидетельствуют **о процессе феминизации украинского языка**. Однако об этом Шевелев еще не писал. А сегодня эта проблема также остается актуальной, достаточно неисследованной.

О том, что процесс феминизации начался в украинском обществе уже в XIX веке и постепенно грамматикализировался в категориях языка, писал еще один представитель харьковской лингвистической школы, также ученик Александра Потемни Дмитрий Овсяннико-Куликовский, хотя феминизацию

он и считал отрицательным явлением, происходящем как в обществе, так и в языке (см. Ovsániko-Kulikovskij 43).

Используя в своей статье сравнительно-сопоставительный метод, Шевелев проследил, что в русском языке женский род в отличие от языка украинского „побеждает” реже, и в белорусском языке стойкость бывших имен существительных женского рода также широко не представлена.

Таким образом, процесс грамматикализации феминности, по мнению исследователя, наиболее ярко представлен именно в украинском языке. Однако этот тезис, как представляется, необходимо проверить, основываясь на большом фактическом материале. Хотя в современных научных разысканиях по гендерной лингвистике ученые и подтверждают факт большей феминизации украинского языка по сравнению с языком русским. Это явление последовательно проявляется на словообразовательном и лексико-семантическом языковых уровнях, поскольку в украинском языке в последние годы заметно увеличивается число слов, характеризующих женщину по какому-либо признаку (см. Arhangel's'ka 2011). Если раньше в украинском языке в ряде случаев отсутствовали соотносительные формы мужского и женского родов, то теперь они образуются, что не прослеживается в такой степени в русском языке. Хотя определенная тенденция к их увеличению также прослеживается, ср. новообразования украинского языка: *агентка, прем'єрка, політикеса, директриса, борчиня, шефиня, членкиня, фотографеса* и т. д.

Шевелев поставил перед собой еще один вопрос: **можно ли все приведенные им факты изменений в грамматике связывать с влиянием женской речи?** И сам ответил, что аргументы, которые он приводит, весьма сомнительны, а актуализированные постулаты, очевидно, все-таки гипотетичны.

Важно также, что ученого интересовала специфика проявления гендерных черт в разных славянских языках. Используя сравнительно-сопоставительный исследовательский метод, он, например, выяснил, что „женские” имена существительные украинского языка с окончанием *-а* не имеют того оскорбительного, уничижительного пейоративного значения, которое прослеживается в аналогичных словах русского языка. Ученый приводит такие примеры из украинского и русского языков: *мипра/мыпра, пустомеля/пустомеля, сквалига/сквалыга*. Однако и это предположение требует доказательства с использованием экспериментальной методики, что связано также с теорией лингвоаксиологии. Точного механизма измерения степени проявления экспрессии, оценочной семантики и других прагматических компонентов слова (текста) на сегодня не существует, хотя попытки актуализации „шкалы оценки” в современном языкознании и предпринимались (см. Kosmeda 2000).

Выводы

Таким образом, Юрий Шевелев показал специфику женской речи, противопоставляя ее речи мужской, практически на всех языковых уровнях, начиная от фонетического, о чем оставил больше всего наблюдений, характеризуя признаки женского произношения (напомним, что это более медленный темп речи, его протяжность, большая стабильность относительно ассимилятивных процессов, в частности процесса русификации, большая архаичность, но вместе с тем и стремление говорить модно, в ногу со временем). Очевидно, речь идет о более устойчивом национально-языковом сознании женщин.

В меньшей степени его размышления касаются проявления гендерных языковых особенностей на словообразовательном, лексико-семантическом и фразеологическом уровнях: речь идет о формировании женского и мужского лексиконов (гендерлектов), которые: а) связаны с родом деятельности мужчин и женщин, их профессией и т. д.; б) основаны на проявлении чувственной сферы: женщины более эмоциональны, поэтому и активнее употребляют ласкательную лексику, уменьшительные словесные формы; в) в женской речи меньше грубых бранных слов, пейоративной лексики; они активно вводят в свою речь эвфемизмы, смягчающие перифразы, а это значит, что женщины склонны к моделированию не прямой коммуникации, служащей нейтрализации конфликта, отражающей максимы вежливости; можно также констатировать факт наличия исключительно „женских” идиом, т. е. идиом, основанных на феминном взгляде на жизнь, женском видении, понимании и восприятии мира, хотя об этом Шевелев и говорит очень осторожно, но современные ученые данный факт подтверждают.

Менее всего проявление гендерных признаков исследователь отследил на уровне морфологии. Лингвист размышляет лишь о некоторых тенденциях проявления категории рода, что все-таки свидетельствует о возможности актуализации гендерных особенностей и на грамматическом уровне. Наблюдений, касающихся обнаружения гендерной специфики на синтаксическом уровне, языковед не приводит, хотя, естественно, они имеют место (см. Nolod 2008a; Salionovič).

Как видим, исследования Шевелева в парадигме гендерной лингвистики были для его времени новаторскими. Они остаются актуальными и сегодня, поскольку дают возможность сопоставить некоторые факты особенностей женского произношения, а также данные относительно проявления в женской речи консервативности, архаичности, отрицательного отношения к ассимиляционным процессам и под. Тем не менее, все перечисленное требует дополнительной доказательной базы и пересмотра с точки зрения современной науки.

Можно утверждать, что Шевелев положил начало: 1) сравнительно-сопоставительному исследованию гендерной проблематики на материале славянских языков; 2) исторической и диалектной гендерлингвистике украинского языка; 3) национальной украинской лингвогендерологии, проявляющейся на уровне национального языкового сознания; 4) изучению гендерно противоположных языковых картин мира, в частности паремийных; 5) изысканиям уровневого проявления гендерных признаков в языковых системах.

Без сомнения, требуют продолжения исследования, касающиеся специфики гендерных особенностей, актуализирующихся на всех языковых уровнях, в том числе и словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. И хотя в современной языковой гендерологии и имеются исследования о женских и мужских коммуникативных стратегиях и тактиках, некоторые из которых тонко очерчены и в статье Шевелева, эта проблематика также еще окончательно не описана.

Статья Юрия Шевелева *Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen*, как представляется, вошла в золотой фонд научных разысканий по лингвогендерологии и продолжает стимулировать исследования в сфере гендерной лингвистики.

Библиография

- Arhangel's'ka, Alla. *Femina Cognita. Ukraïns'ka žinka u slovi i slovníku*. Kiïv, Vydavnyčij dim Dmitra Burago, 2019.
- Arhangel's'ka, Alla. „Novotvori-feminitivi v Ukraïns'kij movi novoï dobi: neologizmi, okazionalizmi či efemerizmi?”. *Neologični nazvi osib u sučasnih slov'ans'kih movah*. Red. Galyna Vokal'čuk. Rivne–Olomouc', Vydavnyctvo Nacional'nogo universitetu „Ostroz'ka Akademiâ”, 2011, s. 67–122.
- Ažnûk, Bogdan. *Movna politika: Ukraïna i svit*. Kiïv, Vydavnyčij dim Dmitra Burago, 2021.
- Bulahovs'kij, Leonid. „Narisi z zagal'nogo movoznavstva”. *Vibrani pracì: v 5 t. T. 1. Zagal'ne movoznavstvo*. Kiïv, Naukova dumka, 1975, s. 293–296.
- Goroško, Elena. *Ázykove soznanie (associativnaâ paradigma)*. Avtoreferat dissertacii doktora filologičeskikh nauk. Moskva, 2001.
- Holod, Oleksandr. „Gramatika i stat'”. *Zibrani naukovì pracì: u 10 t. T. 1. Psiholingvistika stati*. Krivij Rig, Vydavnyctvo navčal'nogo centru Odes'koï nacional'noï ũridičnoï akademii, 2008a, s. 7–114.
- Holod, Oleksandr. „Movlennëvi kartini svitu čolovikiv i žinok”. *Zibrani naukovì pracì: u 10 t. T. 1. Psiholingvistika stati*. Krivij Rig, Vydavnyctvo navčal'nogo centru Odes'koï nacional'noï ũridičnoï akademii, 2008b s. 115–370.
- Kamčatnov, Aleksandr, Nataliâ Nikolina. *Vvedenie v ázykoznanie*. Moskva, Flinta–Nauka, 2018.
- Karunik, Katerina. *Ūrij Ševel'ov âk doslidnik Ukraïns'koï movi*. Avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskikh nauk. Harkiv, 2019.

- Kosmeda, Tetâna. *Aksiologični aspekti pragmalingvistiki: formuvannâ i rozvitok kategorii ocinki*. L'viv, L'vivs'kij nacional'nyj universitet im. İvana Franka, 2000.
- Kosmeda, Tetâna. *Komunikativna kompetenciâ İvana Franka: mižkul'turni, interpersonal'ni, ritorični vimiri*. L'viv, PAİS, 2006.
- Kosmeda, Tetâna. „Patriotizm âk strižen' lingvofilosofii T.İ. Pan'ko (do 85-littâ vid dnâ narodžennâ včenoj)”. *Zbìrnik naukovih prac' na pošanu profesora Tamili Pan'ko*. Red. O.M. Kostiv. L'viv, Rastr-7, 2021, s. 30–46.
- Kosmeda, Tat'âna. „Recepciâ statusa ukraïnskogo âzyka v rossijskom âzykoznanii: mif i real'nost'”. *Slavia Centralis*, 1, 2020, s. 126–135.
- Kosmeda, Tetâna, red. *Genderna lingvistika v Ukraïni: istoriâ, teoretični zasadi, diskursivna praktika*. Harkiv, Harkivs'kij nacional'nyj pedagogičnyj universitet im. G.S. Skovorody – Drogobič, Kolo, 2014.
- Kosmeda, Tetâna, red. *Semantika j pragmatika diskursivnogo slova ta jogo potencial dlâ diagnostiki psihotipu movnoi osobistosti: aspektual'nij opis*. Harkiv, Harkivs'ke istoriko-filologične tovaristvo, 2019.
- Maslova, Ūliâ. „Genderni neologizmi v movi sučasnih drukovanih ukraïns'kih ZMİ”. *Neologični nazvi osib u sučasnih slov'âns'kih movah*. Red. Galyna Vokal'čuk. Rìvne–Olomouc', Vydavnytvo Nacional'nogo universitetu „Ostroz'ka Akademiâ”, 2011, s. 41–66.
- Moskvin, Vasilij. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj reči. Tropy i figury. Obsââ i častnye klassifikacii. Terminologičeskij slovar'*. Moskva, LENAND, 2006.
- Ovsâniko-Kulikovskij, Dmitrij. „Vvedenie v napisannuû knigu po psihologii umstvennogo tvorčestva (naučno-filosofskogo i hudožestvennogo)”. *Literaturno-kritičeskie raboty: v 2 t.* T. 1. Moskva, Hudožestvennâ literatura, 1989, s. 29–64.
- Salionovič, Lûdmila. *Diskurs İvana Franka u vimìrah gendernoï lingvistiki: avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskich nauk*. Harkiv, 2012.
- Šerech, Jurij. „Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen”. *Orbis. Bulletin International de Documentation Linguistique*. T. 1. Louvian, Le Centre, 1952, s. 74–81.

OKSANA KOVTUN

Actual problems of contrastive grammar in the focus of pragmalinguistics

Актуальные проблемы контрастивной грамматики в фокусе прагмалингвистики

Abstract. The term *contrastive grammar* is still ambiguous. In this paper we trace the unjustified synonymy of terms (confrontative grammar, comparative grammar, contrastive grammar) which lead to controversy among linguists and we attempt to introduce appropriate clarifications to explain the phenomenon. We can state that this linguistic direction is quite new, and its metalanguage is still in the process of development and formation. When studying contrastive grammar in the modern scientific functional-communicative paradigm, the focus of attention is directed to the issues of pragmalinguistics, that is the research, in addition to the actual meanings, of the semantics of linguistic units for designating objects of the environment, also the speech-thinking activity of speakers who use these units and listeners who interpret them; the possible situations of their application; the study of “language in context”; language research, taking into account the goal that is planned to be achieved in the communication process; the wide multidimensionality of the interpretation of the statement; the study of interactive means, taking into account grammatical meanings. The main category of pragmalinguistics is the category of evaluation, and therefore, the issue of contrastive grammar and contrastive description of languages is important to consider in the focus of the paradigm of the category of evaluation; in particular, this concerns the manifestation of each grammatical category.

Keywords: contrastive grammar, term, metalanguage, evaluation grammar, pragmalinguistics

Oksana Kovtun, Vasyly' Stus Donetsk National University, Donetsk – Ukraine, o.kovtun@donnu.edu.ua, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9139-8987>

Introduction

Comparative studies in linguistics have a long history. Comparison is a general scientific method of research, which is used along with logical analysis, generalization, description and other methods. It is traditionally believed that the heyday of comparative linguistics was the XIX century, but the method of comparative or contrastive analysis remains the mainstay in linguistic research in the XX and

XXI centuries, and contrastive grammar has become the main principle of foreign language teaching, so textbooks on this subject are paramount.

Comparison or contrast is a property of abstract human thinking, a way of knowing reality, a differentiation of similar objects and phenomena, so the category of comparison in logic and philosophy belongs to the key epistemological categories. It is the diversity of the world that determines the constant comparison of the human consciousness of different phenomena.

Many things, notions, especially in the mental sphere, in the sphere of traditions and habits of the people and public institutions, can be understood only by comparison, i.e. it is necessary to find in this or that object something different from the object familiar to us to realize that the usual object has some other features, qualities, properties or, conversely, to understand what it lacks, why there are no certain features, qualities, properties, or characteristics (Sternin 59).

Today, we see an increase in the interest of linguists in the problems of the comparative research of languages, which is related to the **needs** of: 1) linguo-cultural and cognitive scientific-research and teaching practices which are increasingly coming to the fore; 2) the actualization of issues related to the national specifics of language thinking, language consciousness, and the mentality of peoples; 3) the identification of universal characteristics of languages; 4) the most complete description of national pictures of the world of speakers of different languages; 5) the representations of national and cultural specifics of language systems; 6) the improvement of bilingual dictionaries, during the compilation of which the task is to reflect the national-specific features of the semantics of translated correspondences; 7) expanding the scope of teaching foreign languages, etc. (Konopel'ko 5).

In modern linguistics, there are many terms for the nomination of a section of linguistics that studies two or more languages based on their comparison and contrast. However, depending on the purpose and object, there are branches of linguistics based on comparison. These are, first of all: a) **comparative-historical linguistics** which studies the genetic commonality of languages in their development; b) **areal linguistics**, which considers the secondary affinity of languages, linguistic unions, and commonality of linguistic phenomena, regardless of the degree of their genetic commonality; c) **comparative and contrastive linguistics**, which study the similarities and differences between languages, regardless of the degree of their genetic similarity, etc. (Ėvtušenko 24).

This diversity is due to the goals, principles and criteria that underlie the selection of a particular field of linguistics, engaged in the comparison and contrast of languages. However, there are different views on the feasibility of terminological distinction between comparative and contrastive linguistics.

Research methods

The main research methods of this investigation are **descriptive**, used for the appropriate consistent representation of the material, as well as the method of **deduction** (to obtain general conclusions) and **induction** (in the formulation of the author's intentions, or opinions), and **analysis** and **synthesis** (for appropriate systematization of theoretical material). The method of **abstraction** was updated during the consideration of various parameters characteristic of the phenomena. **The comparative** method was used for representing the comparison of different views on the problem, and the method of **opposition** was applied to represent the opposition of the categories. **Conceptual-analytical** and **interpretive** methods contributed to the qualification and methodological assessment of updated theoretical provisions, and interpretation of possible approaches to solving the problem.

History of the issue and analysis of recent research and publications

Contrastive linguistics as a science was formed in the middle of the XX century in English-speaking countries. The beginning of contrastive research is considered to be the publication of Robert Lado's monograph *Linguistic across cultures* (Lado), and Charles Bally's research (Bally) who justified the need to teach German in a French-speaking audience.

Researchers believe that the European grammars of the Renaissance – the first grammars of modern languages – were created in comparison with the grammars of Greek or Latin. Obviously, the modern linguist who describes a foreign language or dialect always relies on the usual scheme of vision of mostly native language or sometimes some other language, with which he involuntarily compares the facts of the new language being researched, contextualizing these facts with the usual network of concepts, fixed in his consciousness. Let's recall that **language consciousness** is a form of consciousness that embraces knowledge, feelings, evaluations and guidelines for language and language activities, or language consciousness – it is a “not indifferent attitude to language” (Seligej 13).

The term *contrastive linguistics* was coined by Lee Whorf in *Languages and Logic* (1941). This scientist stressed that contrastive linguistics plays an important role in the process of scientific linguistic research with the actualization of the system of appropriate methods. The linguist stated that contrastive linguistics is a scientific discipline that “outlines the most important differences between languages, which is projected on grammar, logic and general analysis” (Whorf 240). Thus, this linguist somewhat narrowed the vector of action of contrastive linguistics in comparison with comparative linguistics.

In authoritative modern Ukrainian and Russian dictionaries of linguistic terms, the nominations *comparative linguistics*, *typology* and *confrontational linguistics* are given as synonyms of the term *contrastive linguistics* (Ârceva 1990: 239; Zagnitko 2020: 382) and are interpreted in the science in many ways, including as a **linguistic direction** that studies two or more languages to compare their structures and identify differences (contrast/non-contrast) against the background of similarity (Zagnitko 2020: 382). It is an established science with its object, goals and methods of analysis. According to Anatoliiy Zagnitko, *comparative linguistics* (*comparative studies*) is a direction (sphere) of linguistics that studies two or more languages, regardless of their affinity, to identify their similarities and differences at all levels of language structure (phonological, morphological, syntactic, lexico-semantic) (Zagnitko 2012: 58). This view is supported by other researchers, noting that contrastive (confrontational, comparative) linguistics is a field of general linguistics, which aims at the comparative study of two (rarely several) languages, identifying their similarities and differences at all levels of language structure (Dubina 176; Ârceva 1981: 40).

Some scholars interpret contrastive linguistics somewhat more narrowly and contrast it with confrontational linguistics. This understanding can be traced in the works of Gustav Helbig, Valery Mokienko, and Vladimir Gak. These linguists are convinced that confrontational (this term corresponds to the Ukrainian “comparative”) linguistics is mostly designed to develop theory issues: it studies both similarities and differences between languages, and contrastive linguistics has a more practical focus and explores mostly the differences between languages (Gak; Hel’big; Mokienko).

Kadriya Gafiullina distinguishes between “comparativistics” and “contrastivistics”, proposing to the latter synonymous contrastive linguistics and comparative linguistics. She emphasizes that the comparison of languages in general linguistics is carried out in two directions: comparative linguistics (“comparativistics”) and contrastive linguistics (“contrastivistics”). The first direction is related to the comparison of related languages mainly in the historical perspective with the definition of the ancestral language, common roots, historical changes in phonetics, grammar and so on. The task of the second direction is the comparative study of several (usually two) languages in a synchronous perspective. Gafiullina notes that “comparative linguistics is a source of ‘contrastivistics’, and contrastive linguistics is more related to linguodidactics” (Gafiullina 135). Comparative linguistics is theoretical in nature, and contrastive linguistics is mainly related to the applied aspect – the translation and teaching of a foreign language. Such views are supported by Alois Gudavičûs (Gudavičûs 4) and Fatima Isenova (Isenova 73).

Shara Mazhitaeva and Zhanar Omasheva state that there is still no consensus among scholars on the interpretation of the terms *comparative linguistics* and *con-*

trastive linguistics (Mažitaeva 72). These researchers consider the terms *comparative* and *contrastive* research as synonymous and emphasize that such research may have different tasks and approaches such as 1) identifying similarities and differences in the use of language tools in different languages; 2) determining the characteristics of each of the languages being compared; 3) predicting unwanted interference. Thus, “the study of language units in terms of comparing their structural, systemic and functional properties remains one of the urgent tasks of modern linguistics” (Mažitaeva 74–76).

Inessa Konopelko distinguishes between linguistic typology, comparative linguistics and contrastive linguistics. She believes that typological research aims to establish common types of world languages, taking into account the different systems of features. Comparative linguistics is a linguistic field designed to study language microsystems (fields) of the same name in different languages. And contrastive research is aimed at comparing units of one language with their possible correspondences in another language to identify potential differences (Konopel'ko 17–19).

The authors of the collective monograph *New Approaches to Contrastive Linguistics* distinguish between historical-comparative, typological and contrastive linguistics, without proposing other terms for the latter. They believe that, in contrast to historical-comparative linguistics, contrastive linguistics has a purely synchronous orientation and does not necessarily have to focus on describing genetic connections (although the historical description may contribute to more adequate contrastive research and allows you to conditionally place languages on a certain **historical line**). Typological linguistics also analyzes the synchronous level, but these two areas focus on different research tasks and are based on different approaches, or methodological principles. “Whereas typology analyzes a few parameters of variation across a wide variety of languages, contrastive linguistics analyzes many different parameters of variation in only two (or three) languages” (Enghels et al. 1–2). Thus, if typological linguistics classifies languages based on a set of described properties (or linguistic universals), then contrastive linguistics is designed to analyze lesser-known or insufficiently described linguistic facts and phenomena. This difference in descriptive detail is mainly because there are many more resources available for the study of contrastive linguistics than for the study of the typological one (Enghels et al. 2).

However, today there are still many problems in the field of contrastive linguistics that are not fully resolved, for example, more languages or language groups should be involved in contrastive research. These studies should be based not only on translated material, but also on the new types of discourses that are being modelled today, not only on written language, but also on oral, live spoken language, taking into account Internet resources, and others (NACL).

Setting objectives

The term *contrastive grammar* is still ambiguous. We trace the unjustified synonymy of terms (confrontative grammar, comparative grammar, contrastive grammar) which lead to controversy among linguists and attempt to introduce appropriate clarifications to neutralize synonymy. To determine the status of contrastive grammar, it seems appropriate to find out its connections with other linguistic directions. There is an urgent need to define and interpret the basic terms of contrastive linguistics in general and contrastive grammar in particular, in order to clarify the state of fixing their metalanguage in linguistic dictionaries and textbooks on contrastive grammar, and to identify and characterize their linguistic directions and development prospects. We see the **novelty** of this scientific intelligence in the statement of involvement in the research aspects of contrastive linguistics, pragmlinguistic theory and axiological theory in particular, taking into account the theory of evaluation grammar.

Presenting the main material

The purpose of contrastive linguistics is to identify the differences and common features of comparable languages, and compare the linguistic and sociocultural data inherent in several languages or individual languages to establish models, categories and features that reflect the specifics of a language, typological and/or universal models, categories and features characteristic of the compared languages. An integral part of contrastive research is the analysis of interlingual correspondence, which provides a better understanding of structural and functional divergence.

The term *contrastive linguistics* in modern linguistics has 1) a special purpose, which is realized during the study of languages – it is a systematic separation of differences, 2) our own method of language learning – from the fact of the native language to the facts of a foreign language, and 3) a kind of practical application in the teaching of foreign languages. All this testifies in favour of recognizing the contrastive direction as a special and independent direction of linguistics. Contrastive linguistics emerges as an established science with its own object, goals and methods of analysis.

The development and values of the contrastive-linguistic direction in linguistics is evidenced by the publication of more and more works, general theoretical descriptions of contrastive linguistics, and comparative descriptions of language pairs covering different levels of language – from phonology to stylistics and text theory, expanding the scope of comparative analysis: at first, contrastive analysis dealt main-

ly with the facts of the language system, but now it is increasingly turning to the text, language acts, and implementation, following the general direction of development of modern linguistics (Gak 16). The era of purely structural-system analysis is almost complete, but the era of the textual and discourse-centered one has come.

Comparative linguistics is based primarily on the need to describe languages in order to teach them. Therefore, modern contrastive linguistics is a kind of sublimation, i.e. a theoretical generalization of the ancient human practice of language description. To make interlingual/intralingual and intercultural/intracultural comparisons in contrastive linguistics, most researchers use the term *contrastive analysis*, although other formulations can be found in the linguistic literature, such as the *parallel description of languages*, *differential language learning*, *differential language description*, *analytical language comparison*, *descriptive comparison of languages*, etc. (Klimčenko 50).

Ke Ping notes that contrastive linguistics is also known as “contrastive analysis” or “contrastive research”. These three terms, as noted, are largely interchangeable. In the United Kingdom and the United States, “contrastive analysis” is a common term. But in Eastern Europe, China and some other parts of the world, the term “contrastive linguistics” is preferred, perhaps because the terms “contrastive analysis” and “contrastive research” may give the impression that they refer only to the approaches to specific linguistic issues, while the term “contrastive linguistics” nominates an independent discipline, so it should be preferred while speaking not about the research process, but about the phenomenon of the research itself (Ping 8).

Eleonora Sulejmenova emphasizes that contrastive linguistics establishes the similarities and the differences of languages that are compared and, therefore, focuses on finding the most effective ways to learn one (or more) languages. In her opinion, absolutely all linguistic phenomena that meet the tasks of an applied nature can be the object of contrastive analysis (Sulejmenova).

The number of languages that can be typologically contrasted at the same time is not limited. Contrastive research can focus on a variety of linguistic phenomena, ranging from individual features of the phonetic/phonological, morphological, lexical or syntactic phenomena of languages (Gladuš 4). This view is reflected in *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics*, which emphasizes that contrastive grammar studies the synchronous analysis of the similarities and differences between two or more languages (Khan 3). Contrastive research, as noted, is almost always closely linked to the teaching of foreign languages, and their development, and motivated by the experience of learning foreign languages. Every foreign language teacher knows that the native language can interfere in certain, sometimes predictable cases with the acquisition of a second language (Ârceva 1981: 4).

It is well known that Lev Shcherba considered the comparative study of languages to be of great importance not only for the acquisition of a foreign language but also for a better understanding of the peculiarities of the native language and a deeper understanding of its structures (Shcherba). Charles Fries had the same point of view, noting that “the most effective teaching materials are those based on a scientific description of the language being studied, involving comparisons to update the results of a parallel description of the student’s mother tongue” (Fries 9). Such a view can be traced to the authors of one of the popular modern textbooks on contrastive grammar (Meehan et al.). Proponents of this approach believe that contrastive linguistics is a discipline whose goal is to compare two languages to facilitate the study of the language by identifying important differences between native and target languages. Contrastive linguistics studies exactly how (positively or negatively) the identified differences affect the study of the target language. The main purpose of contrastive linguistics is the study of contrastive grammar, which combines the descriptive grammars of two languages in one unique form (Meehan et al. 11). Thus, we trace the gradual expansion of the research aspects of contrastive linguistics, which have been developed over a long period of time.

Observations of the difficulties in mastering certain constructions of a foreign language give rise to clarifying which features of the native and foreign languages do not overlap, and in which area (structural or semantic-functional) their differences lie. Veronika Yartseva emphasizes:

The methodological aspect of “grammar of errors” is outside of linguistics, psycholinguistic aspects of this problem lie on the border of linguistics and psychology and, finally, structural, functional, synonymous differences of constructions that are difficult to learn should attract the attention of linguists (Árceva 1981: 8),

actualizing a new aspect which is called the “contrastive grammar of errors”. Knowledge of several languages (related or unrelated) affects the quality and speed of learning a foreign language by comparison because in this case the comparative analysis is not limited to two languages – target (foreign) and native. We conclude that the intensive development of the phenomena of bilingualism, trilingualism, and polylingualism has, as expected, led to an increase in interest in the issues of comparative linguistics, contrastive linguistics, and linguodidactics (Gafiullina 138).

However, the tasks of contrastive linguistics are not limited to the goals of teaching foreign languages. Contrastive research makes it possible to get to the heart of language processes and better understand the laws that govern these processes. Therefore, contrastive linguistics is a zone, a certain crossroads, where, figuratively speaking, the paths of theory and practice intersect. Grammars of the studied second language and many first grammars of the native language were

written with the involvement of methods of comparison, conscious or unconscious, with another language – the native one in the first case, or the more prestigious language of the other culture – in the second case. Based on the analysis, we see that **the object of contrastive studies is at least a pair of languages**. But neither genetic nor areal connections, nor the typological proximity or remoteness of these languages, are significant in the comparison process. **The subject of contrast may be differences or correspondences of the contrasted languages.**

Contrastive grammar is a direction (component) of contrastive linguistics. Contrastive grammar is aimed at establishing a) common and b) heterogeneous, as well as c) dominant and d) recessive features of the grammatical structure of the languages being compared, and e) determining their structural types on this basis. Iryna Karamysheva considers contrastive grammar as a component of contrastive linguistics (comparative linguistics), and its research object is the grammatical structures of two contrasted languages, features of expression of main grammatical categories and syntactic structures in contrasted languages. The researcher clearly distinguishes between contrastive linguistics and comparative-historical linguistics, typological and areal, although all these independent scientific directions use comparative and contrastive methods of linguistics (Karamysheva 30). Contrastive research pursues not only theoretical but also practical goals. Thus, the theoretical and practical purpose of the contrastive study of two languages, as noted by researchers, is the construction of grammar, the content of which is a description of the sum of differences between the grammar of the native language and the grammar of the language being studied (Ping; Enghels et al.). Thus, **contrastive grammar is a kind of differential grammar**. But this does not mean that grammatical sectors that coincide in two languages should not be studied. Such an approach would inevitably lead to a misinterpretation of the facts of the language being studied. Contrastive grammar uses both contrasting and comparing linguistic phenomena (Ping 4).

The grammatical level of contrastive description most clearly reveals the typological features of the compared languages. Thinking, which has universal laws, is manifested through numerous languages that differ significantly from each other in grammatical structure, in particular in the number and composition of parts of speech, which forms a categorical (partly linguistic) lacunarity. Typological (morphological) features of languages are clearly manifested in the system of parts of speech, and at the same time, the systems of parts of speech are as close as possible, even in unrelated different system languages. This is because languages are inextricably linked with universal categories of thinking, inseparable from universal logical categories (Akaj 166). During contrastive analysis, the inclusion of the analyzed linguistic fact in several phenomena related to it, i.e. with the actualization of certain microsystems, plays an important role. In related, espe-

cially closely related languages, certain semantic and grammatical areas coincide, and differences are determined mainly within the internal division of subsystems with a certain variability of their lexical content. Contrastive grammatical studies largely intersect with typological studies in cases where it is not a comparison of a pair of languages, but a grammatical comparison of a wide range of languages. Their difference from the actual typological research lies in the fact that they do not compare language systems in general, but individual phenomena of many languages of different types.

In addition to the initial range of interests of contrastive linguistics related to language teaching and translation practice, modern contrastive studies develop a wide range of problems of 1) a cognitive and 2) a psycholinguistic orientation. Modern contrastive studies are 3) linguocultural in nature and are designed to answer the question of which aspects of extralinguistic reality are differently verbalized by grammatical and lexical means of different languages. In addition, 4) the comparative study of paraverbal characteristics of communication is actively developing. Contrastive techniques are also used for 5) intralinguistic comparisons. Let us dwell on the studies performed in the field of nonverbal linguistics: they are developed in the context of the globalization of world processes, which is manifested in the field of intercultural communication and comparative linguistics. Tetjana Osipova, for example, uses a comparative analysis of the paremic fund of related and unrelated languages to identify the national specifics of the process of the **verbalization of nonverbalism**, and in particular 6) a comparative approach to the study of verbal and nonverbal communication in the native language. This is a new direction, developed on the theoretical basis of pragmalinguistics. The named researcher notes that:

mastering a foreign language at the communicative level is first of all mastering the basics of social communication of the respective ethnic group, therefore, the formation of the basic level (B2) of foreign language proficiency should be designed in social communication as one that allows free application of theoretical knowledge. [...] This is realized by complexes of tasks aimed mainly at the formation of speech competence, which is mastering the lexicon of a language, mastering etiquette language norms, studying linguistic culturological material and so on. Instead, such a set of knowledge can not fully ensure the communicative process, because nonverbal communication plays perhaps the most important role in communication in general. Thus, without the interaction of nonverbal activity with verbal, it is impossible to model the communicative system and the actual thought process (Osipova 294).

With the growing number of contrastive studies, they are increasingly associated with *macrolinguistic contrastive analysis*, which includes, in addition to the study of linguistic discourse, *contrastive pragmatics*, in the field of the view of which there are pragmatically oriented aspects of language behaviour (Klimčenko 53). Contrastive linguistics is gaining momentum, the scale and depth of its re-

search are only growing, and the variety of practical and theoretical approaches is impressive. Modern linguistic approaches and the latest technologies have opened up new horizons and directions of contrastive analysis for contrastive linguistics. Thus, it can be stated that contrastive linguistics reflects the fundamental concepts of language that have changed over time, and revised the goals and objectives of the research.

Modern developments in the field of contrastive linguistics are characterized not only by a variety of opinions about their goals and general direction but also by a variety of methods. A large amount of scientific research is aimed at the study of *transformational grammar*, and ideas about deep and surface structures. In the field of comparative research in grammar, there is an ever deeper differentiation of different areas, one of which is the *contrastive study of the grammar of evaluation* (Kovtun 2020a: 275) which separated from the *theory of linguoaxiology* and is partially described on the Ukrainian-language material.

A complete and comprehensive study of lingua-axiological issues in the **East Slavic tradition**, in particular in **Ukrainian linguistics**, was first carried out by Tatiana Kosmeda, which is thoroughly represented in the monographic study *Aksiologični aspekti pragmalingvistiky: formuvannâ i rozvitok kategorii ocinki* (Kosmeda 2000). In the **Russian research tradition**, linguoaxiology is associated primarily with the works of Nina Arutyunova, who was the first to carry out a fundamental conceptual analysis of words with the semantics of evaluation, taking into account the Western European linguistic and philosophical paradigm from a historical perspective (1988). Nadezhda Aksenova (2007), Elena Wolf (2002), Tatiana Markelova (2013), Elvira Stolyarova (1988), Viktor Shakhovsky (2008) and others became Nina Arutyunova's followers in Russian linguistics.

Grammar of evaluation stood out from the bosom of Ukrainian linguoaxiology, the issues of which were actualized by Kosmeda in the above-mentioned monograph, as well as in several articles, directing the research of her post-graduate students (Yuriy Bulyk, Daria Ryazantseva, Oksana Haliman). To date, the *morphology of evaluation* as a component of the grammar of evaluation has been comprehensively characterized on the material of the Ukrainian language by Oksana Haliman, which is represented in the monograph *Gramatika ocinki: morfologični kategorii ukraïns'koï movi* (Haliman).

We believe that the scientific researches prepared by Kosmeda and Haliman in co-authorship are important for *the theory of grammar of evaluation*, among which we consider *Gramatika ocinki' âk aktual'na problema sučasnoho movoznavstva* the most significant, which explains the concept of the grammar of evaluation as a new scientific field, the purpose of which is a comprehensive study of grammatical means of expressing values taking into account their pragmatic characteristics. It is noted that the development of the theory of grammar of evaluation involves

a comprehensive description of grammatical means of the expression of evaluation values, which will ensure the development of rules for the use of grammatical units in evaluation functions and the interpretation of patterns of their interpretation (Kosmeda, Haliman 21).

The grammatical means of expression of evaluation include both morphological units and syntactic constructions, which traditionally determines the division of grammar of evaluation into two subdivisions: the *morphology of evaluation* and the *syntax of evaluation*, which are inextricably linked because secondary meanings of morphological forms (including evaluation) are realized in syntagmatic relations. Haliman represented the description of the whole system of noun and verb grammatical categories through the prism of evaluation grammar, showing, in particular, the functional load of some stylistic means that create grammatical connotation and play a key role in modelling the relevant speech genres (Haliman). The researcher did not include in the field of view the functional parts of speech and the interjections that need to be studied given the needs of the grammar of evaluation.

In linguistic dictionaries, the term *grammar of evaluation* is not interpreted today, and the metalanguage of this latest linguistic direction has not found a fixation and a comprehensive interpretation. Analyzing *Sučasnij lingvističnij slovník* by Anatolij Zagnitko, we note that *grammar of evaluation* with its metalanguage as the latest linguistic direction interpreted and studied only in the last decade has not found fixation and comprehensive interpretation in this dictionary yet. In particular, the term *evaluation* is interpreted by the named scientist as 1) an aspect of the semantics of linguistic expressions; a reflection of structures of the peculiarities of the division of the objective world by speakers according to its value parameters – *good or evil, benefit or harm, positive or negative*, etc. in language; 2) the speaker's judgment, his attitude – *approval or disapproval, encouragement*, etc. – as part of the stylistic connotation (Zagnitko 2020: 382). However, Kosmeda also considers evaluation as a logical and philosophical category, noting that “the known world is always evaluated, evaluation is evidence of the degree of knowledge of the world” (Kosmeda 2000: 92). Haliman continues this idea, arguing that the “logical and philosophical basis of the evaluation allows us to interpret its connection with the cognitive activity of man, as a result of which the judgment is made about the value of certain objects” (Haliman 20). The researchers emphasize that evaluation is a major category of pragmalinguistics.

In *Sučasnij lingvističnij slovník* by Zagnitko there are also terms *аксіологічний* (*axiological*), *аксіологічність* (*axiological property*) (Zagnitko 2020: 10), to which synonyms *оцінність* (*value*) and *аксіологія* (*axiology*) (Zagnitko 2020: 522) are proposed; the last ones have long been included in the terminological field of lin-

guistics, interpreted and functioning within it and at the intersection with other sciences.

However, meta-units interpreted and declared in grammar of evaluation, namely: *граматика оцінки* (*grammar of evaluation*), *категорія оцінки* (*category of evaluation*), *оцінне значення* (*evaluative value*), *оцінний смисл* (*evaluative meaning*), *аксіологічний смисл* (*axiological meaning*), *граматикалізація оцінних значень* (*grammaticalization of evaluative values*), etc., are still to be included in the linguistic terminology system in general and terminological dictionaries in particular. Some of these terms have already become actively used in linguistic researches (Kovtun 2020b: 143).

In the Western linguistic tradition, there are fragmentary works on linguoaxiology and evaluation grammar (Michael Halliday, James Martin, Peter White, the collective research by James Martin and Peter White, Susan Hunston, Laura Hidalgo Downing), but fundamental monographic studies that would be devoted to the issue of linguoaxiology are absent in contrast to East Slavic linguistics (Kovtun 2020a: 291).

Depending on the methodology of the scientific schools of the Western tradition, axiological linguistics has developed a certainly established metalanguage, but researchers also suggest authorial terms that have not yet become traditional and are not accepted by East Slavic linguistics, in particular: *Appraisal Framework* (Michael Halliday; James Martin and Peter White), *Classematics* (Eugenio Coseriu), *evaluative appreciation* (Horst Geckeler), *the autonomous plane* and *the interactive plane* (John Sinclair), *the interactive evaluation* (Susan Hunston), *topic-oriented evaluation*, and *research-oriented evaluation* (Puleng Thetela), *Field of Research* and *Field of Domain* (Susan Hood), *the language of evaluation* (Monika Bednarek), *a local grammar of evaluation* (Susan Hunston). We can state that most of these terms are not yet recorded in dictionaries of linguistic terms and need to be clarified and developed (Kovtun 2020a: 291).

Conclusions and suggestions

The terminological field of contrastive grammar remains insufficiently developed, and terms and concepts need to be clarified and supplemented. We can state that although this linguistic direction has a long research tradition, its metalanguage continues to develop and improve. We trace the unjustified synonymy of some terms (*comparative grammar*, *confrontational grammar*, *contrastive grammar*), which leads to a certain terminological amorphousness, controversy among linguists and attempts to make appropriate clarifications to neutralize synonymy.

Having considered the system of terms that function in 1) the professional discourse of textbooks on contrastive grammar, 2) scientific research on it, as well as comparative linguistics, and 3) terminological dictionaries, we consider it appropriate to consider the terms *contrastive grammar*, *comparative grammar* and *confrontational grammar* as synonymous; however, of course, they are not absolutely identical, as each member of the synonymous series differs by corresponding features, in particular, the belonging of terms to specifically Ukrainian (*contrastive grammar*, *comparative grammar*) and those that are borrowed (*confrontational grammar*) is also important.

The term *contrastive grammar* seems to most accurately reflect the essence of the educational goal – the comparison of descriptive grammars of several languages, and the opposition and the comparison of allomorphic features. In addition, this term “sounds” the same in all three languages (Ukrainian, Russian and English), on the material of which the actual contrast analysis is carried out.

In modern research, contrastive analysis increasingly refers to the text, language acts, and different types of discourse, following the general vector of development of modern linguistics. Given the polyparadigmatic nature of modern linguistics, the actualization of the principle of interdisciplinary, contrastive analysis, includes various research aspects: ethnolinguistic, sociolinguistic, psycholinguistic, linguosemiotic, linguopragmatic, linguaaxiological and others. At the same time, it provides increasingly broad and valuable data for general typology within the theory of general linguistics, as well as linguistic pedagogy, translation theory, text theory, discourse theory, and lexicography. Contrastive linguistics proves to be one of the most striking and effective forms of communication between fundamental linguistics and applied aspects of linguistics. The value of contrastive linguistics in modern linguistics is emphasized by the increasing attention to it in different countries, especially in the field of foreign language teaching.

The cognitive-creative process of establishing similarities and differences between objects of the environment is associated with other tasks of lingua-creative and thought-making human activity – communicative, pragmatic, and aesthetic, because comparison is not only the process of defining something, assertion or denial but also finding the indefinite, i.e. the designation of the phenomenon with not fully clarified parameters. The pragmatics of cognitive and speech activity of a linguoperson encourages the solution of specific tasks – to single out, identify the object, so that it acquires a certain delineation, and this will allow continuing its knowledge, in particular in the focus of the category of evaluation.

The direction of the *contrastive grammar of evaluation* is undoubtedly promising, as the study of the grammar of evaluation can be carried out based on Slavic and non-Slavic languages, which is extremely important for the development of theoretical foreign language courses (including English), the theory and practice

of translation studies, and foreign language teaching methods. Its development will help solve important linguistic problems and problems of methods of teaching linguistic disciplines.

In our further research, we consider it expedient to conduct contrastive studies of the grammar of evaluation based on Ukrainian, Russian and English, as this will make it possible to compare Ukrainian with related Russian and unrelated English as the language of another family, which will help deepen knowledge about the native language, its cultural, lexical, semantic and grammatical features, its originality, and will clarify and supplement the metalanguage of the grammar of evaluation which is projected not only on the material of the Ukrainian language, its discursive practice, but also Russian and English, which is considered an urgent need of modern comparative linguistics.

Bibliography

- Akaj, Oksana. *Fenomen grammatičeskoj lakunarnosti: kognitivnyj i lingvopragmatičeskij aspekti*. Rostov-na-Donu, Rostovskij gosudarstvennyj èkonomičeskij universitet, 2020.
- Ârceva, Veronika. *Kontrastivnaâ grammatika*. Moskva, Nauka, 1981.
- Ârceva, Veronika, red. *Lingvističeskij ènciklopedičeskij slovar'*. Moskva, Sovetskaâ ènciklopediâ, 1990.
- Bally, Charles. *Traité de stylistique Française*. Paris, C. Klincksiek, 1951.
- Dubina, Lûdmila, Tat'âna Rylo. "Sovremennye issledovaniâ v oblasti kontrastivnoj lingvistiky". *Kartina mira čerez prizmu kitajskoj i belorusskoj kul'tur: sbornik statej meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii*. Red. M. Miškevič et al. Minsk, Izdatel'skij centr Belarusskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, p. 176–179.
- Engels, Renata, Bart Defrancq, Marlies Jansegers, eds. *New approaches to contrastive linguistics. Empirical and methodological challenges*. Berlin–Boston, De Gruyter Mouton, 2020.
- Èvtušenko, Natalâ. "Kontrastivnij ta zistavnij aspekti doslidžen' u sučasnij lingvističnij nauci". *Naukovî pracî Čornomors'kogo deržavnogo universitetu imeni Petra Mogili kompleksu "Kiëvo-Mogilâns'ka akademiâ"*. Seriâ: *Filologîâ. Movoznavstvo*, 221 (209), 2014, p. 24–28.
- Fries, Charles. *Teaching and learning English as a foreign language*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1945.
- Gafiullina, Kadriâ. "Sopostavitel'noe âzykoznanie, kontrastivnaâ lingvistika i lingvodidaktika". *Gumanitarnye nauki*, 12, 2020, p. 135–138.
- Gak, Vladimir. *O kontrastivnoj lingvistike. Novoe v zarubežnoj lingvistike*. Moskva, Progress, 1989.
- Gladuš, Nadiâ, Nataliâ Pavlûk. *Contrastive grammar: Theory and practice*. Kiïv, Kiïvs'kij universitet im. B. Grinčenka – Nacional'nyj universitet Kiëvo-Mogilâns'ka akademiâ, 2019.
- Gudavičûs, Aloizas. *Sopostavitel'naâ semasiologîâ litovskogo i russkogo âzykov*. Vil'nûs, Mokslas, 1985.
- Haliman, Oksana. *Gramatika ocinki: morfologičnî kategorii ukraïns'koï movi: monografiâ*. Harkiv, Majdan, 2019.
- Hel'big, Gerhard. "Âzykoznanie – sopostavlenie – prepodavanie inostrannyh âzykov". *Novoe v zarubežnoj lingvistike*. Vyp. 25. *Kontrastivnaâ lingvistika*. Per. s nemeckogo N. Vasil'eva. Moskva, Progress, 1989, p. 307–326.

- Isenova, Fatima. "Sopostavitel'noe âzykoznanie i kontrastivnaâ lingvistika v sovremennoj âzykovoï paradigme". *Vestnik Karagandskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ filologičeskaâ*, 1, 2007, p. 71–77.
- Karamysheva, Irina. *Contrastive grammar of English and Ukrainian languages: Textbook*. Vinnytsia, Nova Knyha Publishers, 2012.
- Khan, Geoffrey. *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics*. Leiden, Brill, 2013.
- Klimčenko, Svetlana. "Kontrastivnye issledovaniâ v kontekste sopostavitel'nogo âzykoznaniiâ". *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiâ: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiâ*. Red. O. Prohorenko. Minsk, Izdatel'skij centr Belarusskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, p. 49–54.
- Konopel'ko, Irina. *Sopostavitel'nyj analiz v issledovanii i prepodavanii âzyka*. Voronež, Izdatel'stvo OOO «RITM», 2019.
- Kosmeda, Tetâna. *Aksiologični aspekti pragmalingvistiki: formuvannâ i rozvitok kategorii ocinki: monografiâ*. L'viv, L'vivs'kij nacional'nyj universitet im. Î. Franka, 2000.
- Kosmeda, Tetâna, Oksana Haliman. "«Hramatyka ocinki» âk aktual'na problema sučasnoho movoznavstva". *Lingvistični studii*, 22, 2011, p. 17–23.
- Kovtun, Oksana. "Problematika lingvoaksiologii v zahidnij doslidnic'kij tradicii: aspektual'nij oglâd". *Challenges and achievements of European countries in the area of philological researches: Collective monograph*. Vol. 1. Ed. Michele Bugliesi, Ivan Zymomyra. Riga, Baltija Publishing, 2020a, p. 274–297.
- Kovtun, Oksana. "Vidobrazennâ procesu stanovlennâ metamovi gramatiki ocinki v sučasnih slovnikah lingvističnih terminiv (na materialî novogo slovnika lingvističnih terminiv A. Zagnitka)". *Filologični nauki na perehrestî kul'tur i civilizacij: aktual'ni pitannâ*. Red. Volodimir Kazarin. Kiïv, Tavrijs'kij nacional'nyj universitet imeni V.Î. Vernads'kogo, 2020b, p. 141–144.
- Lado, Robert. *Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1957.
- Mažitaeva, Šara, Žanar Omaševa. "K voprosu o sopostavitel'nyh i kontrastivnyh issledovaniâh v sovremennoj lingvistike". *Izvestiâ. Seriâ: Filologičeskie nauki*, 61 (2), 2021, p. 71–76.
- Meehan, Patricia et al. *Contrastive grammar: A theory and practice handbook*. Córdoba, Asociación Cooperadora Facultad de Lenguas – Universidad Nacional de Córdoba, 2017.
- Mokienko, Vladimir. "Sopostavlenie v teorii i praktike prepodavaniâ russkogo âzyka kak inostrannogo". *Russkij âzyk za rubežom*, 5, 1987, p. 54–60.
- Osipova, Tetâna. *Neverbal'na komunikaciâ ta svoëridnist' iï omovlennâ v ukraïns'komu diskursi: fenomen verbalizacii neverbaliki*. Harkiv, Vydavnytstvo Ivančenko Î.S., 2019.
- Ping, Ke. *Contrastive linguistics*. Peking, Peking University Press – Singapore, Springer, 2019.
- Seligej, Pilip. *Movna svidomist': struktura, tipologiâ, viovannâ*. Kiïv, Vydavnyčij dim "Kiëvo-Mogilâns'ka akademiâ", 2012.
- Sternin, Iosif, Marina Sternina. "Aktual'nye problemy sopostavitel'nyh issledovanij v sovremennoj lingvistike". *Social'nye i gumanitarnye znaniâ*, 1, 2015, p. 59–65.
- Sulejmenova, Eleonora. *Kazahskij i russkij âzyki: osnovy kontrastivnoj lingvistiki*. Almaty, Demeu, 1996.
- Whorf, Benjamin L. *Language, thought and reality*. Cambridge, Mass., MIT Press, 1967.
- Zagnitko, Anatolij. *Slovník sučasnoï lingvistiki: ponâttâ i termini*. T. 2. Donec'k, Donnu, 2012.
- Zagnitko, Anatolij. *Sučasnij lingvističnij slovník*. Vinnicâ, TVORI, 2020.

JOANNA ORZECHOWSKA

Emocjonalne przymiotniki w języku polskim i rosyjskim. Paralele i kontrasty

Emotive adjectives in Polish and Russian – similarities and contrasts

Abstract. A new type of dictionary – a psychological linguistic dictionary was compiled as a result of analyzing 15918 Russian adjectives from the perspective of their relationship with emotions originating in reference to various senses. The dictionary contains information on “the emotional load” of these adjectives, that is how pleasant or how unpleasant emotions a given adjective evokes. The analyzed lexemes were assessed by respondents on the scale of emotions: slightly (un)pleasant – moderately (un)pleasant – very (un)pleasant, which was marked with an appropriate number of pluses or minuses. Although it is believed that representatives of different cultures experience universal emotions, their quality and intensity hidden behind particular linguistic units can diverge for different cultural linguistic communities. Emotions are conditioned socially, culturally and historically; they play an important role in international communication. Thus, when they are incompetently and mistakenly interpreted, this can disturb dialogue between various cultures and even lead to conflicts. In the article, considering equivalents *мясному/мясной* and other counterparts, it can be said that not all the examples have a parallel emotional value. Despite the genealogical relationship between the languages and cultures in question, emotive contrasts are not rare. This leads to considering a significant issue of emotive adequacy of dictionary equivalents, which has to be addressed by translators and language teachers.

Keywords: adjectives, emotive, emotional value of a language unit, translation, teaching a foreign language, psychological-linguistic dictionaries

Joanna Orzechowska, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Olsztyn – Polska, joanna.orzechowska@uwm.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-5991>

Ekwiwalentne słownikowo jednostki językowe tworzą w świadomości użytkowników języka różne obrazy językowe i jest to uwarunkowane kulturowo. Dotyczy to także, a może przede wszystkim, jednostek nacechowanych emocjonalnie, tzw. emotywow. W różnych lingwokulturach środki językowe wyrażające emocje nadawcy mogą być odczuwane i postrzegane przez różne zmysły i koja-

rzzone z różną intensywnością przyjemnych lub nieprzyjemnych odczuć. Ta nieadekwatność wywołuje perturbacje przekładowe i dydaktyczne.

W literaturze przedmiotu opisano wiele problemów, z jakimi stykają się tłumacze, gdy właściwe zrozumienie tekstu oryginalnego wykracza poza proste zsumowanie znaczeń użytych w nim słów i wyrażeń i potrzebna jest wiedza z szerokiego zakresu kontekstu kulturowego, mentalności, społecznie trwałych skojarzeń, znajomość obyczajów, tradycji itd., aby przekład był adekwatny i ekwiwalentny (Lewicki 27). W poszukiwaniach translatu jednostki tłumacz musi dokonać interpretacji oryginału pod kątem funkcji tej jednostki w tekście. Musi zaproponować taką jednostkę w języku docelowym, która jest najbardziej prawdopodobnym odpowiednikiem przekładowym. Tłumaczenie nie polega wówczas na konfrontacji języków, lecz na konfrontacji ich funkcjonowania (Lewicki 75–85).

Anna Małgorzewicz rozumie translację międzykulturową jako pewien proces: „Tłumacz powinien, opierając się na tekście wyjściowym, stworzyć za pomocą innych środków językowych nowy tekst, który przeznaczony jest dla odbiorców innego obszaru kulturowego oraz który funkcjonuje w nowych warunkach kulturowych podobnie jak tekst wyjściowy” (Małgorzewicz 170). Krzysztof Hejwowski ten proces nazywa „operacją na umysłach” (Hejwowski 69). Bożena Tokarz zauważa, że tłumacz, „odtworząc oryginał, kreatywnie aktywizuje swój rozum, wiedzę, zmysły i emocje” (Tokarz 382). Roman Lewicki tłumaczenie rozumie jako operację mentalną przeprowadzaną na tekście źródłowym (Lewicki 78). Przytoczone założenia mają źródło w tezach wielu badaczy (Olgierd Wojtasiewicz, Eugene Nida), którzy postulowali uznanie czynnika kulturowego za podstawowy wyznacznik ekwiwalencji przekładowej. I chociaż podkreślają, że w przekładzie musi zostać zachowany „niezmienny plan treściowy, to jest znaczenie” (Barhudarov 11), to tłumacz musi brać pod uwagę skojarzenia, które mogą być wywoływane przez odbiór tekstu – i w razie potrzeby korygować tekst, unikając niepożądanych skojarzeń (Lewicki 81–82).

Gert Jäger w takiej sytuacji mówi o wartości komunikacyjnej tekstu, która polega na potencjalnej więzi z pewnym kompleksem wyobrażeń w świadomości odbiorcy (Jäger 10–11). Potencjalność więzi polega na tym, że nadawca nie ma pewności, czy kompleks wyobrażeń i skojarzeń pozwoli odbiorcy odczytać tekst zgodnie z intencją nadawcy, a zadaniem tłumacza oraz nauczyciela języka obcego jest jak najpełniejsza rekonstrukcja wartości komunikacyjnej lub najważniejszej, priorytetowej informacji (Orzechowska 2013, 2014).

Jest to zadanie złożone, ponieważ informacja o stopniu emocjonalności, asocjacjach oraz miejscu jednostki na skali hedonicznej jest niedostępna w słownikach przekładowych oraz innych leksykonach lingwistycznych. Dotyczy to przede wszystkim tzw. konotatywów, czyli wyrazów, w których semantyce nie pojawia się informacja o ich emotywności. Jest ona uwarunkowana semami emo-

tywnymi, wychodzącymi za ramy logiczno-przedmiotowego makrokomponentu semantyki. Semy emotywnie mają charakter wtórny, przejawiają się jako konotacja i są odzwierciedleniem stosunku mówiącego do nazywanego obiektu. I chociaż znajdujemy w słownikach uwagi o charakterze stylistycznym (żartobliwe, pogardliwe, ironiczne), większość konotatywów pozostaje emotywnie nieopisana (Šahovskij 74–76). Lukę informacyjną o emotywności jednostki językowej częściowo zapełniają słowniki asocjacyjne, które należy zaliczyć do psychologiczno-lingwistycznych (Gawarkiewicz, Pietrzyk, Rodziewicz; RAS). Powstające opracowania tego typu, będące rezultatem operacji na umysłach wielu ankietowanych użytkowników języka, w przeciwieństwie do słowników lingwistycznych, twórców zespołów lingwistów dążących do wyodrębnienia obiektywnej wartości znaczeniowej, wnoszą nowe pokłady informacji o jednostkach językowych, wobec których tłumacze i wykładowcy pozostają bezradni.

W 2010 roku przez Instytut Psychologii Rosyjskiej Akademii Nauk został wydany nowy słownik psychologiczno-lingwistyczny *Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка (Zmysły, emocje i przymiotniki języka rosyjskiego)*, dalej – ZEPJR). Przymiotniki dotychczas były często wykorzystywane w badaniach emocji. Z ich pomocą analizowany był nastrój (Tiller, Campbell; Nemanick, Munz), odczucia w sytuacjach stresowych (Scott, Brandberg, Öhman 2001), lateralizacja półkul mózgowych podczas przetwarzania emocjonalnej informacji (Atchley, Ilardi, Enloe), a także charakterystyka osobowości w powiązaniu z emocjami (Pascalis et al.; Peabody). Udowodniono, że prezentacja przymiotników o różnej emocjonalnej waloryzacji wywołuje u badanego zmiany w aktywności kory mózgowej (Bernat, Bunce, Shevrin). Zauważono również, że przymiotniki stanowią istotną część leksykonu afektywnego (Clare, Ortony), a dzieci i młodzież często używają tej części mowy w opisach pozytywnych i negatywnych uczuć (Neshat-Doost et al.; Mikołajczuk). Przymiotniki były także materiałem analizy w badaniach mechanizmów języka prowadzących do leksykalizacji odbieranego świata (Ruzin).

Autorzy słownika ZEPJR na podstawie danych ankietowych wyodrębnili wyrazy kojarzone przez respondentów z różnymi odczuciami odbieranymi za pomocą zmysłów. Jednostki językowe zostały usytuowane na 7-stopniowej hedonicznej skali (*pleasantness/unpleasantness*) przez respondentów, którzy ocenili, jakie emocje i w jakim stopniu wywołuje dane słowo. W ten sposób 475 przymiotników zostało umiejscowionych na jednym z poziomów skali: silne negatywne (– – –), umiarkowane negatywne (– –), słabe negatywne (–), neutralne (0), słabe pozytywne emocje (+), umiarkowane pozytywne (++), silne pozytywne (+++). Zakładając, że miejsce jednostki językowej na skali hedonicznej wynika ze specyfiki kulturowej, prawdopodobne są różnice w nacechowaniu emocjonalnym ekwiwalentów w innych językach. Z tego mogą wynikać trudności w zachowaniu ich adekwat-

ności w przekładach. W celu sprawdzenia zgodności/niezgodności hedonicznej charakterystyki rosyjskich przymiotników z ich polskimi odpowiednikami lista emotywów z ZEPJR, oceniona przez młodych Rosjan w wieku 17–36 lat, została przetłumaczona na język polski i poddana ocenie przez polskich respondentów w podobnym wieku (19–30 lat).

W trakcie tworzenia polskiej listy przymiotników zastosowałam tłumaczenie ekwiwalentne, które za Lewickim rozumiem jako słownikowy translát, denotatywne odniesienie (Lewicki 179). W rozważaniach nad ekwiwalencją emotywną zakładam, że może być niepełna, gdy jednostki zajmują znacznie odbiegające od siebie miejsca na skali hedonicznej (kontrast), lub pełna, odzwierciedlająca umiejscowienie w tym samym lub nieznacznie odbiegającym miejscu na skali (paralela). Porównując wyniki oceny emocjonalnej polskich i rosyjskich przymiotników, znajdujemy wiele takich paralel.

Przymiotnik *шоколадный* został przez rosyjskich respondentów oceniony jako wywołujący najprzyjemniejsze (+++) smakowe odczucia. Podobnie został oceniony przymiotnik *czekoladowy* przez polskich ankietowanych. W tym przypadku ekwiwalencja w przekładzie gwarantuje adekwatność emotywną translátu, ponieważ wartość słownikowa i emotywna są sobie równe.

Ekwiwalencję oraz adekwatność emotywną odnotowujemy dla przymiotników *poziomkowy/земляничный*. Rosyjscy ankietowani przyznali 3 plusy zarówno za smak, jak i wrażenia węchowe i widok poziomek. Podobna opinia funkcjonuje wśród Polaków – poziomki wywołują bardzo przyjemne odczucia smakowe i zapachowe. Nieistotne są tutaj niewielkie różnice w umiejscowieniu na skali hedonicznej przymiotnika. Na przykład przymiotnik *персиковый* został oceniony przez Rosjan na dwa plusy, natomiast w polskich ankietach *brzoskwinowemu* smakowi przyznano najwyższą ocenę.

Niezgodność może wynikać nie tylko z różnicy w umiejscowieniu na hedonicznej skali, ale z kanału odbioru, dzięki któremu odczuwamy emocje. Na przykład przymiotniki *apetyczny/аппетитный* zostały zakwalifikowane zarówno przez Rosjan, jak i Polaków jako wywołujące bardzo silne pozytywne odczucia (+++). Jednak rosyjscy ankietowani przyjemność odczuwania przymiotnika *аппетитный* przypisują przede wszystkim zmysłowi węchu, polscy respondenci – smakowi i wzrokowi. W takich przypadkach kontrast tworzony jest przez różne kanały odbioru.

Emotywny kontrast może wynikać z innej oceny przymiotnika. Z takim zjawiskiem mamy do czynienia w przypadku ekwiwalentów *mięśny/мясной*. Rosjanie zadeklarowali przyjemne odczuwanie przez zmysły smaku (dwa plusy) oraz węchu (jeden plus). Polscy respondenci mięśny smak ocenili jako neutralny. Zerowa wartość hedoniczna polskiego przymiotnika *mięśny* może zaburzać w pewnych kontekstach wartość komunikacyjną przekładu. Przykłady użycia w NKJR

pokazują, że w rosyjskim językowym obrazie świata mięso stanowi ulubiony składnik dań, a inna postawa jest anomalią: „Правда, он и мясной-то плохо ест, с крошками иногда ложку-другую отхлебнет – и все” (NKJR – Астафьев, Виктор, *Пролетный гусь*. 2000). Mięsne dania są oceniane jako wartościowsze niż warzywne:

Завидев легкий парок, пробивающийся из-под накидок, даже те, кто только что пообедал, не могли утерпеть, чтобы не купить поджаристый капустный, а еще того лучше – мясной пирожок и тут же, застенчиво отвернувшись к стене, не съест его (NKJR – Сергеев, Марк. *Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Каукина и 33 невидимок из 117-й школы*, 1971).

Niewykluczone, że brak entuzjazmu polskiej młodzieży w stosunku do mięsa spowodowany jest „pozytywnym wizerunkiem żywności ekologicznej w opinii polskich konsumentów kreowanym również modą na «zdrową żywność», wegetarianizm i diety eliminacyjne” (*Raport z badań...* 161). W takiej sytuacji zachowanie pozytywnej emotywności kontekstu z przymiotnikiem *мясной* będzie wymagało od tłumacza zastosowania jakiegoś rodzaju transformacji (np. dodania: *пахнущий, апетитный*), a od nauczyciela języka rosyjskiego odpowiedniego komentarza lingwokulturowego.

Kontrast emotywny odnotowałam także dla pary *цыгаровый/сигарный* (Orzechowska 2020: 206–207). Przymiotnik *сигарный* użytkownikom języka rosyjskiego kojarzy się z bardzo nieprzyjemnym doznaniem węchowym (— —). W NKJR najczęstszymi kolokacjami są *сигарный дым, сигарный клуб*, ale ponadto odnotowujemy połączenia: *сигарный чемпионат, сигарный журнал, сигарный ящик, сигарный магазин, сигарный окурок, сигарный лист, сигарный сок, сигарный шкафчик, сигарный пепел, сигарный мундштук, сигарный столик, сигарный футляр*. W rosyjskich tekstach przymiotnik *сигарный* kojarzony jest z przykrym zapachem („вонь от его сигар”; „через несколько минут все купе было полно вонючим удушливым сигарным дымом”; „воздух гостиной отдавал застоявшимся сигарным дымом”), który wywołuje nieprzyjemne odczucia („едкий сигарный дым”; „поперхнулся жирным сигарным дымом”; „глаз прищурен от сигарного дыма”; „вязкий сигарный дым”; „отпугивает детишек”) i który może poważnie zaszkodzić („Мой отец рассказывал, что однажды, будучи еще совсем маленьким, я упал в обморок от его сигарного дыма”). Nieprzyjemny zapach i zjadliwość dymu przeciwstawiane są świeżemu powietrzu („Сигарный дым вместо свежего воздуха”; „Воздух был мутно-сиреневый от сигарного дыма”; „Он распахнул окно”). Дым з цыгара został wykorzystany jako metafora w pesymistycznej konstatacji i negatywnej ocenie przyszłości: „Будущее из пессимизма и сигарного дыма – скверная вещь!”.

I chociaż w NKJR odnajdujemy konteksty, w których dym z cygara opisany jest jako wykwinny („изысканно-сигарный дым”), będący symbolem przynależności do wyższych sfer („Судя по его размашистому почерку с завитушками, капуюлю и тонкому сигарному запаху, он был не чужд европейской цивилизации”), to ustępują one znacznie liczebnie kontekstom z negatywną waloryzacją. W NKJP przymiotnik *cygarowy* najczęściej spotykany jest w kolokacjach *дым cygarowy* oraz *клуб cygarowy* (ponadto odnotowano *кшталт cygarowy*, który jako niemający odniesienia do zmysłu węchu, nie będzie więc przeze mnie rozpatrywany). Zarejestrowano także inne pojedyncze kolokacje: *cygarowa prosperity*, *cygarowa etykieta*, *cygarowy nalóg*. Przymiotnik *cygarowy* (*дым* lub *клуб*) najczęściej sąsiaduje z takimi jednostkami językowymi, jak: *дзентелмени*, *дыгнитарзе*, *представители влады*, *артыści*, *посиладаче зямесцы*. *Cygarowy дым* możemy poczuć w eleganckich *клубах cygarowych* nie zawsze otwartych dla zwykłych śmiertelników, często miesza się on z zapachem wykwinnych potraw i perfumami kobiet. Przeprowadzenie ankiet pozwoliło upewnić się, że ocena zapachu cygara przez Polaków jest łagodniejsza (–) niż odczucia Rosjan, co zapewne wiąże się z silniejszymi asocjacjami z elegancją i elitarnością. Różna konotacja emocjonalna pary *сигарный/сyгарowy* tworzy kontrast emotywny, zaburzający adekwatne odczuwanie ekwiwalentu.

Inny translatorsko-dydaktyczny kontrast może być efektem istnienia lakun (za Igiorem Panasiukiem rozumiemy je jako luki, coś, czego nie ma), czyli braku ekwiwalentów w idiolekkie respondentów (Panasiuk 101). Do takich lakun w polskiej kulturze można zaliczyć przymiotnik *черемховы*. Przez rosyjskich ankietowanych jednostka *черёмуховый* została oceniona jako wywołująca średnie pozytywne emocje za pomocą zmysłu wzroku i słabe pozytywne za pomocą zmysłu węchu. Kwitnące czeremchy i wywołane przez nie przyjemne zapachowe i wzrokowe doznania są częstymi obrazami w tekstach rosyjskiej literatury pięknej i popularnej:

Миша втянул полной грудью живительный черемуховый воздух и с новой энергией продолжал (NKJR – Голицын С.М., *Тайна старого Радуля*, 1972);

А это ветка, которую Черепяхин-то посадил, вся в цвету, сплошь. Черемуховый цвет, белый... И пахнет даже, как весной... Так так-то необыкновенно мне стало (NKJR – Шмелев И.С., *Человек из ресторана*, 1911).

Obraz czeremchy przybiera wyraźną symbolikę i głębię znaczeń w folklorze, którego wytwory przekazują i zachowują wartości rosyjskiej kultury, nie tylko mieszkańców Rosji, ale także emigrantów pragnących pielęgnować etniczną i kulturową tożsamość. Przykładami mogą być piosenki *Белая черемуха* i *Черемуха* („За окном черемуха колышется” – muzyka nieznanego autora, słowa

B. Timofeeva), której tekst odkryto w zapiskach rosyjskich emigrantów w Chinach (Zabiyako, Zabiyako 234). W NKJR odnotowano aż 187 użycie przymiotnika w 166 różnych dokumentach (*черемуховый куст, сад, занав, цвет*).

Polscy respondenci w większości przypadków na bodziec *czerechowy* zaznaczyli odpowiedź „nie znam znaczenia” (22/29). W NKJP odnotowujemy tylko jedno użycie przymiotnika *czerechowy* (oprócz nazwy własnej ryby i nazw ulic w różnych miejscowościach): „Na mojej drodze rozciąga się wtedy czerechowa dżungla, a silny zapach ich kwiatów pozostaje w pamięci bardzo długo” (NKJP – Lechosław Herz, *Wardęga. Opowieści z pobocza drogi*, 2010). W danym przypadku możemy mówić o lakunie kulturowej, której ekwiwalentne tłumaczenie nie będzie adekwatne pod względem emocjonalności. W takiej sytuacji tłumacz może rozważyć, czy dla osiągnięcia zamysłu komunikacyjnego, czyli przekazania pozytywnych emocji, nie byłoby korzystne „zastąpienie wilka lampartem” (Hejwowski 38–47), czyli rezygnacja z ekwiwalencji na rzecz adekwatności.

Na podstawie analizy wybranych przymiotnikowych emotywow można stwierdzić, że nie w każdym przypadku translat może zachować zarówno plan treściowy, czyli znaczenie denotatywne translandu, jak i wartość emocjonalną jednostki. Pomimo pokrewieństwa języków i bliskości kultur nierzadkie są ematywne kontrasty. Wraz z pojawieniem się słowników psychologiczno-lingwistycznych zostały ujawnione kolejne poziomy planu treściowego jednostek językowych i istotny problem adekwatności ematywnej ekwiwalentów słownikowych, z którym muszą zmierzyć się tłumacze i glottodydaktycy.

Bibliografia

- Atchley, Ruth Ann, Stephen S. Ilardi, Aubrey Enloe. „Hemispheric asymmetry in the processing of emotional content in word meanings: The effect of current and past depression”. *Brain and Language*, 84, 2003, s. 105–119.
- Barhudarov, Leonid. *Азык i perevod*. Moskwa, Meždunarodnye otnošení, 1975.
- Bernat, Edward, Scott Bunce, Howard Shevrin. „Event-related brain potentials differentiate positive and negative mood adjectives during both supraliminal and subliminal visual processing”. *International Journal of Psychophysiology*, 42, 2001, s. 11–34.
- Clore, Gerald L., Andrew Ortony. „The semantics of the affective lexicon”. *Cognitive Perspectives on Emotion and Motivation*. Red. V. Hamilton et al., 1988, s. 367–397.
- Gawarkiewicz, Roman, Izabela Pietrzyk, Barbara Rodziewicz. *Polski słownik asocjacyjny z suplementem*. Szczecin, Print Group, 2008.
- Hejwowski, Krzysztof. *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012.
- Jäger, Gert. „Die sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung”. *Bedeutung und Translation*. Red. Gert Jäger, Albrecht Neubert. Leipzig, VEB Verlag Enzyklopädie, 1986, s. 5–66.
- Lewicki, Roman. *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2017.

- Małgorzewicz, Anna. „Przekład jako medium rozumienia kultury i międzykulturowej integracji w kontekście językoznawstwa kognitywnego”. *Rocznik Przekładoznawczy*, 2, 2006, s. 169–179.
- Mikołajczuk, Agnieszka. *Obraz radości we współczesnej polszczyźnie*. Warszawa, Semper, 2009.
- Nemanick, Richard C., David C. Munz. „Measuring the poles of negative and positive mood using the positive affect negative affect schedule and activation deactivation adjective check list”. *Psychological Reports*, 74, 1994, s. 195–199.
- Neshat-Doost, Hamid T., Ali Moradi, Reza Taghavi, William Yule. „The development of a corpus of emotional words produced by children and adolescents”. *Personality and Individual Differences*, 27, 1999, s. 433–451.
- Orzechowska, Joanna. „Lingvokul'turologičeskij ob'ekt MEDVED' v russkom Źyke”. *Acta Polono-Ruthenica*, 18, 2013, s. 197–206.
- Orzechowska, Joanna. „Rola i struktura komentarza lingwokulturologicznego (na przykładzie Kołobka)”. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*, 2 (7), 2014, s. 102–115.
- Orzechowska, Joanna. „Słownik psychologiczno-lingwistyczny «Zmysły, emocje i przymiotniki języka rosyjskiego». Nowe narzędzie w pracy tłumacza”. *Acta Neophilologica*, 21 (2), 2020, s. 199–208.
- Panasiuk, Igor. „Miejsce modelu lakun w obrębie teorii tłumaczenia kultur”. *Teoria i dydaktyka przekładu*. Red. Krzysztof Hejwowski. Olecko, Wszechnica Mazurska, 2003, s. 99–112.
- Pascalis, Vilfredo De, Enrica Strippoli, Patricia Riccardi, Fabiola Vergari. „Personality, event-related potential (ERP) and heart rate (HR) in emotional word processing”. *Personality and Individual Differences*, 36, 2004, s. 873–891.
- Peabody, Dean. „Selecting representative trait adjectives”. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52 (1), 1987, s. 59–71.
- Raport z badań „Marketing, promocja oraz analiza rynku, analiza rynku produkcji ekologicznej w Polsce, w tym określenie szans i barier dla rozwoju tego sektora produkcji”. Warszawa, 2017. Web. 28.03.2021. [www.online-http://wzcz.sggw.pl/wp-content/uploads/2020/01/Raport_MINROL_15_11_2017_upowsz-1.pdf](http://wzcz.sggw.pl/wp-content/uploads/2020/01/Raport_MINROL_15_11_2017_upowsz-1.pdf).
- Ruzin, Igor'. „Kognitivnye strategii imenovaniâ: modusy percepcii (zrenie, sluh, osâzanie, obonânie, vkus) i ih vyraženie v Źyke”. *Voprosy Źykoznaniâ*, 6, 1994, s. 79–99.
- Šahovskij, Viktor. *Lingvističeskaâ teoriâ èmocij*. Moskva, Gnozis, 2008.
- Scott, Berit, Mats Brandberg, Arne Öhman. „Measuring the negative mood component of stress experiences: Description and psychometric properties of a short adjective check-list of stress responses”. *Scandinavian Journal of Psychology*, 42, 2001, s. 1–7.
- Tiller, Dale K., John F. Campbell. „Biased adjective selection criteria as a factor in mood adjective check list?”. *Psychological Reports*, 58, 1986, s. 619–626.
- Tokarz, Bożena. „Tłumacz, emocje i przekład”. *Poznańskie Studia Sławistyczne*, 9, 2015, s. 381–394.
- Zabiyako, Anna, Andrey Zabiyako. „Marginal'nye pis'mennye teksty russkikh trëhreč'â: častnye istorii formirovaniâ marginal'noj ètničności”. *Cuadernos de Rusística Española*, 13, 2017, s. 229–242.

Wykaz skrótów

- NKJP – Narodowy Korpus Języka Polskiego. Web. 17.02.2020. <http://nkjp.pl/>.
- NKJR – Nacional'nyj korpus russkogo Źyka. Web. 17.02.2020. <http://www.ruscorpora.ru/new/>.
- RAS – Karaulov, Ūrij, Galina Čerkasova, Natal'â Ufimceva, Ūrij Sorokin, Evgenij Tarasov. *Russkij asociativnyj slovar'*. T. 1. Moskva, AST Astrel', 2002.
- ZEPJR – Kolbeneva, Marina, Ūrij Aleksandrov. *Organy čuvstv, èmocii i prilagatel'nye russkogo Źyka. Lingvo-psihologičeskij slovar'*. Moskva, Źyki slavânskikh kul'tur, 2010.

VESSELINA LASKOVA

Oral translation as a way of fostering accuracy. Evidence from teaching Russian

Устный перевод как способ развития грамматической точности.
Доказательства из обучения русскому языку

Abstract. This paper presents the results from two different experiments carried out independently with two different groups of students using the same materials and the same methodology, with the aim to check whether oral translation, if applied as a main teaching technique, can foster the development of the accuracy component of language proficiency. The experiments were carried out at the International Centre for Plurilingualism at the University of Udine with two experimental groups over a period of three years. Apart from providing a positive answer to the research question, the results show that the whole training can be carried out as part of the in-class activities and is independent of factors of personal character like the amount of time a student dedicates to the L2 learning at home, his or her willingness to put him/herself to work and even, to a large extent, independent of the student's mother tongue or previous contacts with the foreign language. Since the main goal is the rapid memorization of the lexical and grammar material inside a context, the present technique suggests itself as a promising teaching tool in any lexically specialized field of L2 study.

Keywords: oral translation, memorization, fluency, accuracy, complexity

Vesselina Laskova, University of Udine, Udine – Italy, vesselina.laskova@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4616-0707>

1. Introduction

The purpose of this paper is to present a teaching technique which aims at the rapid development of linguistic skills related to the use of grammar and lexis. Though the current methodology proposal has much broader aims striving towards the development of language competence regarding all its components, this work will only focus on the use of grammar and lexis in production and comprehension activities.

The methodology proposed here is based on oral translation as a main teaching technique. The rapid development of language skills is favoured by the activities

related to oral production and memorization, and relies on the almost full conversion of the texts used as teaching materials into internalized knowledge of the L2.

The paper presents the results from two experiments carried out at the International Center for Plurilingualism at the University of Udine involving the teaching of Russian as a foreign language to first year university students. The study reports positive results suggesting that the oral-translation-based teaching could be an efficient and time-saving way of developing language skills.

2. Theoretical premises

In the mid-nineties of the previous century Skehan's model (1996, 1998) defined language proficiency as three-dimensional, identifying its three components as fluency, accuracy and complexity (henceforth CAF).

Fluency is defined as the ability to produce rapid and uninterrupted speech in the target language, similarly to a native speaker (cf. Lennon; Towell et al.; Kormoz, Dénes). Accuracy, on the other hand, is the ability to produce error-free structures (Hammerly, Wolfe-Quintero, Inagaki, Kim). The third component – complexity – remains until today the most difficult one to identify and measure. Probably its most popular definition is the one proposed by Rod Ellis, according to which complexity refers to the “extent to which the language produced in performing a task is elaborate and varied” (Ellis 340).

The development of the present methodology in its complete form was directly inspired by a well-known fact, namely that fluency is very difficult to obtain in an L2 classroom and often remains an unachieved goal (cf. Gatbonton, Segalowitz; Rossiter et al.). As Rossiter et al. put it “although many communicative language teaching (henceforth CLT) classrooms promote general fluency, they do not provide the repetition necessary to achieve automatic fluency” (Rossiter et al. 585).

On the other hand, if classroom activities, are mainly centred around the development of communicative competences, this may lead to the underdevelopment of the knowledge of the formal features of a language. Indeed, CLT has been criticized also for underestimating the role of grammar (see, for example, Ridge and Swan among others).

This paper will focus on the question whether we could successfully develop language competences related to the use of grammar and lexis in particular by applying oral translation as a main teaching technique. In other words, we are going to focus on one of the components of language proficiency, i.e. accuracy.

During the last decades of the twentieth century, grammar teaching and activities related to production are gradually returning to the focus of interest, af-

ter having been discarded by some scholars in the post-war period. In addition, with the Communicative Language Teaching (CLT) methodologies, the process of learning and the role of the learner themselves gained more importance. The development in the field led to a significant improvement of the syllabus design and of the exercise types and variety (as even critiques to the CLT recognize cf. Swan). Still, the quality of the results arrived at through the Audiolingual method, adopted during the Second World War period, and their rapid achievement outstand those of CLT classrooms.

The strength of the Audiolingual method is invariably to be sought in the overlearning. During the post-war development in the field of L2 teaching, the overlearning practices fell into oblivion, since they were considered stressful and boring. However, while the field was trying to free itself from wrong practice, it actually went to the other extreme, negating the benefit even of some useful activities.

What the present work suggests is that the effects of overlearning can be achieved not necessarily by learning lessons by heart. Learning by heart is quite time and effort consuming. The oral translation method offers another way of obtaining the same results by learning only the lexical and grammatical properties of a given text without having to memorize the sequence of events presented in it.

3. Research aims

As mentioned above, the present study aims at elaborating a method of second language teaching whose goal is to rapidly develop better oral (but also written) L2 skills (as done by intensive methods). This goal is achieved by carrying out the memorization work in the classroom through oral translation activities, under the supervision of the teacher/professor.

As a matter of fact, homework assignment for the experimental group has been completely excluded *only* for the purposes of the present experiment. In order to show that the application of oral translation can lead to the successful development of language skills, without the influence of personal factors like the possibility and willingness of the student to dedicate time and efforts at home to the foreign language learning, the experiment was only based on in-class activities.

The more articulated idea on which the method is based can be formulated as follows: the main objective is to dedicate the classroom activities to the ultimate goal of the language training – the development of oral (but also written skills), i.e. to the memorization of the material by fixing the correct stress, intonation, pronunciation and speed under the supervision of the teacher, as well as to writing activities. To this end, the main part of the work was done on texts. The unknown

vocabulary and grammar were initially explained to the students in a relatively concise manner and most of the time was dedicated to the memorization of the text through oral translation from the mother tongue to the L2. This activity not only led to the memorization of the material but also developed in the students the valuable oral translation skills. It should be noted that the activity leading to memorization constitutes the first, and not the last step of the whole learning process.

Specific work on grammar was also done in class through oral translation activities, but during the second or the third lecture, when the learners were already able to perform an excellent oral translation of the text from the audio file (further-on I provide more detailed explanations of the exact procedure).

According to the present methodology, what should remain for homework (though homework was not included in the present experiment) are practically activities that lead *not* to the memorization (which was already done in class), but to the further consolidation of the students' knowledge and competences.

The current methodology, in its entirety, has much broader aims. The language skills developed through oral translation training, for example, are an excellent basis for the development of communicative competences and for further consolidation work, which can be carried out both with the help of electronic appliances and through conversational activities. The training realized autonomously, of course, through work on files, should not be seen as a complete substitute of genuine communicative activities.

In the following section, I present a layout of the research design.

4. Research design

In this section I present the research questions, the participants, the materials, the training procedures and the final testing of the students participating in the experiment.

4.1. Research questions

The present experiment is designed to provide an answer to the following question:

Can oral translation be used as a teaching technique to successfully develop language proficiency (in terms of its three most common components – fluency, accuracy and complexity)?

The experiment aims at comparing how the results obtained through oral translation training differ from those obtained on the basis of the traditional teaching given to university students. As mentioned earlier, in this paper we simply

focus on the development of the accuracy component of language proficiency, in particular the way its development is expressed in written exercise testing.

4.2. Participants

Two experiments have been carried out as part of a specialized experimental course of Russian¹ at the International Centre for Plurilingualism at the University of Udine over a period of three years.

By choosing the participants, the parameter of the initial level of students was kept constant by selecting only first-year students, aged nineteen to twenty-five.

4.2.1. Experiment 1

The participants in the experimental group were all first-year students who, apart from their regular classes in Russian, attended also a specialized course in Russian. Ten volunteers from the course were selected to participate in the experimental group. The selection was done on the basis of the following parameters.

Apart from the main goal, which was to compare the results of the experimental and the control groups, I wanted to explore also the effect of two other variables on the students' results. The first one regards the degree of their willingness to work at home, both defined by the students themselves and by their grades in the progress test done as part of their main course of Russian. The second variable regarded their mother tongue, i.e. the fact that two of the experimental group students were heritage speakers of Serbian. Since Serbian is a Slavic language, we could expect that the knowledge of it could facilitate the two students' learning of Russian.

In sum, the experimental group consisted of four students (Alessandra, Ilaria, Fiorella and Nicole) who defined themselves as not very willing to dedicate time to language learning at home and all of whom had obtained a negative grade (four out of ten) in the mid-term progress test of their main course of Russian. All four students were Italian native speakers. Another two participants (Daira and Dejana) were heritage speakers of Serbian, with both parents native speakers of Serbian. The students themselves were born in Italy and completed their school education in Italy. Another four students (Bianca, Edoardo, Gabriele and Federica) were native speakers of Italian with positive grades in the progress test, since they generally dedicated enough time to the study of Russian at home.

¹ The course of Russian is an optional experimental credit-assigned course held at the International Centre for Plurilingualism at the University of Udine.

Interestingly, the heterogeneity of the experimental group was not matched by the results. As we shall see later-on, the oral translation in-class training produced quite a homogenous picture of all participants' achievements in the final test, which was a very positive result.

For organizational reasons three different control groups were formed: one composed of five first year students, not participating in the specialized course of Russian, who did only the comprehension test activities; one which did the grammar test activities, also composed of students who did not attend the specialized course in Russian; and one composed of students who attended the specialized course in Russian but were not taught grammar (but only lexical knowledge) following the oral translation procedure. They achieved their lexical knowledge during the fall semester through the oral translation training.

4.2.2. Experiment 2

The second experiment was carried out three years later. For the purposes of this experiment, two groups of students were formed – an experimental and a control group. The experimental group consisted of six students participating in the specialized course of Russian. The group was heterogeneous according to the following parameters: two of the students were false beginners, three of the students were absolute beginners and one was a heritage speaker of Slovenian.

The control group was formed of nine students who did not participate in the specialized course in Russian. The students were selected according to the same criteria. Three of them were false beginners, five were absolute beginners and one was a Heritage speaker of Slovenian.

4.3. Materials and time span of the work

4.3.1. The experimental groups

The participants of the experimental groups of the first and the second experiments were provided with photocopied materials and audio-files elaborated for the purposes of the experiment. The seminars of Russian took place twice a week. The total number of class hours was twenty-five.

During the fall semester, the students received training which was not specifically related to the development of grammar competences. The third control group (taking part in the first experiment) followed the oral translation methodology only during this semester and not during the spring semester. In this period, grammar was taught more implicitly – providing only short explanations. The spring semester training was dedicated both to lexical and specific grammar training.

For the purposes of the experiment, the grammar training focused on the teaching of one grammar unit, i.e. the singular forms of the dative case. Since the present experiment checks not only the students' grammatical competences but their overall proficiency, this paper takes into consideration also the lexical knowledge obtained throughout the whole year.

During the first half of the period, i.e. the fall semester, the students were provided materials in the form of dialogues and other texts. The aim was to teach the following competences: presenting oneself and other people, and being able to ask and answer questions about one's occupation, one's family, one's free time and hobbies, and one's plans for the future.

During the second half of the training period, the students were provided with materials aiming at developing the ability to speak of one's past experiences and the ability to use the dative case. During this period, grammar was taught explicitly whereby a special training was provided, which was centred around the oral translation of texts and short repetitive drills exercising the use of the dative case. The structure of the drills was of a traditional type. The original element concerned not the structure of the drills but rather the way the drill work was performed by the students, namely translating orally the examples. In the rest of this subsection I present in more detail the materials that I used during the classes.

During the period of grammar training, the students were provided with a fifty-four word long text containing a number of substantives used in the dative case. Next they were presented with drills which aimed at helping the students learn the dative singular endings of nouns and adjectives, learn the various contexts in which the dative is used and the prepositions the dative is used with, as well as the dative pronouns.

Subsequently the students were provided with another sixty-nine-word long text and with yet another sixty-seven-word long text. These texts had the role of introducing some particular cases in which the dative is used, which might typically present difficulties to an Italian learner.

The work on the two texts was followed by another session of drill work.

In sum, during the second semester each student worked on texts with the overall length of 190 words and on additional grammatical drills.

4.3.2. The control group of students attending the course of Russian

As mentioned above, only during the first experiment five of the students attending the course were given a traditional training on the same grammar materials described above in order to check how their results would differ from the ones of the control group students not attending the course, on the one hand, and from

the results of the students from the experimental group following the oral translation training, on the other.

The rest of the control groups were students who did not participate in the specialized course of Russian and obtained their training in Russian only during the regular first-year-course of Russian.

4.4. Training of the participants

Since our aim was to check whether oral translation can develop the accuracy component of language proficiency, the teaching activities carried out during the experiment were reduced to using only this technique.

4.4.1. Training of the experimental groups

Crucial for the application of the oral translation teaching technique was the use of personal smart phones (or computers) on which the students could download the audio files and listen to them while translating².

The proceeding was the following. Each student was sent several audio files via email and was asked to download them on her own telephone (or computer) before coming to the class. Before the beginning of the activities, the students were asked to open the file containing the new text in Russian registered with near-native fluency, to listen to it at least three times and try to understand what it says. Each person assumed her own speed of work and did not need to wait for or catch up with the others. Who was ready was invited to restart the file and start repeating after the speaker, imitating the speaker's speed and pronunciation, possibly without pausing the recording. Again, everyone was invited to repeat this exercise as many times as they wanted.

After this second exercise, the students were presented with the written text and were asked to do the third exercise which consisted of the following steps: Everyone was invited to listen once again to each sentence, while reading also the written version of the text. After this the students were provided with short and rapid explanations regarding the unknown words, phrases and grammatical units. Then, helping themselves both with the oral and the written versions they were asked to open the file containing the same text in Italian (their mother tongue) and to learn to translate the first sentence orally into Russian (listening to the Italian version), obtaining a sort of simultaneous (or initially consecutive) translation.

² As mentioned earlier, this experiment is a part of a larger study which develops a methodology of L2 teaching to a large extent relying on computer-based activities. The aim is to allow each student to do oral work throughout the academic hour, without being forced to wait while another course-mate is speaking.

The aim was to obtain a fluent translation of the sentence without pausing the file and without reading the text in Russian. When a student was ready with the first sentence, that student was invited to repeat the same procedure with the second sentence and put together the two sentences until a fluent translation of both was obtained. The same procedure was repeated with the whole text until the students were able to perform a fluent oral translation of the text without pausing the file and without helping themselves with the written version in Russian.

The time duration needed for each of the texts the students were presented with was about thirty or forty minutes. As soon as a student learned to translate the text, that student was invited to perform the oral translation in front of the teacher (the author).

The above described procedure was applied both to the texts and to the grammar drills. The only difference was that the drills were more repetitive and centred around one grammatical unit. Each of the two sessions of drill work lasted for about three academic hours.

4.4.2. Training of the control group formed of students participating in the specialized course of Russian (as part of the first experiment only)

This control group was taught by making use of the same materials but without using the oral translation for the grammar activities. The hours with the control group were more teacher-centred classes if compared to those with the experimental group. The texts were initially read by the teacher. Afterwards the learners were encouraged to read them themselves and the unknown words and grammatical units were explained. The students took notes of all explanations.

Next, the students were led into oral practice by encouraging them to explain what the texts were about thus reproducing parts of them, and by pair work oral practice. Grammar was taught by doing grammar drills asking the students to take turns. The control group students were assigned homework consisting of lexical and grammar exercises.

4.5. Testing of the participants

Since the purpose of this study is to establish whether oral translation training can help to foster the accuracy component of language proficiency, we must have a look at how this component was measured.

4.5.1. Testing accuracy

The accuracy competence of the students of all groups was tested by making use of a test consisting of five exercises. The level of comprehension was tested

both with one oral and one written comprehension exercise. In the written test the students were asked to comprehend and complete a complex text with lexical items suggested to them in a column running alongside the text. The oral task, on the other hand consisted in listening to a text and answering nine multiple-choice questions.

The grammatical competences were checked by making use of three exercises. The first one (a cloze test) was the easiest. The students were presented with a text in which twenty items were removed and for each of these three possibilities were offered. The student had to indicate the correct item. Most of the items were related to the use of the dative case, but not all of them (otherwise the exercise would test only the form and not the use of the dative). The second exercise was quite similar but the possible answers were presented one after another with a slash and not in a column. It was slightly more difficult than the first exercise, since it tested not only grammar (mainly the dative case) but also some lexical knowledge. The third exercise was the most difficult one. It consisted in twelve sentences containing errors which the students had to identify (and, if they wanted, to correct).

5. Results

5.1. Experiment 1

5.1.1. Listening comprehension

The results from the listening comprehension test carried out in the first experiment are illustrated in Figure 1 and Figure 2.

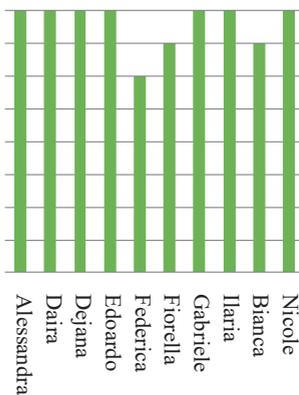

Figure 1. Exercise 1. Experimental group
Listen to the text and answer the questions

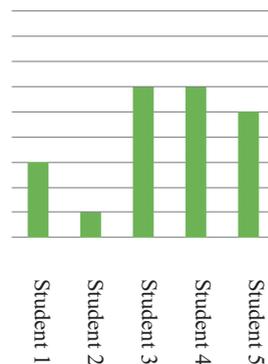

Figure 2. Exercise 1. Control group
Listen to the text and answer the questions

5.1.2. Reading comprehension, vocabulary, and three grammar tests

Figure 3 illustrates the results of the experimental group students from the vocabulary test as well as from the three grammar tests.

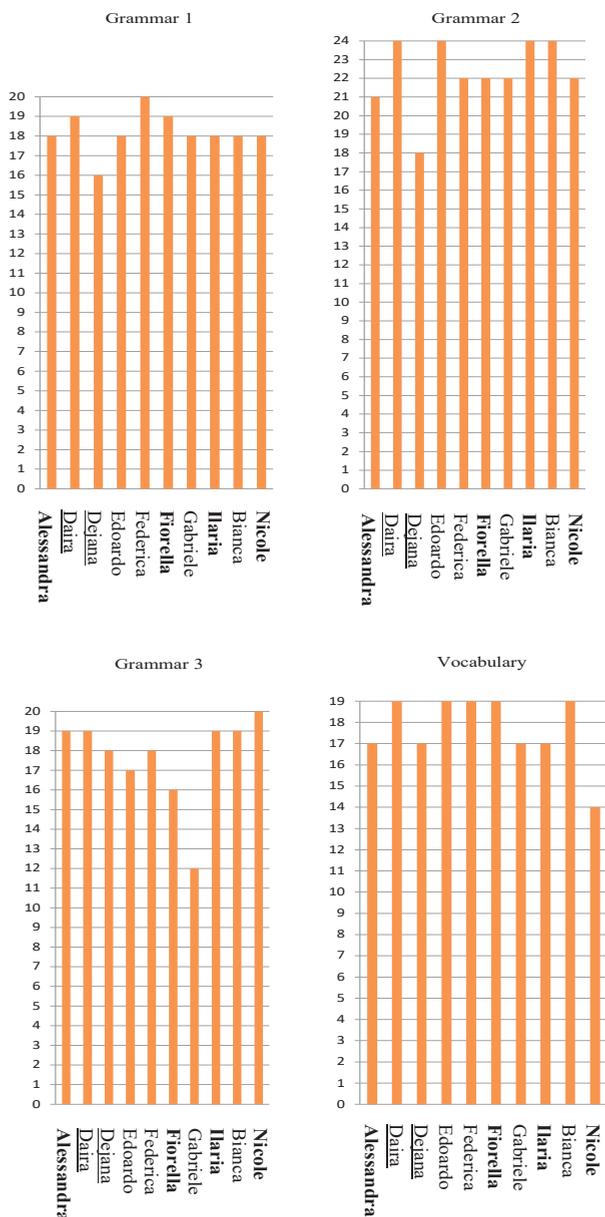

Figure 3. Experimental group results

In Figure 4 you can see the results from the same exercises of the learners from the control group formed from students not participating in the specialized course in Russian.

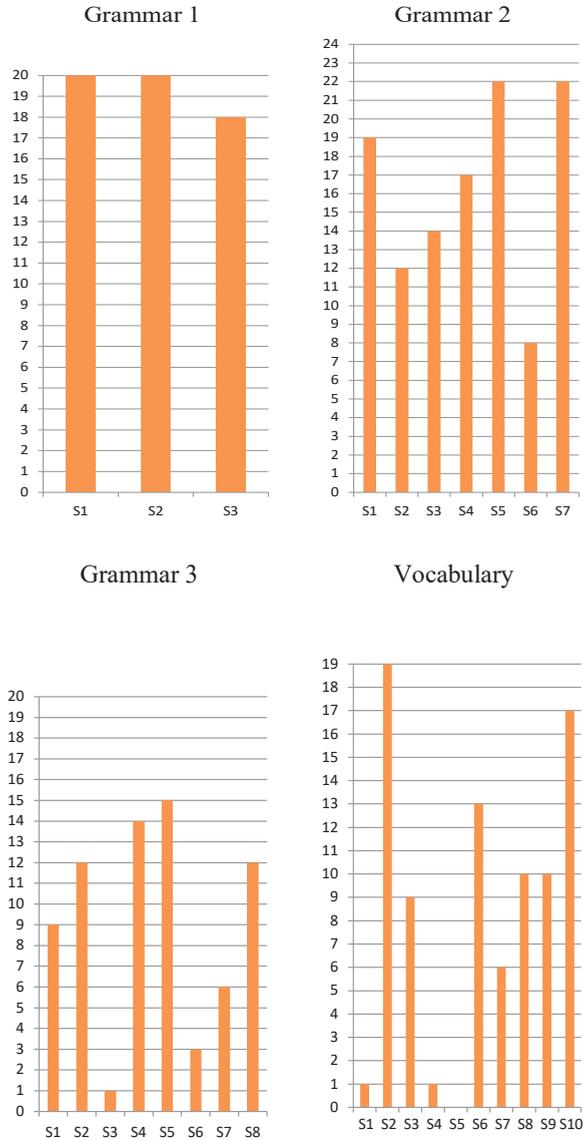

Figure 4. Control group 1 results

Figure 5 illustrates the outcome from the same exercise of the control group students who participated in the specialized course of Russian.

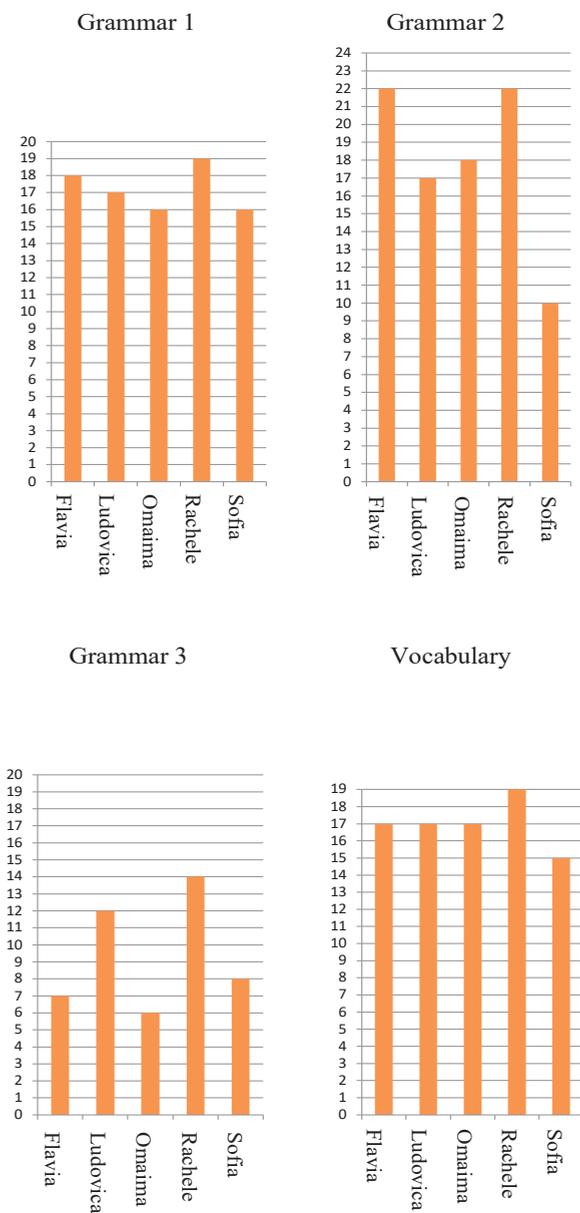

Figure 5. Control group 2 results

5.2. Experiment 2

Figure 6 illustrates the comparison of the listening comprehension results of both the experimental and the control group students. As mentioned above, during the second experiment the students were divided into three groups: beginners, false beginners and heritage speakers.

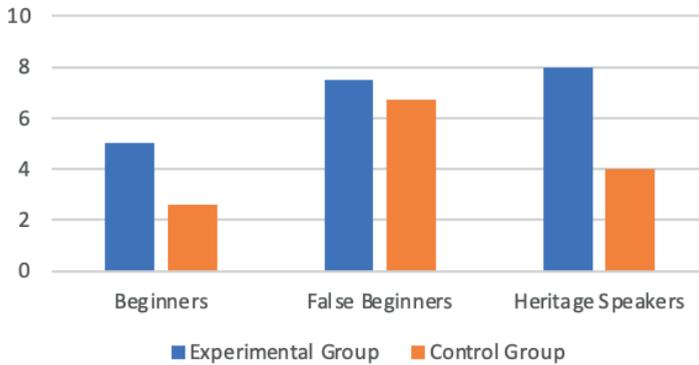

Figure 6. Listening comprehension results

In Figure 7 one can see the results from the vocabulary exercise.

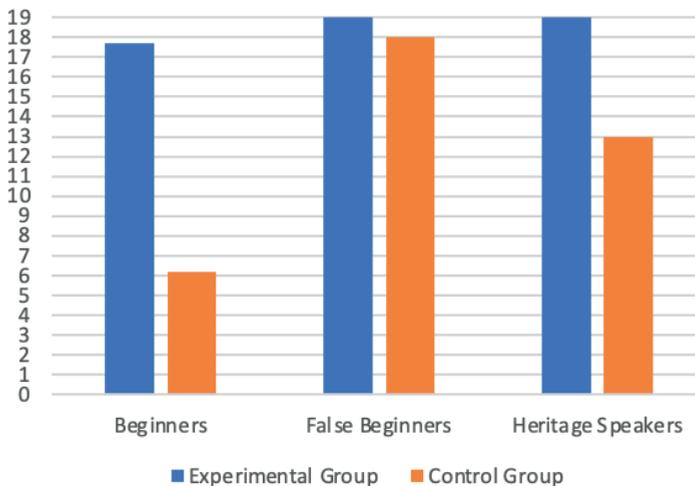

Figure 7. Vocabulary exercise results

Figures 8, 9 and 10 illustrate the results from the grammar tests, and Figure 11 – the average of correct answers of both groups in percentage terms.

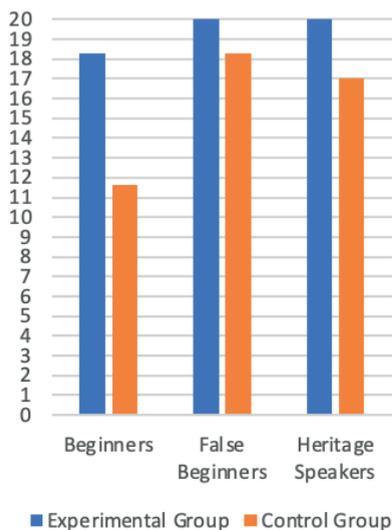

Figure 8. Grammar 1 test results

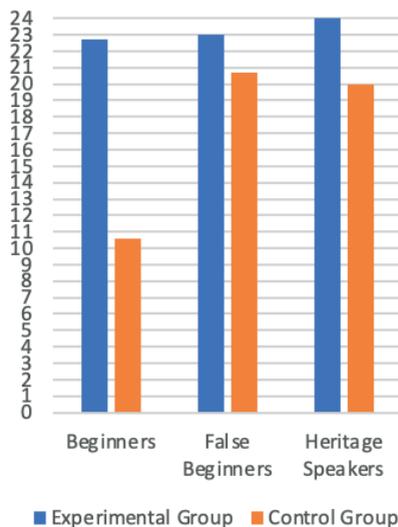

Figure 9. Grammar 2 test results

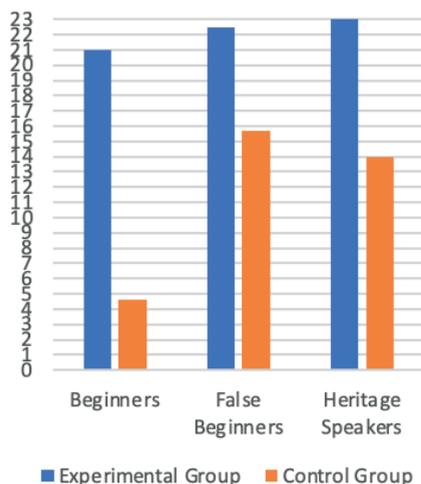

Figure 10. Grammar 3 test results

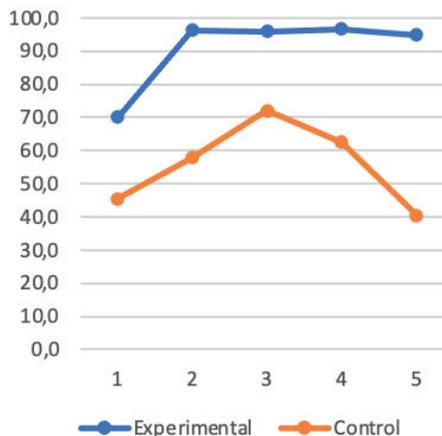

Figure 11. Average of correct answers

6. Discussion

6.1. Experiment 1

One thing worthy to note is that the experimental group’s results are not only higher than those of the control group but are also more homogenous. As

we can see in the graphs, there are no significant differences from one student to another and there are no significant low peaks. This suggests that oral translation training guarantees considerable uniformity and in this sense the students' competence is not strongly dependent on factors of a personal nature. Let us have a closer look at the different subgroups of students who participated in the experimental group.

During the first experiment, there were four students who had obtained insufficient grades in the midterm progress test (as part of their regular course of Russian) and who had declared themselves not very diligent workers at home. You can find their names in bold under the corresponding graphs. It can be clearly seen, however, that their results are not particularly different from the ones of the rest of the experimental group. Notice even that most of the low peaks in the experimental group graphs do not correspond to the names of those participants.

As to the heritage speakers of Serbian, the results of one of them are among the best results in the whole group, while the scores of the other are somewhat lower. If we assume, as we do, that these heritage learners are facilitated in their acquisition of Russian, the results suggest that the non-Slavic learners have managed not only to reach but also to surpass the level of one of the heritage speakers of Serbian. Notice also that in each chart, there is at least one of the students of those who had failed in the progress test who matches the better result of the two heritage speakers. This outcome suggests that the oral translation training offers equal opportunities for every learner. Moreover, since the memorization work is done in class, in a controlled situation, this methodology offers also equal possibilities for everyone to reach a higher level.

Another thing to notice is that the raising of the difficulty starting from the first grammar exercise to the third one can hardly be noticed with the results of the experimental group. It is clearly seen, on the other hand, with those of the control group.

Remember that with the first experiment there were two control groups, the second being formed by students participating in the specialized course of Russian but not being taught grammar (only lexis) through the oral translation procedure. Looking at their results one can clearly notice that while their grammar graphs look more like those of the other control group's graphs, their comprehension graph differs significantly from the other control group's graph and looks much more like the experimental group's graph, being more homogenous and representing high scores. This is direct evidence, since it comes from the same group of people, suggesting that where the oral translation training has been applied, the results are high, and where it was not the results are lower.

6.2. Experiment 2

During the second experiment, a different subdivision was made among the students. In both the experimental and the control group there was a subgroup of absolute beginners, a subgroup of false beginners and one heritage speaker student of Slovenian in each group.

Looking at the charts, what one notices first is the homogeneity of the experimental group's results. This second experiment actually confirms what the first one suggested, namely that oral translation offers an equal possibility for all students to develop linguistic skills. This is a result of the memorization being done in a rapid and teacher-guided manner already in aula.

With the control group, on the other hand, the development of linguistic skills largely depends on factors of a personal character like the time one dedicates to the foreign language study at home and the personal willingness to dedicate efforts to the study.

Moreover, one clearly sees in the graphs that the difference in the results of the control group and the experimental group in the separate exercises is greater at the beginner level. This is of course natural and expected, since the false beginners are students who have studied the Russian language for five years at their high school. Still the experimental false beginners show consistently higher results than those of the control group.

A very positive outcome is that the results of the experimental absolute beginners are comparable and sometimes higher than those of the control false beginners.

The three grammar exercises were ordered according to their rising difficulty from the first to the third one. Notice that the rising of the difficulty of the grammar exercises yields a major difference between the results of the experimental and the control group.

Figure 11 presents the average correct answers of the two groups in percentage terms. Under number 1 is reported the percentage regarding the listening comprehension. Number 2 presents the results from the reading comprehension and the last three positions illustrate the results from the grammatical exercises. It can be observed that the listening comprehension proved to be difficult for both groups. Nevertheless, the experimental group's results are considerably higher than those of the control group students. What is interesting to note, however, is the particular behaviour of the control group's curve with the most difficult grammar exercise. It sharply goes down, and at position 5 goes even lower with respect to the listening comprehension position, while the one of the experimental group remains stable. This result again suggests that oral translation methodology offers an efficacious way of teaching grammar.

7. Conclusions

This paper presents the results from an experimental teaching of Russian at the University of Udine implementing a methodology based on oral translation. Two separate experiments have been carried out with beginner level students. The aim was to check whether the above mentioned methodology can foster the development of language skills related to the accuracy component of language proficiency.

Apart from suggesting a positive answer to this question, the study shows that the whole training can be realized in class and is thus independent of factors of a personal character like the amount of time students dedicate to the L2 at home, their willingness to dedicate themselves to work and even, to a large extent, independent of the student's mother tongue.

The training is dependent on the use of a simple technical device, a smart phone or a computer, and can be successfully applied to beginners.

The adopted teaching technique leads towards a rapid memorization of the material, offering immediate possibilities for a consolidation of the acquired knowledge.

Bibliography

- Ellis, Rod. *Task-based language learning and teaching*. Oxford, Oxford University Press, 2003.
- Gatbonton, Elizabeth, Norman Segalowitz. "Rethinking communicative language teaching: A focus on access to fluency". *The Canadian Modern Language Review*, 61, 2005, p. 325–353.
- Hammerly, Hector. *Fluency and accuracy: Toward balance in language teaching and learning*. Clevedon, Multilingual Matters, 1991.
- Kormoz, Judit, Mariann Dénes. "Exploring measures and perceptions of fluency in the speech of second language learners". *System*, 32 (2), 2004, p. 145–164.
- Lennon, Paul. "Investigating fluency in EFL: A Quantitative approach". *Language Learning*, 40, 1990, p. 387–417.
- Ridge, Elaine. "Communicative language teaching: Time for review". *SPIL PLUS*, 21, 1992, p. 95–108.
- Rossiter, Marian J. et al. "Oral fluency: The neglected component in the communicative language classroom". *The Canadian Modern Language Review*, 66 (4), 2010, p. 583–606.
- Skehan, Peter. *A cognitive approach to language learning*. Oxford, Oxford University Press, 1998.
- Skehan, Peter. "Second language acquisition and task-based instruction". *Challenge and change in language teaching*. Eds. Jane Willis, Dave Willis. Oxford, Heinemann, 1996, p. 17–30.
- Swan, Michael. "A critical look at the communicative approach". *ELT Journal*, 39 (1), 1985, p. 2–12.
- Towell, Richard, Renee O. Hawkins, Bazergui Nives. "The development of fluency in advanced learners of French". *Applied Linguistics*, 17, 1996, p. 84–119.
- Wolfe-Quintero, Kate, Shunji Inagaki, Hae-Young Kim. *Second language development in writing: Measures of fluency, accuracy and complexity*. Honolulu, University of Hawai'i, 1998.

EWA DŹWIERZYŃSKA

Обогащение лексикона студентов с использованием новых информационно-коммуникативных технологий (на примере сервисов *WorldWall* и *LearningApps*)

Enriching students' vocabulary using new information and communication technologies (using the example of *WorldWall* and *LearningApps* services)

Abstract. The article is the result of a search for effective tools that can support the process of enriching the individual lexicon of students. The possibilities of involving students in this process through the use of selected ICT tools were indicated. It was pointed out that the use of various platforms and mobile applications in the development and control of lexical skills is conducive to individualization of teaching, and its inclusion in the learning process requires an analysis for usefulness in achieving expected learning outcomes. Online learning platforms such as *WorldWall* and *LearningApps*, that allow for the design of interactive exercises facilitating the learning of foreign languages, and in particular the improving of foreign vocabulary, were analyzed. Their use in the course of independent learning enables the enrichment of vocabulary in accordance with the interests and individual communication needs of students. The inclusion of these tools in the didactic process may positively affect the motivation to learn, and their systematic use, both in the classroom and during individual work, it also allows the acceleration of the memorization of the vocabulary of a foreign language.

Keywords: technologies, vocabulary, motivation, lexical skills, innovation

Ewa Dźwierzyńska, Uniwersytet Rzeszowski, Rzeszów – Polska, edzwierzynska@ur.edu.pl,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6408-0295>

Работа над расширением иноязычного словаря является необходимым условием выработки умений свободно общаться и сопровождает весь процесс обучения иностранному языку. Усвоение богатого лексикона позволяет полноценно участвовать в языковой коммуникации, является условием формирования лексических навыков, позволяющих выразить свои мысли и понимать высказывания на иностранном языке.

Возможность реализации коммуникативных задач связана с необходимостью обогащения индивидуального лексикона студентов таким количеством

лексических единиц, которые позволят в относительно короткий срок повысить уровень владения языком и таким образом положительно влиять на их мотивацию. Обогащение лексикона это не только усвоение новых слов, но также овладение новыми значениями уже известных лексических единиц, активизация лексики, путем расширения активного словаря, в том числе работа по перенесению многих слов из пассивного в активный словарь. Ограниченное учебное время осложняет реализацию этих целей.

Установление прочных ассоциативных связей обеспечивает длительное хранение слов в памяти и дает возможность в нужный момент воспроизводить их и применять в речи. Включение слов в активный словарь часто связано с многократным механическим повторением лексических единиц¹ и может вести к возникновению у студентов чувства неудовлетворения, что, в свою очередь, отрицательно влияет на концентрацию внимания и запоминание. Важно также не забывать о том, что „материал, запомненный механически, без достаточного понимания, подвержен более быстрому забыванию” (Kruteckij 147). Поэтому надо обращать внимание на то, чтобы повторение было не чисто механическим, а активным и разнообразным. Запоминанию способствует группирование слов, образование словесных пар, позволяющее включить их в имеющиеся уже в памяти структуры. Усваиваемые студентами слова должны включаться в их индивидуальные словари и связываться с уже имеющимися в их памяти словами (Zalevskaâ 16). Прочное усвоение слов даст возможность их извлечения из памяти и употребления в речи для реализации коммуникативных целей. Обучая лексике в разных контекстах, следует не забывать о том, что „чем ярче впечатление, произведенное словом, чем значительнее ситуация, в которой оно встречалось, чем больше в нем потребность, тем лучше оно запоминается” (Vim 174). По мере возможности запоминание новых слов и их закрепление путем развития умений правильно, точно и уместно их использовать в контексте следует связывать с возникновением эмоций, которые положительно сказываются на результатах обучения.

Интернет-ресурсы предоставляют возможность коммуникации на интересные темы, помогают вовлечь студентов в процесс обучения (Azimov, Vil'sineckaâ 54), позволяют преподавателям подбирать материалы, которые могут вызывать заинтересованность и желание расширять словарный запас. Их введение в обучение может облегчить труд преподавателей, делая процесс обучения иноязычному общению более эффективным. Применение новых, интересных с точки зрения студента инструментов для обучения иностран-

¹ Было доказано экспериментально, что количество информации, характеризующейся логической структурой, которую можно запомнить, во много раз превышает количество информации усвоенной механически. Приведенные экспериментальные данные относятся как к читаемой, так и воспринимаемой на слух информации (Wejn, Kamieniecka 253).

ным языкам, способно повысить заинтересованность учебным материалом, создать установку на восприятие и запоминание, облегчить усвоение материала и проверку уровня овладения иноязычной лексикой. Существует большое количество сервисов для создания различных интерактивных упражнений: тестов, кроссвордов, викторин, ребусов, ментальных карт и т. д. Каждый из них по-своему интересен и полезен. Некоторые ресурсы дают еще дополнительную возможность соперничества во время решения задач/упражнений, а их применение на занятиях может помочь преодолеть утомление, стимулировать запоминание и облегчить хранение слов в памяти.

Ускорение процесса обучения иноязычной лексике требует применения таких приемов обучения, которые путем сочетания современных информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) с традиционными методами будут способствовать достижению максимально возможных результатов. Условием успешности расширения словарного запаса студентов с применением ресурсов Интернета является их анализ с точки зрения пригодности для реализации учебных целей и продуманное включение в этот процесс. Вводя их в обучение, нельзя забывать, что несмотря на то, что потребность применения ИКТ уже не вызывает сомнений, использование определенной интернет-технологии в обучении „должно быть обусловлено не общей тенденцией «обучения всему посредством ИКТ», а приемлемостью, эффективностью и эргономичностью использования данной интернет-технологии для решения конкретной учебной задачи” (Sysoev 23). Стоит обратить внимание и на эффективность внедрения ИКТ на разных возрастных этапах обучения (Spitzer 289).

Процесс обогащения лексикона можно ускорить, мотивируя студентов к обучению, повышая готовность к восприятию, концентрации внимания на усваиваемом материале. Интернет-ресурсы могут служить средством активизации студентов на занятиях и стимуляции их самостоятельной работы. Применение разных сервисов и мобильных приложений способствует индивидуализации обучения на разных стадиях овладения лексическими навыками и их контролю. Активизация студентов с помощью ИКТ позволяет правильно сочетать аудиторную и домашнюю работу, с постепенным увеличением времени самостоятельной работы, что ведет к улучшению результатов обучения. Самостоятельное обогащение лексикона помогает закрепить введенный на занятиях материал, положительно влияет на понимание информации в процессе восприятия, а также способствует развитию речи. Во внеурочное время студенты могут, работая в индивидуальном режиме, решать задания, обогащая свой лексикон новыми словами, согласно их интересам и индивидуальным коммуникативным потребностям.

Огромное и постепенно увеличивающееся количество интернет-ресурсов, позволяет выбрать наиболее подходящие, но одновременно генерирует

трудности ознакомления с ними и оценки их функциональности. В связи с этим в начале самостоятельной работы особенно важна руководящая роль преподавателя, который должен предлагать студентам полезные с точки зрения реализации определенных целей материалы и знакомить со способами их использования в обучении. Индивидуальный выбор материалов, из предложенных преподавателем, позволит каждому студенту работать с наиболее интересными/полезными для него. Сознательный подход к обучению и самостоятельный подбор материалов, а также применение проверенных на практике способов запоминания, позволяют повышать эффективность запоминания нового материала (Szewczuk 206).

Ниже будут представлены избранные интернет-ресурсы, работа с которыми способствует усвоению иностранного языка и которые, основываясь на личном опыте использования, я могу рекомендовать как хорошее средство обогащения лексикона, как в аудиторное, так и во внеаудиторное время. Стоит обратить внимание на большое количество сервисов, которые могут быть использованы для реализации поставленных целей обучения. Описанные ниже интерактивные материалы были проанализированы с точки зрения их пригодности для работы над обогащением лексикона. Второй год я постепенно внедряю их в учебную практику, результаты которой уже в некоторой степени позволяют судить об их эффективности. Однако их реальное влияние на процесс обучения может быть определено лишь благодаря экспериментальной проверке. Краткое описание двух сервисов и указание на возможности их применения для расширения словаря студентов помогут определить их место в процессе обучения.

Интерактивные задания, помогающие сосредотачивать внимание, можно создавать с помощью коллекций шаблонов дидактических игр, доступных в разных интерактивных программах и мобильных приложениях, в том числе в *WorldWall* и *LearningApps*, которые являются приложением к Web 2.0 для поддержки процесса обучения и преподавания с помощью интерактивных модулей.

Веб 2.0 отличается от Интернета 1990-х годов гибкостью, интерактивностью и привлечением активности пользователей. Веб 2.0 предполагает активное взаимодействие участников коммуникационного процесса (блоги, сообщества) [...]. Достижения Веб 2.0 в сфере мультимедиа предоставляют возможность донесения информации в режиме реального времени практически любому человеку, причем аудитория его потенциально неограниченна (Vykov, Filatova 227).

Обе программы предназначены не только для изучения иностранных языков, но и других предметов. Они представляют собой простые в использовании сервисы для создания интерактивных материалов (заданий и игр),

которые позволяют преподавателю работать со студентами в аудитории или применять упражнения в качестве домашних заданий.

Преимуществом сервиса *LearningApps* является то, что в полной версии он совсем бесплатный, а в бесплатном плане программы *WorldWall* каждый ее пользователь имеет возможность создать только 5 ресурсов. Однако в обоих сервисах бесплатно можно применять ресурсы других пользователей. Пользуясь поиском, преподаватель может найти подходящие задания, записать их в своей папке, и в таком виде использовать на занятиях или применить в качестве шаблона, изменяя их контент.

Разнообразие шаблонов рассматриваемых сервисов позволяет преподавателю выбрать подходящий для создания своего задания, к которому можно также добавить подходящее изображение. Эти программы дают возможность переделать многие упражнения из учебников, придавая им новую, более привлекательную форму. *WorldWall* позволяет еще дополнительно распечатать каждое задание. Использование сервисов не требует регистрации, но регистрация дает преподавателям больше возможностей.

Несмотря на разные названия заданий, некоторые из них одинаковые или очень похожие в обеих программах. Все шаблоны упражнений могут быть условно разделены на такие категории, как выбор, распределение, последовательность, заполнение, онлайн-игры. В рамках каждой категории можем создать разные задания. Если целью их использования является обогащение лексикона, следует обратить внимание прежде всего на указанные в таблице виды заданий.

Таблица 1. Виды заданий для обучения лексике в сервисах *WorldWall* и *LearningApps*

№	Название задания		Описание
	<i>WorldWall</i>	<i>LearningApps</i>	
1.	Найти пару		Соотнести слово (или слова) с картинкой.
2.	Сопоставление	Классификация	Соотнести элементы (слова, иллюстрации) с их группами.
3	Пропущенное слово	Заполнить пропуски	Заполнить пропущенные слова в тексте/предложении.
4.	Распутать	Простой порядок	Установить правильный порядок слов в предложении.
5.	Групповая сортировка	Сортировка картинок	Распределить слова по группам или назвать элементы из иллюстрации словами.
6.	Кроссворд		Записать слова в кроссворд.
7.	Поиск слов	Слова из букв	Составить слова из букв, расположенных рядом друг с другом в таблице.
8.	Составление пар	Игра <i>Парочки</i>	Соединить слова в пары (напр. синонимы, антонимы, слова связанные одной темой).
9.	Викторина		Выбрать один или несколько правильных ответов на вопрос.

В поиске заданий для обучения русскому языку в сервисе *LearningApps* лучше войти в категорию *Русский язык как иностранный* и найти материалы, которые разделены на ступени, т. н. классы, соответственно языковому уровню группы (для начинающих, начальная школа, средняя школа и старшие классы). Преподаватель может найти и записать подходящие материалы, а при необходимости переделать их и отправить студентам ссылку на упражнение или использовать эту ссылку для размещения в соцсети или на своем блоге. Ссылкой на созданное задание можно поделиться также с другими преподавателями. Преподаватель может подобрать лучший вариант упражнения для работы в данной группе или дать студентам возможность самостоятельного выбора одного из нескольких видов упражнений, передавая студентам несколько ссылок.

Полезной функцией сервиса *WorldWall* является возможность автоматического конвертирования упражнений в другой тип. Преподаватель создает задание по одному (избранному им) шаблону и записывает его, а сервис позволяет изменить задание, согласно индивидуальным предпочтениям пользователей.

Задания интерактивны, т. е. после выполнения каждого из них у студентов есть возможность сразу посмотреть правильность своих ответов. Очень полезной для преподавателей является функция отслеживания результатов индивидуальной работы студентов, которая включается после регистрации на сайте как учитель. Возможность просмотра результатов в сервисе *WorldWall* дается сразу, а в *LearningApps* преподавателю нужно сначала создать класс/группу студентов, т. е. завести их аккаунты и выслать им логины и пароли. Анализируя результаты работы студентов, преподаватель может найти самые трудные для них языковые явления и включить их в следующие, составляемые им задания. Несмотря на то, что без создания аккаунтов в *LearningApps*, преподаватель не может контролировать работы студентов, он может дать им возможность использовать упражнения для закрепления пройденного материала, применяя их как хороший способ самопроверки, в том числе и в игровой форме.

Описанные здесь образовательные платформы просты в использовании и предоставляют широкие возможности для создания и применения упражнений как в аудиторной, так и в самостоятельной работе над обогащением лексикона. Сравнивая их, стоит обратить внимание на то, что более современной, с точки зрения визуального оформления, позволяющего в большей степени привлекать внимание, является *WorldWall*. Однако, оценивая функциональность сервиса *LearningApps* и бесплатной версии *WorldWall*, надо отметить, что, несмотря на недостаток в визуальном оформлении, более высокой оценки заслуживает сервис *LearningApps*,

который предлагает больше разнообразных заданий, в том числе и аудио/видео контент.

Рассматриваемые сервисы могут применяться на разных этапах работы над усвоением лексики и позволяют студентам пополнять лексикон, работать над его закреплением, а иногда также самостоятельно оценивать степень его усвоения. Их регулярное применение в самостоятельной работе дает возможность повторения лексики с целью ее закрепления, а компьютерный контроль повышает объективность оценки, позволяет студентам отслеживать результаты своей работы, уменьшает количество времени, предназначенного на оценку.

Методика работы над лексикой с включением рассматриваемых выше программ и их место на занятиях и в самостоятельной работе зависит от этапа обучения, от уровня владения языком и конкретных целей обучения.

Применение программ *WorldWall* и *LearningApps* позволяет:

- создать условия для развития и автоматизации лексических навыков;
- повысить качество заданий (сделать их более разнообразными, привлекающими внимание);
- оптимизировать учебный процесс, активизировать студентов, повысить их мотивацию к обучению;
- индивидуализировать обучение, предоставлять студентам возможность выбора упражнений;
- сочетать аудиторную и самостоятельную работу студентов, постепенно увеличивая время их самостоятельной работы;
- проводить мониторинг работы студентов, а в самостоятельной работе давать возможность самопроверки;
- объективно оценивать результаты работы.

Польза от введения этих сервисов в процесс обучения была обнаружена во время занятий и подтверждена в результате анализа опроса, проведенного в группе, состоящей из 60 студентов третьего курса русской филологии Жешувского университета, которые работали с ними во время занятий по практике русского языка в онлайн режиме. Опрос был проведен 4 месяца спустя после первых занятий с применением упражнений, размещенных в сервисах *WorldWall* и *LearningApps*. В результате анализа опроса оказалось, что преобладали положительные оценки применения анализируемых ресурсов в работе над обогащением лексикона. Программу *LearningApps* положительно оценили 49 респондентов, отрицательно – лишь 5 и 6 затруднились ответить. Сервис *WorldWall* понравился 54 студентам, а 6 респондентов не оценили его.

На вопрос о том, какие положительные и отрицательные стороны использования этих программ можно назвать, наиболее часто повторялись следующие ответы:

- Это (очень) интересно. Новые слова я запоминаю (намного) быстрее.
- Я еще не знаю, насколько они полезны, но работа с ними интересна.
- Это для меня развлечение. Новые слова заучиваю быстро (быстрее/легче).
- Я стала пользоваться этими ресурсами дома. Мне кажется, что их применение уже дает результаты.
- Когда у меня есть время, я стараюсь сделать хотя бы одно задание в этих сервисах.
- Для меня особенно интересны задания в сервисе *WordWall*. Мне нравится возможность выбора подходящего шаблона.
- Мне нравятся оба сервиса, но в своей работе дома я чаще использую *LearningApps*. Он предлагает больше полезных заданий.
- Решение задач стало более интересным и увлекательным.
- Это хорошая форма обучения (особенно) во время онлайн-обучения.
- Занятия онлайн стали более интересными.
- Мне нравятся интерактивные задания разного уровня сложности в сервисе *LearningApps*.
- Для меня важно то, что ошибки исправляются автоматически/что сразу появляется правильный ответ.
- Я не убеждена, что эти упражнения действительно более эффективны, чем традиционные.
- По-моему, они похожи на обыкновенные упражнения в учебнике. Мне они не нужны. Могу работать с учебником.

На вопрос об использовании этих ресурсов в самостоятельной работе, больше половины респондентов ответили положительно: 23 студента использует их 1–2 раза в неделю, а 5 студентов еще чаще; 6 студентов ответили, что они несколько раз решали какие-то задачи в этих сервисах; 19 студентов не используют их, а 7 затруднились дать ответ на этот вопрос.

Результаты проведенного исследования подтвердили, что эти ресурсы способны привлекать внимание студентов и стимулировать их к работе над языком. Однако, применяя анализируемые программы, следует не забывать о том, что обучение лексике – это не просто заучивание отдельных слов, а усвоение имеющихся между ними связей. Заучивание слов вне словосочетаний или предложений может оказаться полезным, но его надо считать лишь первым этапом приобретения лексических навыков. Активизация лексики возможна лишь благодаря включению слов в словосочетания и предложения и их применению в конкретных ситуациях. Используя онлайн-программы для создания современных дидактических средств обучения лексике, мы должны помнить о том, что лишь адекватное их включение в учебный процесс, в сочетании с традиционными, проверенными на практике средствами обучения, способно оптимизировать учебный процесс.

Подводя итог проведенному анализу открытых образовательных платформ *WorldWall* и *LearningApps* с точки зрения возможностей их использования в обучении лексике, учитывая некоторый опыт их применения во

время занятий по практикуму русского языка и результаты проведенного анкетирования, можно прийти к выводу, что их внедрение в учебный процесс дает возможность повышать интерес и мотивацию, положительно влияя на постепенное обогащение лексикона студентов и формирование лексических навыков и умений.

Библиография

- Azimov, Èlhan, Elena Vil'sineckaâ. „Materialy Interneta na urokah anglijskogo âzyka”. *Inostrannye âzyki v škole*, 1, 2001, s. 54–58.
- Bim, Inessa. *Metodika obučeniâ inostrannym âzykam kak nauka i problemy škol'nogo učebnika*. Moskva, Russkij âzyk, 1977.
- Bykov, Il'â, Ol'ga Filatova. *Tehnologii Web 2.0 i svâzi s obšestvennost'û: Smena paradigmy ili dopolnitel'nye vozmožnosti?*. Web. 08.09.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-veb-2-0-i-svyazi-s-obschestvennostyu-smena-paradigmy-ili-dopolnitelnye-vozmozhnosti/viewer>.
- Kruteckij, Vadim. *Psihologîâ: učebnik dlâ učašihšâ ped. učiliš*. Moskva, Prosvešenie, 1980.
- Spitzer, Manfred. *Jak uczy się mózg*. Przeł. Małgorzata Guzowska-Dąbrowska. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
- Sysoev, Pavel. *Informacionnye i kommunikacionnye tehnologii v lingvističeskom obrazovanii: učebnoe posobie*. Moskva, Librokom, 2013.
- Szewczuk, Włodzimierz. *Podstawy psychologii: podręcznik akademicki*. Warszawa, Wyższa Szkoła Społeczno-Ekonomiczna, 2000.
- Wejn, Aleksander, Berta Kamieniecka. *Tajemnice pamięci*. Przeł. Józef Dancygier. Warszawa, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1976.
- Zalevskaâ, Aleksandra. *Slovo v leksikone čeloveka*. Voronež, Izdatel'stvo Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta, 1990.

Интернет-источники

- <http://didaktor.ru/Wordwall-zamechatelnaya-kollekciya-shablonov-didakticheskix-igr/>.
- <https://study-english.info/ict-web2.php>.
- <https://teachbase.ru/obuchenie/kak-sozdavat-zadaniya-v-servise-learningapps/>.
- [https://www.womczest.edu.pl/new/wp-content/uploads/2020/05/Tworzenie-wirtualnych-ćwiczeń-w-aplikacji-Wordwall".pdf](https://www.womczest.edu.pl/new/wp-content/uploads/2020/05/Tworzenie-wirtualnych-ćwiczeń-w-aplikacji-Wordwall).

VARIA

ANDRZEJ NARLOCH

Jubileuszowe refleksje – w 80. rocznicę urodzin doktora Tadeusza Pacholczyka

Anniversary reflections – on the occasion of the 80th birthday
of Dr Tadeusz Pacholczyk

Andrzej Narloch, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, andrzej.narloch@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5225-289X>

Doktor Tadeusz Pacholczyk urodził się 11 października 1941 roku w Ostrowie Wlkp. W rodzinnym mieście ukończył szkołę podstawową i liceum ogólnokształcące. Dalsza edukacja to studia prawnicze (UAM) oraz Studium Nauczycielskie w zakresie języka rosyjskiego (1962–1964). W 1964 roku podjął pracę w zawodzie nauczyciela, ucząc języka rosyjskiego, polskiego, historii i wychowania fizycznego. Równocześnie kontynuował studia w zakresie filologii rosyjskiej na Wydziale Filologicznym UAM (1966–1971). W 1971 roku obronił pracę magisterską na temat „Основные закономерности развития словарного состава современного русского языка”. Kuratorium Oświaty i Wychowania w Poznaniu powołało w 1970 roku doktora Pacholczyka na kierownika Sekcji Języka Rosyjskiego w Wojewódzkim Ośrodku Metodycznym w Poznaniu. W latach 1973–1977 pełnił On funkcję koordynatora Zespołu Wizytatorów Języków Obcych. Równocześnie, od 1973 roku, został zatrudniony w Instytucie Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej UAM. W czasie tej pracy pełnił funkcje kierownika praktyk pedagogicznych (1984–2004), zastępcy dyrektora ds. studiów niestacjonarnych (1987–1998) oraz zastępcy dyrektora ds. dydaktycznych (1998–2008). Od 2008 roku jest seniorem Instytutu.

W trakcie działalności na rzecz oświaty wielkopolskiej Jubilat realizował zadania związane z doskonaleniem nauczycieli języków obcych. Jednakże Jego oczkiem w głowie była olimpiada języka rosyjskiego dla młodzieży szkół średnich. Warto też dodać, że w latach 70. XX wieku był On prekursorem w skali ogólnopolskiej tzw. małej olimpiady dla szkół podstawowych, a w latach 1973–1976 kierował międzynarodowymi obozami językowymi w zakresie języka rosyjskiego.

Prace na rzecz Instytutu to przede wszystkim działalność naukowo-dydaktyczna, organizacyjna i społeczno-kulturalna. Eksploracje naukowe Doktora Tadeusza Pacholczyka dotyczą trzech głównych problemów badawczych. W pierwszym z nich Jego dociekania koncentrowały się głównie wokół zagadnień związanych z procesem percepcji obcojęzycznego tekstu graficznego (10 artykułów). Efektem tych badań była dysertacja doktorska na temat: „Kierowanie procesem percepcji obcojęzycznego tekstu graficznego”, którą obronił 31 maja 1984 roku. Przedstawione w niej zagadnienia stanowią istotną podstawę do przewartościowania wielu problemów współczesnej glottodydaktyki w różnych jej aspektach teoretycznych i praktycznych. Drugi problem badawczy dotyczy kulturologii, lingwokulturologii i komunikacji interkulturowej. Jubilat poświęcił im 17 publikacji. Ich motyw przewodni można wyrazić w następujący sposób – komunikacja interkulturowa nie jest prostym przekazem sumy wiedzy o nowej kulturze, a ukształtowaniem u uczących się zdolności do jej rozumienia, do neutralizacji określonych uprzedzeń i negatywnych stereotypów, w odniesieniu zarówno do rodzimej kultury, jak i przyswajanej obcojęzycznej, wyrażanych w kodzie werbalnym. Ostatni problem badawczy dotyczy oddzielnych zagadnień, np.: zasad glottodydaktycznych, uwarunkowań bilingwizmu i trilingwizmu, taksonomii celów nauczania, lapsologii czy też subiektów procesu glottodydaktycznego.

Do osiągnięć naukowych Doktora Tadeusza Pacholczyka można zaliczyć Jego czynny udział w kongresach Międzynarodowego Stowarzyszenia Wykładowców Języka Rosyjskiego i Literatury (ros. МАПРЯЛ) w Warszawie, Pradze, Budapeszcie, Moskwie, Regensburgu, Bratysławie i Sankt Petersburgu. Jubilat był także współorganizatorem pierwszych czterech konferencji naukowych z cyklu „Rusycystyka europejska a współczesność”, a w następnych latach pełnił funkcję przewodniczącego Komitetu Organizacyjnego (7 konferencji). Doktor niejednokrotnie przebywał na stażach zagranicznych: na Uniwersytecie Kazańskim (1969), Uniwersytecie Moskiewskim im. M. Łomonosowa (1972, 1977, 1984) oraz w Państwowym Instytucie Języka Rosyjskiego im. A.S. Puszkina w Moskwie (1988).

Tadeusz Pacholczyk był animatorem przedsięwzięć kulturalnych na forum Instytutu i nie tylko, np.: Konkursu Recytacji Poezji Rosyjskiej, Dni Kultury Wschodniosłowiańskiej, wspierał również instytutowy amatorski teatr Szutnik. Dwukrotnie był powołany jako juror finału Ogólnopolskiego Konkursu Poezji

Rosyjskiej (Kraków, Piwnica pod Baranami, 2003, 2004). Był aktywny w towarzystwach naukowych i organizacjach społeczno-kulturalnych, m.in. jako członek Zarządu Głównego Polskiego Towarzystwa Ruscystycznego (1980–2000) oraz jego sekretarz generalny (1995–2000). Należy do Polskiego Towarzystwa Neofilologicznego (PTN), Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk (PTPN), Stowarzyszenia Absolwentów Uniwersytetu (UAM) w Poznaniu, Stowarzyszenia Współpracy Polska – Wschód, Stowarzyszenia Oświatowców Polskich. Aktualnie jest członkiem Rady Naukowej interdyscyplinarnego periodyku „Forum Wschodnie”.

Doktor Tadeusz Pacholczyk jest autorem 88 publikacji wydawanych w kraju i poza jego granicami, w tym dwóch monografii: *Metodyka kierowania procesem czytania w języku rosyjskim* (1990) oraz *Wybrane zagadnienia współczesnej glottodydaktyki* (2010). Na międzynarodowych i krajowych kongresach i sympozjach naukowych wygłosił ponad 80 referatów, na konferencjach dla nauczycieli języków obcych – 160. W opinii wielu specjalistów zarówno polskich, jak i zagranicznych należy do grona doświadczonych oraz cenionych teoretyków i praktyków w dziedzinie glottodydaktyki.

Za swoją wielowymiarową działalność Jubilat był wielokrotnie nagradzany i wyróżniany. Otrzymał Nagrodę Ministra Oświaty i Wychowania (1974), został odznaczony Złotym Krzyżem Zasługi (1986), Medalem za zasługi dla oświaty i wychowania województwa poznańskiego (1989), Medalem Mickiewicz – Puszkina Stowarzyszenia Współpracy Polska – Wschód (2014). Otrzymał też liczne nagrody JM Rektora UAM.

W życiu codziennym Doktor stosuje maksymę starożytnych – *mens sana in corpore sano*. Zajmował się profesjonalną turystyką zagraniczną, uprawiał kilka dyscyplin sportowych, m.in. tenis ziemny i tenis stołowy.

Powyższy krótki zarys działalności Jubilata stanowi wyraz naszego uznania i podziękowania wyrażony w ten sposób przez byłych studentów i pracowników. Drogiemu Jubilatowi Życzymy dalszych szczęśliwych lat, nowych dokonań naukowych i spełnienia marzeń.

W imieniu społeczności Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskich UAM

były student
prof. UAM dr hab. Andrzej Narloch
prodziekan Wydziału Neofilologii

